

Сергей Зубов

Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I-III вв.)

миграционные процессы в формировании
новой этнокультурной среды по материалам
археологических данных

 LAP
LAMBERT
Academic Publishing

Сергей Зубов

**Воинские миграции римского времени в Среднем
Поволжье (I-III вв.)**

Сергей Зубов

**Воинские миграции римского
времени в Среднем Поволжье
(I-III вв.)**

**миграционные процессы в формировании
новой этнокультурной среды по
материалам археологических данных**

LAP LAMBERT Academic Publishing

Impressum/Imprint (nur für Deutschland/only for Germany)

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Coverbild: www.ingimage.com

Verlag: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG
Dudweiler Landstr. 99, 66123 Saarbrücken, Deutschland
Telefon +49 681 3720-310, Telefax +49 681 3720-3109
Email: info@lap-publishing.com

Herstellung in Deutschland:
Schaltungsdienst Lange o.H.G., Berlin
Books on Demand GmbH, Norderstedt
Reha GmbH, Saarbrücken
Amazon Distribution GmbH, Leipzig
ISBN: 978-3-8454-1115-6

Только для России и стран СНГ

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Издатель: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG
Dudweiler Landstr. 99, 66123 Saarbrücken, Germany
Телефон +49 681 3720-310, Факс +49 681 3720-3109
Email: info@lap-publishing.com

Напечатано в России
ISBN: 978-3-8454-1115-6

АВТОРСКОЕ ПРАВО ©2011 принадлежат автору и LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG и лицензиарам
Все права защищены. Saarbrücken 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	13
Глава 1. Особенности погребальной практики	19
Глава 2. Материальная культура	43
Глава 3. Хронология памятников	63
Глава 4. Происхождение, этнокультурная и историческая интерпретация	87
Заключение	113
Список сокращений	120
Литература	121
Иллюстрации	137

*Моим учителям и наставникам
С.А. Агапову, Г.И. Матвеевой,
В.А. Иванову, А.Х. Пшеничнюку
посвящается...*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема изучения миграционных процессов в раннем железном веке и раннем средневековье является одной из ключевых и принципиальных в археологии Среднего Поволжья и Западного Приуралья, а также сопредельных территорий. Интерес к этой проблематике не случаен. В ряде случаев именно миграции оказывают влияние на формирование новой этнокультурной среды, которая фиксируется археологическими методами и зачастую способствует выделению новых археологических культур.

Этническая и историко-культурная ситуация в регионе в разные периоды характеризуется различной динамикой расселения древних народов.

Основные факторы преобразований в археологических культурах, все кардинальные внутренние изменения общества, без сомнения, находятся в сфере экономических отношений. При этом особая роль в активизации процессов формирования этнокультурной среды принадлежит миграциям.

Путем умозрительных заключений с привлечением немногочисленных письменных источников и этнографических параллелей исследователи воссоздают некоторые модели миграций населения путем выявления причин переселений. В то же время, до конца не выяснен механизм воздействия переселений народов на течение и темп социально-экономических и этнокультурных изменений в древних обществах. Тем более что далеко не все миграции можно отследить археологическими методами [Титов 1982].

В научной литературе последних десятилетий прошлого столетия наблюдалось заметное охлаждение к теоретической части миграционных процессов, в результате чего были поставлены под сомнение миграционные объяснения культурных изменений. В археологической науке утвердилась концепция культурной эволюции, сокращающая до минимума важность передвижений населения в древности.

Эту тенденцию поддерживают некоторые националистически настроенные археологи, которые считают особо важным доказать, что их народ жил на данной территории с незапамятных времен. Чего стоит прослеженный В.Г. Котовым этногенез башкир в Приуралье «от верхнего палеолита до этнографической современности» [Котов 2006]. Некоторые исследователи, обнаружив яркие и неординарные памятники, необоснованно вписывают их в историю своего народа [Степанов 1980], а затем и вовсе создают новую археологическую культуру, оперируя материалами семи курганов из трех могильников, на самом деле опираясь только на один из этих памятников, практически не привлекая археологические данные из других [Вихляев 2000].

Чаще всего к понятию «миграция» прибегают в том случае, когда, даже принимая во внимание дискретность культурного развития, существенные различия в основных характерных особенностях двух соседних в хронологической колонке культур заставляют исследователей говорить о смене культур и даже о смене населения, их оставившего [Титов 1982].

Однако культурные изменения могут вызываться не только сменой населения, но и появлением культурных инноваций в результате прогрессивного развития, культурных влияний и активного взаимодействия, а также социальных катаклизмов. В таком случае следует разрабатывать алгоритмы разграничения культурных изменений, вызванных миграцией, притоком нового населения, от культурных изменений, вызванных другими причинами.

Следствием этого возникает необходимость создания доказательной базы существования той или иной миграции. Априори, в теоретическом плане, миграции должны соответствовать определенным требованиям или критериям.

В идеале при выявлении и анализе миграций должны быть известны исходная территория происхождения мигрирующего населения, выявлены памятники, маркирующие пути миграций, культурные изменения, вызванные мигрантами на новой территории. При этом должен быть соблюден хронологический принцип сопоставления, доказывающий возможность такого переселения, а археологические данные должны быть дополнены антропологическими, подтверждающими, что смена культур сопровождалась изменением физического типа носителей культуры [Титов 1982, с. 92].

Следует отметить, что за пределы данной работы выведены периодические миграции, осуществляющиеся кочевым и полукочевым населением сезонно и циклично по строго определенной территории в рамках обусловленной географической среды, откорректированной соседними сообществами. По-

сколькx именно в таких систематических или постоянных пространственно-временных перемещениях, являющихся обычным состоянием, обусловленным характером производства и образом жизни, заключается суть кочевания.

Еще Н.Я. Мерпертом на индуктивном уровне были выделены три модели миграционных волн. По первой из них в основе миграций лежит экологический фактор – люди, подобно животным, меняли место жительства в силу изменения природных условий. По второй модели, миграции были обусловлены экономическим фактором, в первую очередь ростом населения. Миграции третьего рода порождены как экономическим, так и социальным факторами [Мерперт 1978, с. 9-13]. Размытость последнего определения связана, в том числе и с тем, что исследователь не разграничил миграционные процессы переселения народов от процессов расселения. Собственно Н.Я. Мерпертом были представлены не модели миграций, а основные причины, способствующие возникновению миграционных процессов.

В упрощенном виде можно условно определить причины миграций в древних обществах как 1) экологические, 2) демографические, 3) социальные, 4) военные.

1. Экология. Под экологическими причинами миграций понимается возникновение и развитие природно-климатических катаклизмов, при которых происходит резкая смена ландшафтных, природных и климатических условий жизнеобитания, коренным образом отражающаяся на флоре и фауне региона. При этих изменившихся условиях становится невозможным продолжать традиционное ведение хозяйства. Локальные экологические катастрофы (засуха, наводнение, лесные пожары, джут и пр.) оказывают прямое влияние на уменьшение ресурсов питания (жизнеобеспечения) и, как правило, поиска более благоприятных мест обитания.

В хрониках о хунну начиная с I в. до н.э. постоянно отмечаются очень холодные зимы и засухи, выходящие за пределы обычных. К III в. происходит аридизация климата, кульминация процесса усыхания и как следствие, сокращение пастбищных угодий, что привело к обезлюдению северных степей Халхи. И хунну, и сяньбийцы «вынуждены были ютиться около горных склонов и непересыхающих озер». Прежние методы ведения хозяйства аридизация климата сделала невозможными [Гумилев 1983, с. 290].

2. Демография. Под демографическими причинами подразумевается значительный рост населения, так называемый «демографический взрыв», при котором освоенная территория не может прокормить увеличившееся коли-

чество народа. Здесь следует отметить, что термин «демографический взрыв», который с удовольствием используют некоторые исследователи, следует применять с большой осторожностью и оговорками. Даже незначительное увеличение населения может превысить реальную емкость пищевой базы территории. А при небольших негативных природно-климатических изменениях даже стабильное количество населения может рассматриваться избыточным. К примеру, у Геродота сообщается о «тяжком голоде во всей Лидии» на протяжении 18 лет, который вынудил половину населения эмигрировать «в землю омбриков» в италийскую Этрурию [Геродот I, 94, с. 42].

3. Общество. Под воздействием причин экономического и социального характера, возможно усугубленного экологическими изменениями географической среды обитания, могут возникнуть миграции в результате сложных этнообразующих процессов этнической дивергенции и конвергенции населения и формирования новой этнокультурной среды.

К таковым факторам относится этническая парциация (лат. *pars, partis* – часть, парциальный – частичный, отдельный) – когда единый прежде этнос делится на несколько более или менее равных частей, причем ни один из новых этносов не отождествляет себя полностью со старым. Примером этнической парциации может служить общепринятый большинством специалистов процесс раздробления ананьинской общности на ряд этнокультурных образований – кара-абызской, гляденовской, пьяноборской археологических культур.

Этническая сепарация (лат. *separatus* – отдельный, обособленный) подразумевает те случаи, когда от какого-то народа отделяется его часть, которая со временем превращается в самостоятельный этнос [Бромлей 1983, с. 236]. В данном контексте можно говорить о части населения гороховской культуры, уклонившейся от этнической консолидации с саргатским этносом в Зауралье и принявшего участие в сложении памятников айского и гафурийского типа [Савельев 1998, с.70-73; Пшеничнюк 1976, с.130-131] на территории Западного Приуралья.

Нельзя не учитывать политический фактор в миграционных процессах. В частности, поражение определенной группировки того или иного социального класса или этнической принадлежности в династической борьбе предполагает уход с территории от репрессий победителей. Придя к власти, опираясь прежде всего на северных и восточных наемников, Корнелий Сулла уничтожил к 78 году до н.э. почти 5 тысяч знатных римских граждан и враждебные этносы

(самниты, этруски), остатки которых вынуждены были покинуть территорию Италии.

Находившееся в кризисе римское государство делало попытки оживить внутреннюю жизнь Империи за счёт привлечения на свою сторону северных и восточных этносов. В первые века нашей эры северо-восточные окраинные земли Империи предлагались под заселение различным племенным объединениям сарматов и бастарнам. Таким образом, создавались буферные пограничные зоны Империи. Эти племена переселялись на плодородные земли с более мягким климатом. При этом они получали продукцию ремесленного производства и богатые подарки.

4. Война. Военный фактор возникновения миграций основан на прямой военной экспансии на земли, заселенные коренным населением, которое, в связи с невозможностью противостоять силой своего оружия, вынуждено мигрировать на другие территории. Опосредованная военная опасность заключается в соседстве с агрессивным этносом, чья экспансионистская политика строится милитаристскими методами, основанными на даннических отношениях, грабеже и уводе населения в рабство.

В миграциях военного характера в первую очередь выделяются инвазии (лат. *invasion* – нашествие, нападение, англ. *invasion* – вторжение) – массовые или тотальные перемещения населения на новые земли, связанные с активными боевыми действиями. Инвазия в большей степени определяется коренным изменением экологической ситуации в регионе и фактором войны. Вторым явлением миграций военного характера представляется возможным выделение «военных выплесков» – одна из форм малых миграций [Зубов 2004, с.78-82].

Позволю себе предположить, что ни одна миграция не возникает исключительно от одной из указанных причин в чистом виде, чаще всего это симбиоз двух факторов одновременно. Сложность при определении причин военных миграций заключается в том, что зачастую приходится рассматривать или выявлять третью сторону, ставшую катализатором при переселении второй на земли первой. Иногда срабатывает «принцип падающего домино», подталкивающий к вынужденному переселению большое количество групп населения, ярким примером которого может послужить «Великое переселение народов».

По форме переселений можно выделить два принципиальных вида миграций – добровольные и вынужденные (принудительные).

При изучении миграционных процессов, влияющих на формирование этнокультурной среды, следует учитывать ряд параметров: 1) пространственный, 2) социально-экономический, 3) временной, 4) общеисторический.

Первый определяется системой адаптации к региону с четкими ландшафтными и климатическими условиями. Поскольку древние общества напрямую зависели от экологических, природно-климатических изменений, рассмотрим две модели возникновения миграций по экологическому признаку:

- 1) благоприятные природно-климатические условия;
- 2) природно-климатические катаклизмы.

В соответствии с первой моделью мы можем предположить стабилизацию социально-экономического потенциала общества, увеличение ресурсов питания и как следствие этого – увеличение численности населения. Эти положительные демографические процессы приводят к сегментации рода или племени. «Отпочковавшееся» население априори вынуждено осваивать новые территории.

По второй модели природно-климатические катаклизмы в первую очередь влияют на экономическую базу, самым губительным образом затрагивая пищевую емкость территории. Население вынуждено искать более благоприятные регионы для продолжения традиционного ведения хозяйства. В некоторых случаях мигранты находят не занятые территории, наиболее приспособленные к адаптации. Зачастую эти земли уже заняты коренным населением. В таком случае возможны вооруженные конфликты с целью вытеснения местных жителей с их исконной территории вплоть до массового уничтожения последних. Справедливости ради следует сказать о крайне редком тотальном уничтожении населения при миграциях-инвазиях.

Зачастую о причинах миграций населения мы можем только догадываться или предполагать одну или синтез причин по косвенным признакам, поскольку археологическими методами причины переселений практически не фиксируются. При этом следует учитывать закономерную фрагментарность археологических данных даже для хорошо изученных культур, которые лишь отчасти и всегда неполно отражают культуру этноса-носителя в целом.

Миграции по количеству участия населения в переселении можно условно разделить на 1) единичные, 2) групповые, 3) массовые и 4) тотальные.

Миграции, которые сопряжены с массовым исходом коренного населения с мест исконного обитания и переселением в другие географические регионы в большинстве случаев возникают вследствие изменения ландшафтов, природно-

климатических катаклизмов [Гумилев 1993] или демографических коллизий, а также экспансионистской политики одного или нескольких активных этносов. К таковым, к примеру, мы можем отнести полный разгром сяньбийцами северного Хунну в 87 г. [Бичурин 1950, с. 127]. И хотя сяньби не развили успеха и ушли обратно, «58 родов, в коих считалось 200 тысяч душ и 8 тысяч строевого войска, откочевали на юг и передались Китаю» [Гумилев 1993, с. 181]. В 90 г., не в силах сражаться с многочисленными врагами: китайцами, сяньбийцами и динлинами, хунну вынуждены были отступить со своих земель на территорию Западной Сибири, в степи Барабы. В этой связи интересен факт исчезновения саргатских памятников к I в. н.э., отмеченный археологами [Корякова 1988, с. 169]. Десятилетняя война (155-166 гг.) между двумя кочевыми империями – Хунну и Сяньби закончилась полной победой последней под предводительством Таншихая и изгнанием хуннов из Джунгарии за Тарбагатай. Сяньбийцы овладели всеми землями, бывшими под державой хуннов от востока к западу, от Уссури до меридиана Волги или Урала. Не случайно в 160 г. Дионисий Периегет впервые упоминает о гуннах, вышедших к Волге. Следующее упоминание о них находим у Птолемея, датированное в пределах 175-182 гг. Эти достаточно спорные сообщения античных авторов не исключают общей тенденции.

Как указывалось выше, в контексте миграции–инвазии автором уже рассматривалось явление, условно обозначенное как «военный (воинский) выплеск» – одна из составляющих малых миграций [Зубов 2004].

Если рассмотреть некоторые возможные причины возникновения этого явления, то можно представить их в следующем порядке.

1. Военный поход ради захвата добычи (материальных ценностей, рабов, скота и пр.). Захоронение погибших воинов на чужой территории производилось преимущественно в соответствии с присущей данной этнической группе населения погребальной обрядности. В ряде случаев наземные следы захоронения могли прятать от разграбления или осквернения, но в остальном, на наш взгляд, погребальная практика сохранялась неизменной.

2. Военный поход ради завоевания новых территорий и населения, когда родоплеменная верхушка старейшин не давала возможности молодым честолюбивым воинам выйти на лидирующие властные позиции.

3. Вынужденные перемещения военного отряда, связанные с потерей своих земель, хозяйства и мирного населения в результате поражения в военных действиях от более сильных и удачливых соперников–мигрантов.

4. Вынужденные перемещения населения (племена или нескольких родов), связанные с потерей своих земель или уходом от опасного соседства с милитаристским активным этносом.

5. Малые вынужденные миграции могут быть связаны с поражением в династической борьбе и уходом от политических репрессий на территории, занятые более слабым в военном отношении населением.

6. Принудительное переселение побежденного населения или его части для освоения новых земель или переселение в метрополию в качестве зависимого населения.

Пути решения поставленной проблемы имеют неоднозначный характер, поскольку фундаментальных исследований теоретической базы основ миграционных процессов в российской археологии на сегодняшний день не существует. К этому следует добавить трудности определения причинно-следственных связей миграций на археологическом материале и исходных территорий мигрантов на фоне общей этнокультурной ситуации в регионе и сопредельных территорий.

Данное положение более чем актуально в связи с тем, что на территории Среднего Поволжья (в Мордовии, Марий-Эл и Нижегородской области) выявлен ряд памятников, однозначно имеющих пришлый миграционный характер, материалы которых обладают большой военизированной нагрузкой.

ВВЕДЕНИЕ

Памятники первых веков нашей эры, появившиеся вслед за классическими памятниками городецкой культуры с текстильной и псевдорогожной керамикой и известные сейчас в научной литературе как древности писеральско-андреевского типа, были открыты в 1958 г. А.Х. Халиковым в результате исследования небольшой курганной группы у д. Писералы (рис. 44) Горномарийского района Республики Марий Эл [Халиков 1962, с. 116-138]. В ходе раскопок было изучено 5 курганов, содержащих 21 погребение. Исследователь сразу же отметил необычность этого некрополя среди памятников железного века Поволжья и Прикамья и датировал его II–III вв. н.э. Появление Писеральских курганов А.Х. Халиков связывал с инфильтрацией в правобережные районы Среднего Поволжья пьяноборского населения, что подтверждалось им также рядом находок этого типа от р. Суры до Казанского поворота Волги [Халиков 1962, с. 133-138].

На территории Мордовского края памятники этого типа впервые обнаружил П.Д. Степанов, который в 1963–64 гг. раскопал Андреевский 1 курган (рис. 4) в Большеигнатовском районе Республики Мордовия [Степанов 1964, с. 206-267; Степанов 1980]. В 1967 г. им был исследован еще один памятник круга писеральско-андреевских древностей – курган около с. Старое Ардатово Ардатовского района Республики Мордовия (рис. 5), единственное погребение которого он соотнес с грунтовыми погребениями Андреевского кургана [Степанов 1974, с. 70-72]. На следующий год П.Д. Степанов предпринимает раскопки селища, расположенного близ Андреевского кургана. Археологические исследования показали, что оно использовалось населением, оставившим одноименный некрополь [Степанов 1964, с. 246; Степанов 1974]. К сожалению, никаких отчетных материалов и публикаций по этому поводу нет кроме выжимки из шести строк по отчету аспиранта Ю.Б. Степашкина [Степанов 1964], который найти не удалось.

Параллельно с полевыми исследованиями П.Д. Степанов вел большую работу по интерпретации полученных артефактов. Практически сразу исследователь опубликовал материалы Андреевского кургана в виде предварительного сообщения, которое, несмотря на небольшую вводную часть, содержало подробный дневник раскопок, наиболее близкий к оригиналу отчета [Степанов

1964]. Уже тогда П.Д. Степанов отметил чрезвычайную близость «андреевских вещей к писеральским находкам», что «заставляет считать оба памятника, входящими в круг одной культуры, однако при племенном различии...» [Степанов 1964, с. 220]. Вместе с тем, он датировал материалы впускных погребений I–II вв. н.э., а грунтовых – ранее рубежа нашей эры [Степанов 1964, с. 219-221]. Свою точку зрения на этнокультурный характер памятника, содержащего четыре компонента – позднегородецкий, пьяноборский, сарматский и древнемордовский, – исследователь подтвердил на научной сессии по этногенезу мордовского народа, состоявшейся в Саранске в 1964 г. [Степанов 1965].

В последующие годы П.Д. Степанов выпустил ряд небольших заметок по отдельным артефактам памятника [Степанов 1969; Степанов 1973]. Тогда же интерес ряда исследователей привлекли внимание римские импорты из Андреевского кургана [Кропоткин 1969; Шилов 1972; Шилов 1975, с. 145-147, 156, 162-163]. И, наконец, в 1980 г., уже после кончины П.Д. Степанова, вышла в свет обстоятельная монография автора с расширенной интерпретационной частью андреевских материалов, в которой была представлена его откорректированная концепция. В частности, автор соотнес сооружение кургана и его грунтовые погребения с вторжением в местную среду конников-завоевателей савромато-сарматского происхождения. Во впускных же погребениях были похоронены «...люди времен городецкой культуры, но воспринявшие и переработавшие элементы культуры ананьинских и пьяноборских племен, то есть создатели древнемордовского культурного комплекса» [Степанов 1980, с. 46-47]. В дальнейшем именно андреевские многочисленные комплексы, достаточно хорошо документированные, стали эталонными для разработок периодизации и хронологии писеральско-андреевских древностей, а также их интерпретации в контексте этнокультурной истории Поволжья в финале раннего железного века.

Только лишь спустя почти тридцать лет список памятников писеральско-андреевского типа пополнился раскопками Климкинской курганной группы, расположенной в 4,5 км от Писеральских курганов. Выявленный в 1958 г. могильник [Халиков 1958] впервые подвергся раскопкам в 1991 и 1993 гг. Г.А. Архиповым и А.И. Шадриним. В течение двух полевых сезонов был исследован курган № 1, датировка которого была необоснованно омоложена его исследователями до III–IV вв. [Архипов, Шадрин 1995, с. 119]. В 2003–

2004 г. А.В. Михеев исследовал курган № 2 [Зубов, Михеев 2006]. Всего под насыпями двух курганов было исследовано 28 захоронений.

Еще почти двадцать лет потребовалось на то, чтобы найти новые памятники подобного рода. В 2010 году С.Э. Зубовым и О.А. Радюшем были найдены два могильника первых веков нашей эры на территории Пильнинского района Нижегородской области [Зубов и др. 2011].

Пильнинский I могильник расположен на мысу коренной террасы реки Анда, левого притока р. Пьяны. На слабо выраженном склоне мыса было зафиксировано около 50 грабительских вкопов. Часть материалов из грабительских раскопок была получена Государственным историческим музеем. Коллекция была представлена предметами вооружения и конского снаряжения, поясной гарнитуры, украшениями одежды и пр. Все вещи из грабительских раскопок датируются в пределах I–III вв. н.э.

На низком мысообразном отроге второй надлуговой террасы, в 200 м от мыса, на котором расположен Пильнинский I могильник, разведочным шурфом было выявлено мужское захоронение (35-40 лет)*, погребальный инвентарь которого можно соотнести с материалами писеральско-андреевского типа памятников и датировать I–III вв. н.э. (рис. 42; 43). Это костяные и железные наконечники стрел, бронзовая пряжка с железным язычком, округло-вытянутая бусина глухого серебристого цвета. Вдоль правого бедра лежал железный меч плохой сохранности. Собственно и сохранность костей захороненного тоже плохая. И это понятно, поскольку умерший был погребен на глубине 25-26 см от поверхности.

Таким образом, на сегодняшний день число памятников писеральско-андреевского типа пополнилось еще двумя могильниками и составило шесть могильников, четыре из которых курганные и два – грунтовые.

Во второй половине 80-х гг. XX в. А.Х. Халиков впервые объединил Писеральские и Андреевский курганы в один тип памятников и выступил с новой гипотезой их происхождения, по-прежнему настаивая на датировке древностей II–III вв. Исходным центром распространения этих древностей он считал районы Южного Зауралья и северо-западного Казахстана, где, по его мнению, «... встречается удивительное сочетание всех специфических черт погребального обряда андреевско-писеральского типа» [Халиков 1987, с. 12-

* Антропологическое определение выполнено доцентом кафедры анатомии и физиологии человека ПГСГА к.и.н., А.А. Хохловым (Самара).

13]. В этой связи наряду с сарматскими и пьяноборскими чертами он выделил как ведущий южносибирский (тюркоязычный) компонент в формировании писеральско-андреевских древностей [Халиков 1986, с. 75; Халиков 1987, с. 17]. Эти откорректированные построения А.Х. Халикова вызвали, с одной стороны, возражения среди ряда исследователей [Матвеева 1986, с. 160; Гришаков 1990, с. 134-137], с другой – обрели опосредованную поддержку [Зубов 1999, с. 46; Зубов, Михеев 2006, с. 216-222, табл. 4].

С датировкой памятников андреевско-писеральского типа II–III вв. согласился Ю.А. Зеленева, однако он считал грунтовые погребения Андреевского кургана сарматскими, усложненными некоторыми элементами культуры пьяноборского населения. К «типично позднесарматским» им был отнесен Староардатовский I курган. Впускные погребения Андреевского кургана, по его мнению, были оставлены уже «качественно новым населением» [Зеленева 1988, с. 81-84].

Тогда же Г.И. Матвеевой было высказано предположение, что Андреевский курган отразил процессы «...интеграции пьяноборских и городецких племен при участии пшеворско-зарубинецких компонентов» [Матвеева 1986, с. 160]. Разрабатывая в дальнейшем свою гипотезу, она пришла к выводу о непосредственной связи погребенных в грунтовых могилах Андреевки с «...латенизированными культурами Центральной и Восточной Европы раннеримского времени (0–200 г. н.э.)». Основную же роль в формировании культуры памятников андреевско-писеральского типа она отводит пьяноборскому компоненту [Матвеева 2003, с. 289-292].

К интерпретации андреевских древностей обращался и К.А. Смирнов. Он видел в кургане «...два самостоятельных могильника, оставленных разными группами населения и относящихся к разному времени» [Смирнов 1992, с. 3; Смирнов 1994, с. 93]. По его мнению, грунтовые могилы, датированные им в пределах III–I вв. до н.э., «были оставлены населением, в значительной степени воспринявшим сарматскую культуру», а впускные погребения I–II вв. совершены населением, «связанным с городецкой культурой» [Смирнов 1992, с. 6].

Новую точку зрения на условия, причины появления и этнокультурную интерпретацию памятников писеральско-андреевского типа высказал С.Э. Зубов. Он считает возможным их появление связать не с миграцией «...какой-то части народа», а рассматривать эти памятники как военный «выплеск», когда группа воинов, «объединившись вокруг удачливого предводителя в военный

отряд, ...отправлялась на завоевание своей территории» [Зубов 1999, с. 49]. В качестве гипотезы, «в некоторой степени близкой к точке зрения А.Х. Халикова», исследователь предложил участие основного «...зауральского компонента в сложении населения, оставившего Андреевский курган» [Зубов 1999, с. 48], отмечая «близость некоторых элементов погребального обряда Андреевского кургана, Писеральских и Климкинских могильников с лесостепными племенами саргатской культуры» [Зубов, Михеев 2006, с. 222].

К гипотезе «военного выплеска» присоединился и В.В. Гришаков [Гришаков 2002, с. 68], который раньше считал, что уже в грунтовых погребениях неразрывно слиты два компонента – сарматский и местный финно-угорский [Гришаков 1990, с. 136]. Анализ ряда категорий материалов позволил ему также в определенной степени откорректировать датировку комплексов Андреевского кургана. Так, время сооружения центральной могилы он относит к середине I в. н.э., накопление же остальных грунтовых погребений – на протяжении третьей четверти I в. н.э. Соответственно, совершение на памятнике впускных погребений приходится на последнюю четверть I – начало (может быть, первую четверть) II вв. н.э. [Гришаков 1999, с. 136; Гришаков 2002, с. 68].

В последние годы древностям писеральско-андреевского типа уделяет особое внимание В.И. Вихляев. Рассматриваемые памятники он посчитал необходимым выделить в особую археологическую культуру в Среднем Поволжье, в развитии которой, по мнению автора, прослеживаются три этапа [Вихляев 1999, с. 26-27; Вихляев 2000, с. 52-53]. Однако аргументы, которыми оперирует автор, порой представляются малообоснованными и противоречивыми. В целом, хронологические выкладки исследователя выглядят следующим образом: грунтовые погребения Андреевского кургана датируются первой половиной I в. н.э., впускные – концом I–II вв. н.э.; Писеральские курганы – серединой I – серединой II в. н.э.; Климкинские курганы – второй половиной I – началом II вв. н.э. [Вихляев 2000, с. 45-49]. Как считает В.И. Вихляев, своим происхождением грунтовые погребения Андреевского и Писеральские курганы были связаны со степной кочевой средой, под которой он, исходя из приводимых аналогий, подразумевает сарматов, а последующие два этапа рассматриваются им как время воздействия местной среды городецкого и прикамского (пьяноборского?) облика на культуру пришлого населения [Вихляев 2000, с. 51-52].

Таким образом, все исследователи указывают на сложность и неоднородность этнокультурного облика населения, оставившего памятники писеральско-андреевского типа. Но сразу же возникают разногласия, когда поднимается вопрос, кому и в какой степени принадлежал доминирующий компонент в процессе их сложения и с какими определенными историческими событиями связано их появление? К сожалению, стремясь вычленить те или иные этнические признаки в памятниках писеральско-андреевского типа, авторы подчас не обращали внимания на процедуру выделения достоверно синхронных или хронологически последовательных комплексов, что делало бы их выводы более аргументированными. Поэтому ни одна из предложенных гипотез до сих пор не принята, но и не опровергнута.

ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

1.1. Андреевский курган

Процесс возведения насыпи Андреевского 1 кургана достаточно определенно П.Д. Степановым не выявлен. Стратиграфической фиксации насыпи кургана не проводилось или, по крайней мере, до нас не дошли какие-либо свидетельства проведения этой работы. Бесспорно, первой была сооружена центральная могила 25, но была ли над ним возведена первоначальная насыпь или нет – точно не прослежено [Степанов 1980, с. 13].

Сам автор раскопок непоследователен в этом вопросе. В одном случае он считает, что сначала был возведен курган над основной центральной могилой, в поле которого по кругу были введены остальные грунтовые погребения [Степанов 1980, с. 5], в другом – допускает покрытие единой насыпью всех грунтовых могил в один прием [Степанов 1964, с. 220; Степанов 1980, с. 13]. После сооружения кургана в насыпь были совершены впускные погребения более позднего времени.

Общими признаками погребального обряда для выделенных нами четырех групп погребений (рис. 9) являются следующие признаки: могильные ямы, когда они прослеживались, имели в плане подпрямоугольную форму, единственным типом захоронения являются трупоположения на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. Исключение составляют только подчиненные захоронения (рабы?): у одного из погребенных кисти рук были связаны и находились под тазом (погр. 25-4), у другого – уложены на груди (погр. 51). Третий (погр. 23) вообще был брошен на край могилы 25. Трудно объяснимая поза умершего предполагает проседание насыпи основной могилы и в соответствии с этим проседание останков слуги или пленника.

Глубина могильных ям и уровень залегания впускных погребений зафиксированы автором раскопок от уровня нулевой отметки.

Контуры могил прослежены лишь в 20 случаях, ориентировка костяков доподлинно установлена в 42 случаях (табл. 1). Погребенные ориентированы преимущественно в северном направлении (табл. 2).

Центральное погребальное сооружение Андреевского кургана, единственное на памятнике захоронение первой группы (рис. 9; 10; 11), представляло собой обширную могилу с высокими (0,77 м от дна могилы) широкими (до 60–70 см) продольными плечиками, вытянутую по линии СВ-ЮЗ (рис. 10). Одно из плечиков – материковое, другое – сформовано глиной, забитой между матери-

ковой стенкой и древесной облицовкой погребальной камеры. Длина входной ямы составляла 6,6 м при ширине 4,5 м. На уровне плечиков было сооружено древесное перекрытие, поддерживаемое шестью симметрично расположенными столбами диаметром около 0,3 м, ямы от которых глубиной 0,5 м выявлены на дне могилы. Скорее всего, древесное покрытие, прослеженное на костяках и инвентаре умерших, является просевшими остатками перекрытия. На него вдоль северо-восточной торцевой стенки были положены останки лошади, от которых сохранились череп и пясти, фаланги всех ног. Такие находки обычно связывают с положением шкуры лошади.

Погребальная камера имела в длину 6,4 при ширине 2,88 м. Ее стенки от уровня плечиков по периметру были обложены древесной облицовкой, которая прижималась к стенкам вертикальными столбами или кольями, расположенными через определенные промежутки. Глубина могилы составила 2,4 м. На дне прослеживались пять поперечных канавок от деревянных плах, на которые была положена древесная подстилка для умерших.

Погребение коллективное, содержало четыре мужских захоронения. Три костяка лежали в центральной части ямы параллельно друг другу головами на северо-восток и сопровождалась богатым довольно стандартным инвентарем, расположенным в определенном порядке (рис. 11-1, 2, 3). Украшения и принадлежности костюма, практически однотипные у всех по набору (ожерелья бус, крупные застежки, поясные наборы), находились в соответствии с назначением. Мечи лежали слева от таза вдоль туловища погребенных, кинжал при костяке 25-1 – справа. Такое сочетание и расположение клинкового оружия характерно как для сарматских погребений [Смирнов 1989, с. 172; Мошкова 1989, с. 197], так и для пьяноборских [Агеев 1992, с. 24-25] и кара-абызских [Пшеничнюк 1968, с. 77]. Наконечники копий и дротиков находились в области головы, колчаны со стрелами – вдоль голени умерших слева или справа, ножи – всегда справа от пояса. В расположении удил и железных штырей закономерности нет. В изголовье костяка 25-1 были свернуты доспехи, и, возможно, ему принадлежали «воинские трофеи», найденные ближе к северо-восточной стенке по центральной оси погребения.

Четвертый костяк был положен со связанными за спиной руками в ногах у основных захороненных, вдоль юго-западной стенки могилы, и ориентирован головой на юго-восток (рис. 11-4). Украшения (бусы, поясная накладка) и нож находились в порядке ношения, колчан со стрелами лежал вдоль бедра.

Могильные сооружения второй группы (рис. 9) представлены двумя типами: 1 – ямы с плечиками, представленные вариантами а – с двумя плечиками и б – с одним плечиком; 2 – ямы без заплечиков.

В могилах типа 1а, которые представляют более или менее упрощенный вариант центрального погребения, были совершены парные противоположащие погребения – женское 38-39 (рис. 14-1) и мужское 50-51 (рис. 12). Длина входных ямы составляла 4,0–4,2 м при ширине 1,8–2,5 м. Плечики достигали в высоту до 0,6 м от дна могилы и ширину 0,65–0,8 м. Погребальные камеры имели в длину 3,8–4,2 м и ширину 0,7–0,75 м.

В камере мужского погребения вдоль стенки была оставлена невысокая материковая приступка шириной 0,3 м, на которой расчищена канавка от поперечной плашки. Глубина могилы составила 3,0 м. Продольные стенки могилы обложены древесной облицовкой. Следов подстилки и перекрытия не зафиксировано. Впрочем, о вероятности существования последнего на уровне плечиков косвенно указывает поза скелета 51 на приступке, у которого в результате проседания перекрытия кости правой руки могли сместиться с груди на дно могилы, а кости правого бедра и таза – оказаться ниже остальных частей скелета. Ориентировка погребенного на приступке – головой на ЮЗ, т.е. противоположащей основному захоронению 50. В северо-восточной части приступки найден череп лошади.

Основное мужское захоронение было ориентировано головой на северо-восток. Комплекс украшений и принадлежностей костюма, расположение его элементов полностью идентичны таковым в основных захоронениях могилы 25. Размещение предметов вооружения, конского снаряжения и доспехов в целом соответствует захоронению 25-1, за исключением меча, который находился вдоль внутренней стороны правой ноги, и колчана со стрелами, положенного на нижнюю часть ножен. Новыми элементами обряда следует считать размещение в засыпке над областью изголовья глиняного сосуда, а также, возможно, положенный в дар умершему слева у головы колчан со стрелами.

На дне погребальной камеры женской могилы 38-39 были продольные канавки для плах, на которых располагалась древесная подстилка. Глубина могилы составила 1,8 м. Следов древесной облицовки стенок не прослежено. Костяк взрослой погребенной был ориентирован головой на север, подростковый скелет – в ногах женщины, в противоположном направлении с отклонением к юго-востоку. Все украшения костюма (височные подвески, ожерелья бус, застежки, бляха и наконечник) располагались на местах ношения.

В могиле типа 1б было совершено мужское погребение 54. Длина входной ямы составляла 4,8 м при ширине 1,5 м. Материковое плечико шириной около 45 см находилось вдоль восточной стенки. Глубина могилы составила 2,5 м. Стенки погребальной камеры шириной 1,05 м по периметру были обложены древесной облицовкой. На дне прослежены древесная подстилка, а на уровне плечика – перекрытие, которое просело практически до уровня погребенного. Умерший был ориентирован головой на север. Украшения и принадлежности костюма находились в соответствии с их назначением. Предметы вооружения (наконечник копья, меч, колчан со стрелами, нож) и конского снаряжения располагались в обычном для грунтовых погребений порядке. Меч, как и в захоронении 50, находился вдоль правой ноги погребенного. В ногах был поставлен глиняный сосуд.

Остальные захоронения этой группы были совершены в могилах подпрямоугольной формы без дополнительных конструкций 2 типа (рис. 13; 14-2, 3). Это мужские погребения 37-41, 45, 46, 55, 56, женское 40 и подростково-детские 33, 34. Длина ям индивидуальных мужских захоронений составляла 2,2–3,4 м при глубине 1,4–1,65 м. Ширина их в индивидуальных погребениях равнялась около 1/3 длины и варьировала от 0,8 до 1,25 м. В парном погребении 37-41 при длине 3,1 м и глубине 1,9 м ее ширина была 2,0 м. Остатков древесных конструкций в них не прослеживалось. Погребенные были уложены головой на северо-восток (погребения 37-41, 56), север (погребения 45, 55), в одном случае в противоположном направлении – на юг (погребение 46). Украшения и принадлежности костюма находились в соответствии с их назначением. Наконечники копий обнаружены слева и справа в области изголовья, кинжал в погребении 56, как и в захоронении 25-1, – справа от таза. Колчан со стрелами в погребении 56 был положен не вдоль голени от стопы, как это наблюдалось в грунтовых могилах 1 типа, а от колена вдоль бедра, т.е., скорее всего, как его носили при жизни. Глиняные сосуды в 4 случаях были поставлены в ногах (погребения 37-41, 45, 46, 56), в погребении 55 – около правого плеча. Два глиняных сосуда обнаружены также рядом с погребением 56 на уровне погребенной почвы. В изголовье захоронения 37, как и в погребении 25, были положены воинские трофеи, а около восточного угла могильной ямы погребения 37-41 был обнаружен череп лошади, кости конечности которой (пястные, плюсневые и фаланги) найдены на дне вдоль юго-восточной стенки.

Могила женского погребения 40 имела в длину 2,5 м при ширине 1,0 м и глубине 1,05 м. На дне зафиксирована древесная подстилка. Умершая была положена головой на северо-восток, украшения – на месте ношения.

Длина ямы подростково-детских погребений несколько меньше и составляла 1,5–2,0 м при ширине 0,5–1,0 м и глубине 1,1–1,3 м. Следов древесных конструкций не зафиксировано. В одной могиле (погр. 33), принадлежавшей, судя по всему, девочке, погребенная лежала головой на юг, в другой – на север (погр. 34), украшения обнаружены на месте ношения. В ногах захоронения 33 был поставлен глиняный горшок ручной лепки.

Соотношение всех грунтовых могильных сооружений 1 и 2 типов в кургане составляет 33% и 67% соответственно. Характерной чертой могил 1 типа является применение разного рода деревянных конструкций в погребальных камерах, в то время как в ямах 2 типа зафиксировано лишь единственное применение древесной подстилки для умершей. Абсолютные размеры и глубина могил 1 типа значительно больше, чем у ям 2 типа. Корреляция погребальных сооружений 1 типа с мужскими захоронениями, содержащими наряду с копьями обязательно мечи, колчаны со значительным количеством стрел, снабженных железными и костяными наконечниками, конское снаряжение, свидетельствует о том, что этот тип могил сооружался для погребения людей особого социального статуса. В ямах 2 типа мужские захоронения сопровождаются преимущественно наконечниками копий (только в одном случае – с кинжалом, а в другом – с несколькими костяными наконечниками стрел), отсутствуют мечи и удила. Это подтверждается и коллективными мужскими погребениями в могилах 1 типа, где лица, сопровождающие покойных с богатым инвентарем, положены в нестандартной позе и имеют другую ориентировку. В единственной же коллективной могиле 37-41 2 типа захоронение «спутника» по обряду не отличается от основного погребенного.

Вместе с тем, оба типа могил объединяют ряд элементов погребального обряда: ориентировка погребенных; захоронение останков лошади в виде головы, в двух случаях – с частями конечностей; расположение в изголовье умерших «воинских трофеев». В состав инвентаря второй группы грунтовых могил 1 и 2 типа входили глиняные сосуды, которые в мужских захоронениях ставились преимущественно в ногах, а в женских – в изголовье. В целом, несмотря на некоторые отличия в ассортименте погребального инвентаря, они содержат, как это показал проведенный выше анализ комплексов, идентичные типы вооружения, украшений и принадлежностей костюма и планиграфически связаны

с центральным погребением кургана. Это, бесспорно, свидетельствует о единой этнокультурной среде коллектива, оставившего все грунтовые могилы.

Все впускные погребения третьей и четвертой групп индивидуальные. В их планиграфии, как и у грунтовых могил, наблюдается некоторая закономерность. Если погребения третьей группы распределяются довольно равномерно по всей насыпи кургана, то четвертой – располагаются преимущественно в северной части насыпи, концентрируясь в северо-восточном секторе.

В третьей группе (рис. 9), содержащей 9 мужских и 7 женских погребений, могильные сооружения прослежены только в четырех случаях (мужские погребения 21, 32, женские 10, 47) и представлены ямами 2 типа.

Длина мужских могил достигала 2,5 м при глубине 1,4–1,5 м. Их ширина составляла в среднем около 1/4 длины и равнялась 0,5–0,7 м (рис. 15-2, б). Уровень залегания остальных мужских погребений этой группы варьирует в пределах 0,6–0,81 м (погребения 17+48, 19+27, 22, 43, 49), и только два имеют более глубокие отметки 1,15–1,2 м (погребения 28, 52). Следов древесных подстилок или покрытий не зафиксировано.

Мужские захоронения были ориентированы головой на север (погр. 17+48, 19+27, 21, 22, 28), северо-запад (погр. 32, 43), юго-запад (погр. 49) и юг (погр. 52). Украшения и принадлежности костюма находились в соответствии с их назначением. В расположении вооружения наблюдаются общие черты. Наконечники копий обнаружены, как правило, справа в изголовье, ножи – также с правой стороны таза. В погребении 21 нож был рядом с наконечником копья, а у пояса – кинжал, как и в грунтовых могилах. Мечи в четырех случаях располагались вдоль левой ноги, причем в двух из них – рукоятью к стопам умерших, и только в одном – от плеча вдоль правой руки погребенного. Колчаны со стрелами найдены всегда с левой стороны от погребенных, но в разных местах: в изголовье, вдоль руки, бедра или голени. Закономерности в расположении конского снаряжения нет. Глиняные сосуды ставились обычно в ногах, в одном случае – дном вверх, и только один раз – в изголовье (погр. 52). В погребении 32 рядом с сосудом найдена деревянная чаша. В захоронении 19+27 в области головы обнаружен обрывок кольчуги, служивший, возможно, оберегом.

При засыпке могилы 21 были положены бронзовый котелок, в котором находились деревянная чаша или ковш и кость крупного животного, удила. Можно отметить, что в засыпке некоторых захоронений также встречались украшения, но достоверно связать их с обрядом не представляется возможным,

так как насыпь и засыпка погребений были прорезаны многочисленными норами грызунов [Степанов 1964, с. 206-207].

Длина женских могил – 2,1–2,3 м при глубине 0,9–1,0 м, а ширина – 0,9–1,0 м, т.е. около половины длины. Отметки глубин других женских захоронений составляют от 0,75 м до 0,9 м (погребения 4, 24), и только погребение 1 залегало значительно выше – на глубине 0,3 м. В одном случае отмечалось покрытие умершей лубом (погр. 4), в другом – подстилка из луба, под которой прослеживались отдельные угольки (погр. 10).

Женские захоронения этой группы были расположены головой на север (погр. 1, 4, 47), юг (погр. 10), юго-запад (погр. 53) и восток (погр. 24). Украшения и принадлежности костюма находились в соответствии с их назначением. В ногах покойных, за исключением погребения 24, ставились глиняные сосуды, а в двух захоронениях – еще по одному в изголовье (погр. 53) и области пояса (погр. 10). В погребении 47 сосуд обнаружен около головы умершей.

В четвертой группе (рис. 9), включающей 8 мужских и 4 женских погребения, могильные ямы не прослежены.

Уровень залегания мужских захоронений варьирует от 0,5–0,7 м (погр. 2, 3, 6, 14, 16+48) до 0,9–1,15 м (погр. 29, 35, 36). В погребении 3 умерший был обложен лубом, остатки которого прослеживались под вещами и поверх них.

Покойные были ориентированы головой на север (погр. 2, 3, 14, 16+48, 29), северо-запад (погр. 36), восток (погр. 35) и юг (погр. 6). Украшения и принадлежности костюма, как правило, находились в соответствии с их назначением, за исключением погребения 3, где поясной набор был положен вдоль левой ноги умершего. В расположении вооружения наблюдается определенная закономерность. В большинстве захоронений наконечники копий обнаружены справа в изголовье, ножи – на тазу с правой стороны, только один раз – в изголовье (погр. 3). Колчаны со стрелами всегда находились слева от покойника в изголовье, вдоль руки или вдоль бедра. Причем в последнем случае стрелы, судя по их расположению, были вынуты из футляра и положены отдельно вдоль голени умершего (погр. 2, 3). В захоронении 29, в отличие от других, наконечник копья найден в изголовье слева, а колчан со стрелами и меч – вдоль правой ноги. Удила, дважды обнаруженные в погребениях этой группы, находились около таза или в ногах. Все мужские погребения сопровождалось глиняными сосудами, которые ставили обычно в ногах умерших, в одном случае в сочетании с перевернутым вверх дном сосудом в изголовье (погр. 3). В захоронении 16+48 сосуд располагался только в области головы.

В погребении 36 в изголовье умершего была положена заупокойная пища, от которой осталась кость крупного животного (лошади или коровы?). Женские захоронения этой группы были совершены на глубине 0,4–0,7 м. Покойные были ориентированы головой на северо-запад (погр. 12, 13, 44) или север (погр. 15). Следов древесных подстилок или перекрытий не зафиксировано. Украшения костюма находятся в соответствии с назначением. Сосуд был поставлен только одной умершей (погр. 44).

В целом, в погребальном обряде впускных погребений третьей и четвертой групп наблюдается ряд общих черт. Их объединяет преобладающая северная и северо-западная ориентировка погребенных как в мужских, так и в женских комплексах. Хотя для женских погребений третьей группы более характерна северная и противоположная ей южная ориентировка, в то время как для четвертой в большей степени – северо-западная. Утверждение о том, что женщин в Андреевском кургане хоронили преимущественно головой на юг [Степанов 1964, с. 208; Вихляев 2000, с. 40], является ошибочным (см.: табл. 3). Можно отметить, что наличие погребенных с ориентировкой, противоположной принятой, отмечалось, например, на Кошибеевском, Польно-Ялтуновском [Шитов 1988], Шемышейском, Ражкинском [Гришаков 2005] и других могильниках III–IV вв. Окско-Сурского междуречья.

Значительное сходство наблюдается и в расположении предметов вооружения (наконечников копий, колчанов со стрелами, ножей), украшений костюма и глиняной посуды, которая, как правило, ставилась в ногах покойных. Однако, если последняя обычна для погребенных мужчин обеих групп и женщин третьей, то в женских захоронениях четвертой группы она встречена только однажды. Древесные подстилки или покрытия изредка применялись в погребениях обеих групп.

Некоторые различия прослеживаются в размерах и глубине мужских и женских могил третьей группы. Первые более глубокие, длинные и узкие, ширина которых составляла в среднем около 1/4 длины могилы, а женские – несколько меньше в длину и глубину, но значительно шире, приближаясь к 1/2 длины. В целом, глубина залегания погребений третьей группы несколько больше, чем захоронений четвертой, особенно при сопоставлении женских могил. Это наблюдение соответствует ассортименту наборов вооружения, конского снаряжения и отдельных типов украшений в сравниваемых группах, в частности, для третьей характерны более богатые комплексы, что отражает социальную стратификацию коллектива, оставившего впускные погребения.

Вместе с тем, их синхронность и этнокультурная монолитность не вызывает сомнения и подтверждается коррелируемыми между собой типами украшений, ременной гарнитурой и рядом других артефактов.

Погребальный обряд неопределенных погребений не отличается от других впускных захоронений. Очертания могильных ям у них не зафиксированы. Они залегали на различной глубине – от 0,5 до 1,1 м и были ориентированы в трех случаях головой на север, в двух – головой на северо-запад, один раз – на северо-восток. В погребении 20 кисть правой руки, согнутой в локте, располагалась на груди покойного. В захоронении 31 в ногах умершего был поставлен глиняный сосуд. В погребально-вещевом комплексе (далее – пвк) 18, обнаруженном в насыпи кургана, была позвоночная кость коровы.

Таким образом, погребальный обряд впускных захоронений развивался, в основном, на базе обрядности погребений, совершенных в ямах 2 типа второй группы, которые составляли большинство грунтовых могил. Их объединяет простая конструкция ям, как правило, без применения древесных подстилок и покрытий покойных, более узких и глубоких для мужских, широких и мелких для женских погребений; совершение индивидуальных захоронений, ориентированных головой в меридиональном направлении; расположение инвентаря и глиняных сосудов при погребенных. При этом в захоронениях третьей и четвертой групп появляются новые черты обряда, которые не встречались в могилах 2 типа грунтовых погребений, что свидетельствует о дальнейшей его эволюции (заупокойная пища, дары умершему в виде ценных предметов, расположение мечей в направлении, противоположном обычному, стрел вне колчана и двух сосудов – в изголовье и ногах покойных). Традиция же сооружения грунтовых обширных ям 1 типа с внутримогильными и древесными конструкциями пресекается не в связи с упрощением погребального обряда, как это представляется некоторым исследователям [Вихляев 2000, с. 52-53], а с исчезновением той прослойки людей особого социального статуса, которые были похоронены в них.

1.2. Староардатовский курган

Диаметр насыпи Староардатовского I кургана к моменту исследования его П.Д. Степановым составлял 20 м при высоте 0,5 м. Раскопки велись вручную траншеями, которые были разделены на квадраты.

Судя по приведенному в отчете стратиграфическому разрезу, мощность насыпи составляла 0,5 м, погребенной почвы – около 0,6 м (рис. 27-2). На уров-

не дневной поверхности были зафиксированы два мощных материковых выкида из могилы, обнаруженной в центре кургана (рис. 27-1).

В плане могила имела подквадратную форму, вытянутую по линии СЗ–ЮВ, длиной 2,6 м при ширине 1,9–2,0 м. На глубине 1,2 м от верха кургана (0,7 м от уровня погребенной почвы) были обнаружены отпечатки поперечных плашек и следов древесного перекрытия, опирающегося на широкие (около 0,60–0,65 м) продольные материковые плечики. Погребальная камера имела в длину 2,6 м при ширине 0,7 м и глубине дна 2,3 м от верха кургана.

Захоронение мужское, совершено по обряду труположения. Умерший был положен на спине головой к юго-востоку (150°) с вытянутыми вдоль туловища руками (табл. 7). Под погребенным прослежена подстилка из продольно расположенных плашек. Сверху он был покрыт лубом (рис. 27-3).

Справа в области изголовья обнаружены два железных втульчатых наконечника копий с короткими широкими лезвиями, имеющими прекрасно выраженные осевые ребра. Оба экземпляра относятся к андреевскому типу 1.1а, (рис. 28-1, 2), характерному для грунтовых погребений. Длина первого составляет около 44,0 см, в том числе пера – около 16,1 см при ширине 4,9 см и высоте плечиков 3,6 см (рис. 28-2). Длина второго наконечника – около 50,3 см, в том числе пера – около 14,8 см при ширине 4,6 см и высоте плечиков 3,8 см (рис. 28-1).

В предполагаемой области шеи погребенного расчищено ожерелье из бус, в том числе золоченых, с трехслойным поперечным сечением, округлых и поперечно-сжатых, диаметром 1,1–1,2 см (рис. 28-6; 31 экз.; тип 16 по Е.М. Алексеевой) и полихромных с глазчатым орнаментом на краснопастовой свернутой основе с тремя парными желто-сине-бело-синими впущенными глазками из отрезков слоистой стеклянной палочки диаметром 1,5–1,7 см (рис. 28-8; 7 экз.; тип Е.М. Алексеевой не отмечен). Следует указать, что значительную долю крупных золоченых округлых и поперечно-сжатых бус содержали ожерелья моделей 4 (13,5%) и 7 (38,0%) Андреевского кургана, встреченные только в грунтовых погребениях.

При расчистке костяка в области коленных суставов найдены также монохромная синяя резанная усеченно-биконическая бусина (рис. 28-7), чуть ниже левой стопы – бронзовая полая литая бусина усеченно-биконической формы диаметром 1,4 см (рис. 28-9). Распространение синих усеченно-биконических бус (тип 101) в северопричерноморских комплексах приходится на I в.

н.э. [Алексеева 1978, с. 69, табл. 33-28]. В Андреевском кургане они встречаются только в ожерельях из грунтовых погребений.

В предполагаемой области живота слева обнаружена бронзовая кованая миниатюрная застежка с короткими завернутыми в трубочку концами и подтреугольным поперечным сечением рамки диаметром 3,4 см (рис. 28-11). Аналогичная (4 группа 2 тип) встречена в комплексе женского впускного захоронения 7+11 Андреевского кургана.

Чуть выше тазовых костей в предполагаемой области живота расчищен поясной набор, состоящий из бронзовых пряжки и накладок. Пряжка цельнолитая, имеет фигурный внешний контур круглого поперечного сечения с удлиненным щитком (рис. 28-3). Клювовидный подвижной язычок с широким пластинчатым основанием, обвернутым вокруг цельнолитой с основой поперечной планки, выступает за передний край рамки. Щиток с обеих сторон ограничен поперечными планками, соединенными по оси продольным валиком, разделяющим его на две зоны. Они заполнены 11 парами впущенных круглопроволочных колец, цельнолитых с основанием. Щиток завершается выступающей круглой кнопкой.

Аналогичные староардатовской или даже близкие пряжки неизвестны (кстати, это является правилом для всех больших литых пряжек Андреевского кургана), хотя можно выделить некоторые ее формообразующие и стилистические черты. Так, внешние очертания староардатовской пряжки напоминают длинные восьмерковидные «маркоманнские» пряжки, встречающиеся, как отмечалось выше, повсеместно в степной и лесостепной полосе Восточной Европы, в том числе и в андреевских древностях (пряжки 4 группы). Заполнение щитка пряжки двумя рядами колец, разделенных валиком, повторяется на крупном прямоугольном щитке литого перстня из погребения 39 Кушулевского III могильника пьяноборской культуры I в. до н.э. – III в. н.э. [Агеев, Мажитов 1986, рис. 5-4]. Важное значение для определения времени староардатовской пряжки имеет оригинальное сочетание на ней подвижного язычка с кнопкой на конце щитка. Общепринято, что различные железные и бронзовые пряжки с подвижным язычком распространяются повсюду в Восточной Европе примерно с рубежа нашей эры. Пряжки же с выступающими кнопками и, как правило, неподвижным крючком в европейских степях, например, в среднесарматское время, являются уже наследием прохоровской культуры и встречаются сравнительно редко, а у поздних сарматов отсутствуют вообще [Мошкова 1989, с. 189, 200]. Подобная смена поясной гарнитуры,

совпадающая в целом и по времени, и по морфологическим изменениям, наблюдается также в среде лесных и лесостепных культур, в частности, пьяноборского круга [Агеев 1992, с. 60-66]. Таким образом, дату староардатовской пряжки можно ограничить рамками I в. н.э.

На кожаный ремень пояса были нашиты бронзовые накладки в виде спаренных умбоновидных бляшек с ложножгутовой окантовкой и напаянной планкой с обратной стороны (рис. 28-4; около 35 экз.). Диаметр умбонов составляет 1,4 см. Традиция изготовления разнообразных умбоновидных бляшек с ложножгутовой окантовкой связана с культурами лесостепной и лесной зон Восточной Европы. Так, они хорошо известны начиная с рубежа нашей эры в дьяковских [Смирнов 1974, табл. VI-34, 38], городецких [Смирнов, Трубникова 1965, табл. 18-19, 23], пьяноборских [Агеев 1992, табл. 8-32] древностях, Андреевском [Степанов 1980, табл. 29-7], Писеральских [Халиков 1962, табл. XXIII-1-3] курганах и финно-угорских могильниках Поволжья, например Кошибеевском [Шитов 1988, табл. II-15, III-3, IV-2, VII-15, XI-19] и пр.

Вдоль правой ноги погребенного был положен меч. Конец лезвия меча располагался на точильном камне размерами 12,6×6×3,9 см. К настоящему времени в коллекции сохранились лишь отдельные фрагменты двулезвийного клинка. По данным П.Д. Степанова, длина меча составляла около 75 см при ширине лезвия около 5 см. Сечение лезвия – линзовидное. Скорее всего, староардатовский клинок относится к типу 1 по А.М. Хазанову, который отмечает их бытование в среднесарматское время, хотя изредка они встречаются и в позднесарматских поволжских погребениях II–IV вв. Поволжья [Хазанов 1971, с. 19, 21]. В качестве территориально ближайших аналогий необходимо упомянуть клинки из грунтовых захоронений 25-2, 25-3, 54 Андреевского кургана и погребения 1 кургана 1 Писеральского могильника [Халиков 1962, табл. XXVI-4, с. 135].

По данным отчета П.Д. Степанова, с правой стороны от погребенного параллельно мечу располагался кинжал с прямым перекрестием очень плохой сохранности. На рисунке плана погребения кинжал имел кольцевое навершие, которое в поволжских районах характерно для клинкового оружия среднесарматского времени, хотя известно и позднее – в захоронениях II – начала III вв. [Хазанов 1971, с. 12]. Кинжалы с кольцевым навершием были обнаружены и в грунтовых погребениях 25-1 и 55 Андреевского кургана.

Около кисти левой руки была найдена костяная рукоять ножа с зооморфным изображением (рис. 28-12). Сохранившаяся часть рукояти оформлена в

виде головы животного с плавным сужением к носу, который завершается ровно срезанной расширенной площадкой-пяточком. На нем нанесена горизонтальная прорезь и два углубления над ней, обозначающие разрез пасти и ноздри. Косо поставленные глаза выступают над поверхностью головы. Они имеют линзовидную форму с выделенными прорезанными линиями глазным яблоком и зрачком. В целом форма головы зверя и проработка характерных ее деталей позволяет видеть в основе зооморфного изображения образ кабана.

Происхождение и время староардатовской рукояти можно установить путем ее сопоставления с зооморфными ручками на керамике I–IV вв. Крыма и Северного Кавказа. Так, разрез пасти и ноздри на горизонтально срезанных отростках, представляющих рудимент головы зверя в верхней части ручек зооморфной керамики [Абрамова 1969, рис. 2-30, 3-7, 8, 32, 33; Яценко 1984, рис. 2], выполнены в одной художественной манере со староардатовским изображением. Головы-выступы, характерные для керамики Восточного Крыма и Северного Кавказа III–IV вв. [Абрамова 1969, с. 71, 76], имеют обычно и наклепные «лепешки» – глаза [Яценко 1984, с. 258]. На староардатовской рукояти глаза также рельефные, но они переданы более реалистично, несмотря на непропорционально большие размеры. Это было, вероятно, связано со стремлением костореза проработать детали – глазное яблоко и зрачок. В отличие от схематических голов-выступов на ручках, староардатовское изображение имеет плавное сужение от лба к носу, который завершается слегка расширенным вверх пяточком, что передает реальную форму головы кабана. По мнению исследователей, ручки сосудов в виде реалистических фигурок кабанов характерны главным образом для Керчи и ее окрестностей I–II вв. н.э. [Абрамова 1969, с. 76]. Скорее всего, староардатовское изображение, несмотря на несохранившуюся часть, представляло собой законченную по замыслу мастера композицию, так как использование поделки в качестве рукояти ножа не предполагало проработку тела и ног животного.

На голеностопных суставах погребенного расчищены по одной бронзовой пряжке с равномерно утолщенной круглой рамкой, имеющей круглое поперечное сечение, и коротким слегка прогнутым круглопроволочным язычком, не выступающим за передний край (рис. 28-5). Диаметр рамки составляет 2,2 см. Подобные пряжки известны в Восточной Европе с первых веков нашей эры и, по мнению некоторых исследователей, бытовали без изменений до VIII–IX вв. [Ковалевская 1979, с. 15, табл. 1-1]. Довольно значительная серия таких пряжек

происходит из основных и впускных захоронений Андреевского кургана (2 тип 3 группы).

С внешней стороны левого голеностопного сустава обнаружены два железных трехлопастных наконечника стрел с треугольной головкой и лопастями, срезанными под прямым углом к черешку (рис. 28-10). Высота головки 2,3 см при ширине 0,9–1,0 см. Длина черешков не восстанавливается. Мелкие наконечники стрел этого типа (4-го по А.М. Хазанову), широко распространенные в сарматских погребениях с раннего времени, продолжают бытовать вплоть до рубежа III–IV вв. н.э. [Хазанов 1971, с. 37-40].

Касаясь времени совершения староардатовского погребения, необходимо отметить, что некоторые исследователи считают его типично позднесарматским [Зеленеев 1988, с. 82]. Но еще П.Д. Степанов справедливо отмечал чрезвычайную близость этого комплекса к грунтовым могилам Андреевского кургана и датировал его «...не позднее начала нашей эры» [Степанов 1974, с. 72]. Действительно, староардатовское захоронение совершено в обширной яме с плечиками и деревянной конструкцией, соответствующей грунтовым могилам типа 1а Андреевки. Его выделяет юго-восточная ориентировка покойного, однако и в грунтовых погребениях встречаются, как было указано выше, захоронения с ориентировкой, противоположной общепринятой. Помимо погребального обряда, материалы Староардатовского и Андреевского курганов объединяет прежде всего набор вооружения: своеобразные наконечники копий с длинной втулкой и коротким пером типа 1а, двулезвийные мечи 1 типа 1 группы, кинжалы с кольцевым навершием и, что особенно примечательно, индивидуальные богатые поясные наборы, содержащие большие литые пряжки и разнообразные накладки. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что железные трехлопастные наконечники стрел, составляющие набор в Староардатовском кургане, содержались именно в колчаных наборах центральной могилы 25 Андреевки и особенно при погребенном 25-3, где их доля достигала 93,3%. Важной чертой погребального обряда обоих комплексов следует считать отсутствие глиняной посуды, в то время как подавляющее большинство остальных грунтовых могил сопровождалось керамикой. Вышесказанное позволяет отнести староардатовское погребение к первой группе захоронений, выделенных на основе центральной могилы 25 Андреевки, а датировать его примерно серединой I в. н.э. [Гришаков 2000, с. 52-53; Гришаков, Зубов 2009, с. 65].

1.3. Писеральский и Климкинский курганные могильники

Все захоронения Климкинского и Писеральского могильников совершены в грунтовых могильных ямах и перекрыты насыпью, образующей курган (курганы). По мнению исследователей Климкинского могильника, часть погребений кургана № 1 находилась вне курганной насыпи, и они представляли собой обычные грунтовые погребения [Архипов, Шадрин 1995, с. 111]. Исследованиями 2004 г. были выявлены 3 погребения, которые находились вне насыпи, по крайней мере, погребенной почвы над ними не было [Михеев 2004; Михеев 2005]. На Писеральском могильнике, как уже говорилось, межкурганное пространство целенаправленно не исследовалось. Справедливости ради следует отметить, что с северной и южной сторон от кургана № 1 были заложены две траншеи, которые не дали положительного результата [Халиков 1962, с. 117, рис. 39].

На Климкинском могильнике раскопано 2 кургана, где исследовано 28 могил. Погребения располагались рядами вытянутыми практически с востока на запад. Ориентировка погребенных определена в 12 случаях (табл. 4). Преобладает положение костяков головой в северо-западном направлении (9 случаев, 75%). Захоронения совершены в ямах подпрямоугольной формы с закругленными углами, в двух случаях (к. 1, погр. 9, 19) с расширением в области головы. Стенки ям отвесные или слегка наклонные, дно ровное. Большинство из них имело простую форму, но в ряде случаев наблюдаются уступы по всему периметру ямы (к. 1, погр. 4, 13, 15, 18; к. 2, погр. 1-4), в одном случае (погр. 7) – уступ в головах. Размеры колеблются в пределах 142-295 см в длину, 45-110 см в ширину. Глубина от уровня погребенной почвы достигает 92 см. В одном случае (к. 1, погр. 9) у южной стенки зафиксирована столбовая яма. Одно погребение располагалось на уровне древней поверхности (к. 2, погр. 5). Сохранность костей очень плохая. Благодаря наличию вещей из цветных металлов, лишь в нескольких случаях удалось проследить тлен от костяка. Судя по этим данным и по расположению погребального инвентаря можно сказать, что умерших укладывали головой на северо-запад с небольшим отклонением к северу от этого направления. На дне могил в ряде случаев прослежена подсыпка из желтого песка (к. 1, погр. 2, 5, 8, 12, 18). Остатки коры, шкуры или деревянных плашек, которые могли служить подстилкой, покрытием или иным дополнительным погребальным сооружением, зафиксированы только в двух случаях (к. 1, погр. 15; к. 2, погр. 1).

Большинство захоронений содержало погребальный инвентарь, который располагался в порядке ношения при жизни. Исключение составляют погребение 12 кургана 1, где железная гривна зафиксирована в ногах костяка, и погребение 1 кургана 2, в котором также в ногах находился неопределенный железный предмет. Из 28 могил 8 захоронений (28,6%) были безинвентарными.

На Писеральском могильнике раскопкам были подвергнуты 5 курганов, где исследовано 21 погребение. Могильник считается исчерпанным. О расположении погребений под курганными насыпями можно сказать, что оно отличается от наблюдаемого в Климкинских курганах. Здесь имеется центральное погребение, вокруг которого по периметру располагаются остальные. Наиболее хорошо это заметно на планах курганов 1 и 4, не смотря на то, что центральная часть последнего нарушена кладоискателями [Халиков 1962, с. 118, рис. 40, с. 131, рис. 48]. Могильные ямы прослежены в 7 случаях. Захоронения совершены в ямах подпрямоугольной (к. 1, погр. 4; к. 2, погр. 2, 7; к. 3, погр. 1, 2; к. 4, погр. 1, 3) и овальной (к. 2, погр. 6; к. 4, погр. 2; к. 8, погр. 2) формы, как правило, со слегка наклонными стенками. Уступов и заплечиков не зафиксировано. Размеры колеблются в пределах 180–270×50–95×15–70 см (длина, ширина и глубина, соответственно). Имеются наземные захоронения (к. 1, погр. 2; к. 2, погр. 1, 4, 5, 8, 9; к. 8, погр. 1). Ориентировка покойников определена в 16 случаях (табл. 5). Преобладает положение костяков головой в восточном направлении (9 случаев, 56,25%). Четвертую часть составляют погребения с юго-восточной ориентировкой (4 случая, 25%) и в 3-х случаях (18,75%) захороненные ориентированы в южном направлении. Практически все костяки лежали на подстилке из дубовых плашек или были ими обложены.

Судя по захоронениям, которые не были разграблены в древности, вещевые комплексы в погребениях Писеральского могильника расположены в местах их обычного ношения при жизни. Наличие в изголовье комплекса поясного набора из умбоновидных бляшек и сапожковидных подвесок (к. 1, погр. 1) является исключением. Можно отметить также наличие сьюльгамы в области черепа (к. 1, погр. 2; к. 2, погр. 9).

Характерными чертами погребального обряда населения оставившего близлежащие Климкинские и Писеральские курганы можно считать следующие элементы.

1. Могильники располагаются на краю коренной террасы малой реки.

2. Захоронения совершены способом ингумации в грунтовых ямах или на древнем дневном горизонте и перекрыты сегментовидной, круглой в плане, насыпью.

3. Большинство захоронений сопровождается инвентарем, где украшения костюма расположены в порядке ношения при жизни.

4. Сапожковидные (клыкообразные) привески в женских погребениях использовались в качестве нагрудного украшения, а в мужских – в составе поясного набора (Писералы, к. 1, погр. 1; Климкино, к. 1, погр. 5, 16, 18).

5. Мужские захоронения сопровождаются предметами вооружения (меч, копье, стрелы) и деталями конской сбруи (удила).

В то же время следует еще раз отметить отличие в расположении погребенных под насыпью кургана, возможно имеющее хронологический характер. Если в Писеральских курганах погребения концентрируются вокруг центрального основного, то в Климкинских достаточно хорошо видна рядная планировка расположения могил.

1.4. Пильнинский I и II грунтовые могильники

Пильнинский I могильник располагается на коренной террасе реки Анда. На слабо выраженном склоне мыса было зафиксировано около 50 грабительских вкопов разных размеров – от 0,5×0,5 м до 2×3 м. При опросе местных жителей выяснилось, что мародеры грабили могильник не менее пяти лет. В выкидах некоторых ям были обнаружены фрагменты антропологического материала. В одном случае затылочная часть черепа была покрыта зеленоватым тленом, вероятно от бронзовых украшений головного убора.

Интересно, что с севера и с юга площадка могильника ограничена двумя валами длиной 35 и 25 м, пересекающими гребень мыса. Ширина валов – 2–2,5 м, высота 0,15–0,20 м. За внешними пределами валов грабительских вкопов не зафиксировано.

Интересно отметить, что материал из разрушенных погребений, переданных в ГИМ, очень близок погребальному инвентарю Андреевского, Староардатовского, Писеральского и Климкинских могильников, но при этом никаких следов насыпей курганов на территории могильника не выявлено. Можно предположить, что именно сам мыс, четко выделяющийся на коренной террасе, мог играть роль кургана. Как бы то ни было, но мы должны отметить иной, грунтовый обряд захоронения в Пильнинском I могильнике.

В 130 м от южного вала на склоне мыса коренной надпойменной террасы расположена эскарпированная площадка. С напольной (северной) стороны проходящий через нее гребень мыса эскарпирован с двух сторон, в результате чего попасть на площадку можно только по узкому (не более 4-5 м) проходу длиной около 30 м. Размеры основной части площадки – 25×60 м. В северной части площадки от нее в северо-западном направлении отходит эскарпированный участок мыса длиной около 35 м, заканчивающийся округлой площадкой диаметром около 10 м.

На объекте был заложен рекогносцировочный шурф размерами 1×2 м. Находок в шурфе не обнаружено, однако искусственное происхождение данного объекта не вызывает сомнений. Близость могильника вполне позволяет предположить ритуальное использование площадки как святилище или место совершения обрядов, предшествующих захоронению.

На низком мысообразном отроге второй надлуговой террасы, в 200 м от мыса, на котором расположен могильник и эскарпированная площадка, был найден на поверхности железный меч (вероятно, изъятого грабителями из разрушенного ими погребения и выброшенного из-за плохого состояния), линзовидного сечения со слабо выраженным черешком (рис. 31–4). Поблизости с местом нахождения меча был заложен рекогносцировочный шурф первоначальными размерами 1×2 м. В дальнейшем он был увеличен до 2×4 м. Судя по керамическому материалу и пищевым остаткам (костям животных) на этом месте располагалось русское поселение эпохи позднего средневековья (ориентировочно XV–XVI вв.).

Интересно, что в шурфе было выявлено захоронение мужчины в возрасте 35-40 лет* (табл. 6), погребальный инвентарь которого можно соотнести с материалами писеральско-андреевского типа памятников и датировать I–III вв. н.э. (рис. 42). Это костяные и железные наконечники стрел, бронзовая пряжка с железным язычком, округло-вытянутая бусина глухого серебристого цвета. Вдоль правого бедра лежал железный меч плохой сохранности (рис. 43-1-12). Собственно и сохранность костей захороненного тоже плохая. И это понятно, поскольку умерший был погребен на глубине 25–26 см от поверхности. Находка этого погребения позволяет сделать предположение об обнаружении еще одного грунтового могильника – Пильнинского II.

* Антропологическое определение выполнено доцентом кафедры анатомии и физиологии человека ПГСГА к.и.н., А.А. Хохловым (Самара).

Погребальные памятники, подобные Пильнинскому I и Пильнинскому II грунтовым могильникам, являются уникальными для Восточной Европы объектами археологии. Число однокультурных им памятников писеральско-андреевского типа чрезвычайно мало – это уже упоминавшиеся Андреевский и Староардатовский курганы на территории Мордовии и Писеральский и Климкинский курганные могильники на территории Марий-Эл. Причем, пильнинские памятники Нижегородской области в отличие от вышеупомянутых курганных некрополей представлены грунтовыми захоронениями при схожей материальной культуре, что вызывает, несомненно, большой научный интерес. На наш взгляд, археологические объекты данного культурного типа отражают миграционные процессы милитаризованного населения [Зубов 2004; Зубов 2007; Гришаков, Зубов 2009] на территории Восточной Европы в начале эпохи Великого переселения народов, что определяет их сугубую важность для исторической науки.

Таблица 1. Ориентировка погребенных Андреевского кургана
(по Степанову 1980, с. 8-25)

№ погр.	Ориентировка костяка	Ориентировка могильной ямы	Примечания
1	С	—	Контуры могилы не прослежены
2	ССВ		
3	С	С–Ю	
4	С	—	Контуры могилы не прослежены
5	—	—	Кости человека отсутствуют
6	ЮЮЗ		Контуры могилы не прослежены
7	—	—	Контуры могилы не прослежены. На дне расчищены отдельные кости
8	—	—	Контуры могилы не прослежены. Костей человека, кроме зубов, не

№ погр.	Ориентировка костяка	Ориентировка могильной ямы	Примечания
			оказалось
9	СВ		Контурсы могилы прослежены слабо. В могиле лежал неполный костяк
10	—	С–Ю	Из костей один череп в южной части ямы
11	—	—	Контурсы могилы не прослежены. Один череп без других костей
12	СЗ (?)	—	Контурсы могилы не прослежены. Ориентировка дана по плечевой, лучевой кости и обломку таза
13	СЗ	—	Контурсы могилы не прослежены. Часть скелета до тазовых костей
14	С	—	Контурсы могилы не прослежены
15	СВ	—	Контурсы могилы не прослежены
16	ССЗ	—	Контурсы могилы не прослежены
17	—	—	Погребение разрушено
18	—	—	Яма неопределенной формы. Кости человека отсутствуют
19	—	—	Погребение разрушено. Кости человека отсутствуют
20	С	—	Контурсы могилы не прослежены
21	С	С–Ю	
22	С	—	Контурсы могилы не прослежены

№ погр.	Ориентировка костяка	Ориентировка могильной ямы	Примечания
23	—	—	Контурсы могилы не прослежены. Череп и ноги
24	В	—	Контурсы могилы не прослежены
25-1-2-3	СВ	СВ-ЮЗ	Три основных погребенных с единой ориентировкой, подчиненный костяк 25-4 в ногах, ориентирован на ЮВ
	СВ	СВ-ЮЗ	
	СВ	СВ-ЮЗ	
25-4	ЮВ	СВ-ЮЗ	
26	—	СЗ-ЮВ	В яме ничего не обнаружено
27	С (?)	—	Контурсы могилы не прослежены.
28	СЗ	—	Контурсы могилы не прослежены
29	С	С-Ю	
30	СЗ (?)	СЗ-ЮВ	Контурсы могилы не прослежены. Ориентировка дана по линии остатков костей
31	СЗ		Могила не прослежены. Кости ног
32	ССЗ	ССЗ-ЮЮВ	
33	Ю (?)	С-Ю	В южной половине коронки детских зубов
34	ССВ	ССВ-ЮЮЗ	
35	В	—	
36	СЗ	—	Контурсы могилы не прослежены
37-41	СВ	СВ-ЮЗ	Два основных погребенных с

№ погр.	Ориентировка костяка	Ориентировка могильной ямы	Примечания
	СВ	СВ–ЮЗ	единой ориентировкой
38-39	С	С–Ю	38 – основное, 39 – подчиненное, в ногах, ориентировано на ЮВ
40	СВ	СВ–ЮЗ	
42	—	—	Контурсы могилы не прослежены. Из костей человека один череп
43	СЗ	—	Контурсы могилы не прослежены
44	—	—	Контурсы могилы не прослежены. Из костей человека один череп
45	Ю	С–Ю	
46	ЮЗ	ЮЗ–СВ	
47	С	С–Ю	
48	—	—	Вещи без костяка
49	ЮЗ	—	Контурсы могилы не прослежены
50-51	СВ	СВ–ЮЗ	50 – основное, 51 – подчиненное, противоположащее, ориентировано на ЮЗ
52	Ю	—	
53	ЮЗ	СВ–ЮЗ	Контурсы могилы не ясны
54	С	С–Ю	
55	С	С–Ю	
56	СВ	СВ–ЮЗ	
Всего	46		

Таблица 2. Направление ориентировок костяков Андреевского кургана

Направление	Кол-во	Ориентировка костяка	Кол-во
Северное 73,9%	34	Север	13
		Северо-северо-восток	2
		Северо-северо-запад	2
		Северо-восток	10
		Северо-запад	7
Восточное 4,4%	2	Восток	2
Южное – 21,7%	10	Юг	3
		Юго-юго-запад	1
		Юго-юго-восток	0
		Юго-запад	4
		Юго-восток	2
Всего – 100%	46		46

Таблица 3. Ориентировка погребенных 3-й и 4-й групп
(в % от их общего количества).

№ группы	Пол	СЗ	С	В	Ю	ЮЗ
3	мужские	7,1	17,8	—	3,6	3,6
	женские	—	10,7	3,6	7,1	3,6
4	мужские	3,6	17,8	3,6	3,6	—
	женские	10,7	3,6	—	—	—
Всего (100%)		21,4	49,9	7,2	14,3	7,2

Таблица 4. Ориентировка погребенных в Климкинском курганном могильнике

Направление	Кол-во	Ориентировка костяка	Кол-во
Северное 25%	3	Север	1
		Север-северо-запад	2
Северо-западное 75%	9	Северо-запад	9
Всего 100%	12		12

Таблица 5. Ориентировка погребенных в Писеральском курганном могильнике.

Направление	Кол-во	Ориентировка костяка	Кол-во
Восточное 56,25%	9	Северо-восток	1
		Восток-северо-восток	1
		Восток	6
		Восток-юго-восток	1
Юго-восточное 25%	4	Юго-восток	4
Южное 18,75%	3	Юго-юго-восток	1
		Юго-юго-запад	2
Всего 100%	16		16

Таблица 6. Ориентировка погребенного в Пильнинском II могильнике.

Направление	Кол-во	Ориентировка костяка	Кол-во
Северо-западное	1	Северо-запад	1

Таблица 7. Ориентировка погребенного в Староардатовском кургане.

Направление	Кол-во	Ориентировка костяка	Кол-во
Юго-восточное	1	Юго-восток	1

ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Инвентарь погребальных комплексов памятников писеральско-андреевского типа содержит разнообразные предметы вооружения и конского снаряжения, многочисленные украшения женского и мужского костюма, орудия труда, а также глиняную, металлическую и деревянную посуду.

Предметы вооружения и конского снаряжения.

Характерной особенностью памятников писеральско-андреевского типа является высокая степень вооруженности захороненных воинов. Особенно ярко эта тенденция наблюдается в ранних могильниках типа Андреевки–Староардатово. Большое количество предметов вооружения происходит из разрушенных грабителями погребений Писеральского I могильника. У населения, оставившего Писеральский и Климкинский могильники, воинских погребений в процентном отношении ко всем захороненным значительно меньше.

Клинковое оружие представлено мечами, палашами и кинжалами. К древковому оружию относятся копья и дротики. Оружие дистанционного боя зафиксировано по различным наконечникам стрел, изготовленных из железа и кости. Сравнительно высок уровень сопровождения захороненных предметами защитного вооружения – металлическими шлемами, кольчугами и ламеллярными доспехами. Предметы конского снаряжения представлены трензельными удилами с псалями различных типов.

Многие исследователи считают, что оружие не может нести этнокультурную нагрузку, являясь категорией заимствования оптимальных образцов вооружения, импорта и военных трофеев. Без сомнения, эти положения трудно оспоримы. Действительно, распространение, к примеру, лука «скифского» типа можно проследить на обширной территории Евразии от Карпат до Алтая. Об этом свидетельствуют обнаруженные в погребальных комплексах разных археологических культур находки бронзовых подвесок в виде скифского лука, чаще всего в горите [Зубов 2003; Зубов 2004(в)]. Бронзовые, а затем и железные наконечники стрел этих луков имеют близкие типологические и, что особенно важно, весовые характеристики.

Появление во второй половине I тыс. до н.э. более мощного лука «гуннского» типа, усиленного костяными накладками определило и смену наконечников стрел на более крупные и, соответственно, более тяжелые. Перо таких наконечников увеличилось с 1–1,5 см до 2,5–3 см. На этом основании

можно предполагать и двукратное увеличение силы натяжения гуннского лука, что значительно увеличивает дальность полета стрелы и убойную силу. Луки гуннского типа достаточно быстро распространились на обширной территории Евразии, что связано не только с заимствованием образцов этого типа дистанционного оружия, но и с продвижением гуннских вооруженных отрядов на запад начиная с I в. до н.э. [Гумилев 1993; Бичурин 1950].

В ранних погребениях памятников писеральско-андреевского типа памятников были обнаружены железные трехлопастные наконечники стрел, типологически близкие наконечникам их погребальных комплексов среднесарматских древностей Нижней Волги и саргатской культуры Зауралья, которые коррелируются с костяными накладками луков.

В воинских погребениях памятников писеральско-андреевского типа не обнаружены остатки гуннских луков. Их отсутствие можно рассматривать с двух позиций. Вполне вероятно, что луки рассматриваемой конструкции были достаточно редки и дороги. Поэтому их не укладывали в могилу, а помещали только колчаны со стрелами. Об этом, со ссылкой на работы Е.В. Черненко и А.Д. Грача писал и А.В. Симоненко, отмечая единичность находок остатков луков в Северном Причерноморье и других территориях обитания сарматов [Симоненко 2010, с. 91]. При этом существует ряд погребений со шлемами, кольчужными и ламеллярными доспехами. Вряд ли луки гуннского типа были дороже таких редких предметов защитного снаряжения.

Скорее всего, луки у носителей памятников писеральско-андреевского типа были простыми, цельнодеревянными или сложносоставными, из различных пород дерева, когда плечи лука изготавливались из двух планок эластичных пород (тонкоствольная сосна или ель и береза), а рога и срединная часть – из более твердых (черемуха). В остяцком эпосе и по этнографическим параллелям можно с уверенностью говорить «о сосуществовании цельнодеревянных клееных луков западно-сибирского типа и о сосуществовании их с моделями «гуннского типа» в период наибольшего распространения последних на североазиатских просторах» [Соловьев 1987, с. 27]. По свидетельству А.Ф. Медведева, в районах с резкими температурными перепадами, крайне холодных, жарких и влажных получили распространение луки с широкими плечами и минимум накладок, т.е. практически цельнодеревянные, и наоборот [Медведев 1966, с. 14].

Наконечники стрел являются самой массовой находкой среди предметов вооружения исследуемых памятников. В Андреевском кургане они представлены 302 экземплярами в 17 захоронениях, из них 16 – мужских и 1 – женское,

в котором наконечник обнаружен в области груди и, вероятно, послужил причиной смерти погребенной. Их распределение в погребениях неравномерно: от 1-5 экземпляров – в 7-ми, 11-23 – в 5-ти и до 30-66 – в 4-х захоронениях [Гришаков, Зубов 2009, с. 20]. В единственном погребении Староардатовского кургана выявлены два наконечника стрел. В материалах Писеральского курганного могильника наконечники стрел присутствуют в 3-х захоронениях (5 экз.), в Климкинском – в 4-х захоронениях (10 экз.). В погребении Пильнинского II могильника было выявлено 5 железных двушипных наконечников стрел и два костяных. Из депаспортизированных материалов разрушенного грабителями Пильнинского I могильника представлены железные двушипные наконечники стрел единого типа и разнообразные наконечники стрел из кости, преобладающим типом которых являются трехгранные черешковые.

По материалу изготовления и типологическим особенностям весь массив наконечников стрел делится на пять групп.

Первая группа представлена костяными трехгранными наконечниками из погребений Андреевского кургана и Пильнинского I могильника. В Андреевке они представлены 140 экземплярами, что составляет 94,0% от всех костяных образцов и 46,4% от всех наконечников кургана. Среди них к 1 типу отнесены наконечники с упором для древка, образованным подрезом граней под прямым или тупым углом к утонченному концу, как правило, шестигранному черешку (рис. 16-1-6, 10; 32-6). У наконечников 2 типа упор для древка отсутствует, а конец черешка заострен путем среза обычно одной из граней (рис. 16-7-9; 32-7). В коллекции Пильнинского I могильника из разрушенных погребений присутствуют 12 экземпляров наконечников стрел этой группы. Интересно, что в других могильниках (Староардатово, Писералы, Климкино) костяных наконечников стрел не выявлено.

Во вторую группу выделены 7 костяных наконечников с ромбовидным сечением головки. Они составляют 4,7% от костяных наконечников и 2,3% от всех наконечников Андреевского кургана и представлены следующими разновидностями. К 1 типу отнесены крупные удлиненно-пропорциональные экземпляры с остроугольным подрезом шипов и ромбовидным черешком, заостренным путем среза обеих широких граней (рис. 16-13). Тип 2 представлен единственным крупным наконечником с удлиненно-треугольным пером и прямоугольным подрезом шипов при переходе в массивную упорную муфту округлого сечения (рис. 16-12). Тип 3 – небольших размеров, с удлиненно-треугольным пером, плавно срезанными плечиками и заостренным черешком

округлого сечения (рис. 16-11). Тип 4 – небольших размеров, с широким треугольным пером ромбовидного сечения и круглым черешком (рис. 32-5). Подобный тип наконечников представлен единственным экземпляром из Пильнинского I могильника.

Третью группу образуют костяные цилиндрические наконечники. К 1 типу относятся экземпляры со сквозным отверстием для насадки на древко (рис. 16-14; 32-14, 19), представленные в материалах Андреевского кургана (2 экз.), Пильнинского I (1 экз.) и Пильнинского II (1 экз.) могильников. Ко 2 типу – цилиндрические с втулкой (рис. 32-13, 15-17).

Следует отметить, что в коллекциях Андреевского кургана и Пильнинского I могильника присутствуют образцы, близкие по некоторым морфологическим признакам наконечникам стрел 2 типа 3 группы, но изготовленные из бронзы и железа. В колчанном наборе погребения 50 Андреевского кургана присутствовал бронзовый литой втульчатый образец подцилиндрической формы с зауженной предторцовой частью (рис. 16-15). Подобный предмет сложно соотносить с боевыми наконечниками стрел, если только не рассматривать его как наконечник стрелы для охоты на пушного зверя на том основании, что он входил в колчаный набор. Пильнинские депаспортизированные наконечники из железа и бронзы (рис. 32-15, 16) очень близки костяному наконечнику из погребения Пильнинского II могильника (рис. 32-14), охотничий характер которого не вызывает сомнений и имеет многочисленные аналогии в материалах азелинской культуры Нижней Камы [Старостин 2009, рис. 15-36; 20-76; 23-1-6, 8; 34-4; 35-4; 39-5-8].

Четвертую группу составляют железные двушипные наконечники с ромбическим или линзовидным сечением пера. По способу крепления к древку выделяются два типа. Наконечники 1 типа – с округлым длинным черешком, конец которого расплюсчен. Они имеют на пере хорошо выраженные, иногда удлиненные опущенные вниз шипы (рис. 16-16, 17; 32-1-4). Тип 2 представлен втульчатыми образцами с короткими шипами (рис. 16-18). Второй тип представлен только в материалах Андреевского кургана.

В пятую группу входят железные трехлопастные черешковые наконечники стрел. К 1 типу относятся мелкие однотипные наконечники с треугольной головкой и лопастями, срезанными под прямым углом к короткому черешку. Они представлены 70 экземплярами из 4-х погребений Андреевского кургана (рис. 16-20, 21), двумя экземплярами из Староардатовского погребения (рис. 28-10), тремя образцами из разрушенных погребений Пильнинского I

могильника (рис. 32-9-11). 2 тип трехлопастных черешковых стрел характеризуется сводчатой головкой из 4-х погребений Климкинского могильника (рис. 54-10).

Единственным экземпляром представлен железный наконечник с листовидным пером уплощенно-треугольного сечения (рис. 16-19; Андреевский курган, погр. 21).

В некоторых погребениях были зафиксированы берестяные (лубяные) колчаны, вероятно, подпрямоугольной формы длиной от 31 до 50 см при ширине до 15 см. При этом длинные стороны берестяного листа, из которого сворачивался футляр, в некоторых случаях вставлялись в паз деревянного стержня с бронзовыми или железными обоймами (Андреевский курган, погр. 2, 3; Писералы, к. 8, погр. 2; Климкино, к. 2, погр. 5), в других – обжимались металлическими пластинками (Андреевский курган, погр. 21, 29, 36) или, возможно, просто сшивались. В одном случае в верхней части колчана около стержня была сделана квадратная прорезь для привешивания. Этой же цели, по-видимому, служили бронзовые пряжки, обнаруженные попарно около нижнего конца футляра в погребениях 2 и 54 Андреевского кургана, в последнем случае – в сочетании с деревянной ворворкой, бронзовым кольцом и обоймой в верхней части колчана.

Клинковое оружие (мечи, палаши, кижалы) представлено 29 целыми образцами во всех памятниках писеральско-андреевского типа.

Мечи (10 экз.) представляют первую группу рубяще-колющего оружия с двулезвийными клинками с линзовидным или ромбовидным поперечным сечением, среди которых выделяются два типа.

Мечи 1 типа имеют прямое напущенное перекрестие и стержневидную рукоять (рис. 17-1; 53-8; 31-3). Стороны клинков постепенно сужаются к концу. Общая длина мечей в пределах 65-90 см, в том числе лезвия – 60-75 см при ширине полосы у основания 4-7 см (Андреевский курган, погр. 25-2-3, 54; Староардатовский курган, погр. 1; Писералы, к. 1, погр. 1; Пильна I, погр. ?). Около перекрестия клинка из погребения 25-2 Андреевского кургана обнаружена бусина из коренного человеческого зуба с просверленным отверстием, а из погребения 54 – деревянная ворворка коромысловидной формы с отверстием. Ножны писеральского меча были украшены бронзовой круглой бляхой (рис. 51; 55-1).

Мечи 2 типа – без перекрестия со стержневидной, слегка уплощенной рукоятью, расширяющейся к основанию (рис. 17-2; 31-4; 53-5-7). Стороны

клинки параллельны почти на всем протяжении. Общая длина мечей 70-90 см, в том числе лезвия – 65-85 см при ширине лезвия у основания 3-5 см (Андреевский курган, погр. 29, Писералы, к. 2, погр. 10; Климкино, к. 1, погр. 18; Пильна II, случ. находка; Пильна II, погр. 1).

Палаш (13 экз.) составляют вторую группу рубящее-колющего оружия с однолезвийными клинками удлиненно-треугольного поперечного сечения, представленные также двумя типами.

Палаш 1 типа – без навершия с прямым перекрестием и стержневидной рукоятью. Перекрестие представляло собой согнутую по обушку клинка пластину, скованную у лезвия. Иногда перекрестие отсутствовало. (рис. 17-4; 53-6; 31-5-8). Общая длина палашей в пределах 65–75 см, в том числе лезвия – около 60–70 см при ширине полосы у основания 3 см (Андреевский курган, погр. 25-1, 50; Климкино, к. 1, погр. 13; Писералы, к. 2, погр. 4 (фрагмент); 5 целых образцов из разрушенных погребений Пильнинского I могильника). Палаша Андреевского кургана имели деревянные ножны, украшенные в нижней части крупными бронзовыми полированными бляхами с петельками на обороте (рис. 23-8) или с отверстием, закрытым полусферической бляшкой (рис. 23-4). Ножны из погребения 50 были дополнительно декорированы по торцу рядом мелких бронзовых полусферических бляшек (38 экз.) с планкой для крепления (рис. 17-9), а из погребения 25-1 – цельнолитым наконечником ножен из белого сплава удлиненно-трапециевидной формы. Его верхняя окантовка оформлена в виде противоположащих двух рядов ложножгутового орнамента, нижняя – неорнаментированными валиками. На обороте имеется поперечная планка (рис. 17-10). Ножны палаша из Пильнинского могильника оформлены цельнолитым бронзовым наконечником клыкообразной формы. Верхняя окантовка лицевой части наконечника украшена тремя рядами ложножгутового орнамента и рядом прорезных треугольников. На внутренней стороне имеется поперечная планка (рис. 31-8; 33-2).

Палаш 2 типа отличаются от 1 типа наличием напущенного железного навершия, преимущественно в виде «рожек», концы которых оформлены многогранными головками (рис. 17-3). Стержневидные рукояти зачастую обложены деревянными накладками и обмотаны бронзовой лентой, кожаным ремешком или нитью. (Андреевский курган, погр. 21, 22, 32, 43, образец из насыпи кургана, а также фрагменты из засыпки захоронения 49; рис. 17-3; 61). Клинок из погребения 22 был вложен в деревянные ножны, окрашенные в красный цвет, с железной оковкой (наконечником) на конце.

В коллекции Пильнинского I могильника присутствует фрагмент рукояти с волютообразным навершием (рис. 31-11).

Кинжалы (6 экз.) найдены в трех мужских захоронениях Андреевского кургана, в двух погребениях Писеральского могильника и в одном – Климкинском.

Тип 1 составляют двулезвийные кинжалы с кольцевым навершием и перекрестием (рис. 17-5). Стороны клинков постепенно сужаются к концу. Общая длина 45 см, в том числе лезвия – в пределах 20–34 см при ширине полосы у основания 3,8–5,0 см. Сечение полосы – линзовидное (Андреевский курган, погребения 25-1, 55). Кинжал из погребения 25-1 имел деревянные ножны, крепившиеся к портупее бронзовой коромысловидной ворворкой с отверстием (рис. 17-7) и украшенные бронзовыми полированными бляхами, одна из которых имела отверстие (рис. 23-1), а другие пять – петельки на обороте (рис. 23-5, б).

Тип 2 представлен двулезвийными кинжалами линзовидного сечения, без навершия и перекрестия (Писералы к. 1, погр. 1; к. 2, погр. 9). Оба кинжала с деревянными рукоятями были вложены в кожаные ножны, конец которых медными обоймами, а к середине ножен с внешней стороны была прикреплена круглая бляха из оловянистой бронзы. Кинжалы крепились с правой стороны к поясу на кожаном ремешке с медными накладками и пронизями (рис. 51).

Тип 3 представлен однолезвийным боевым ножом без навершия с уплощенным черешком, обложенным деревянными накладками, которые обмотаны бронзовой лентой. Общая длина кинжала 27 см, в том числе лезвия – 22 см при ширине полосы у основания 2,8 см (Андреевский курган, погребение 21). Еще один однолезвийный клинок был зафиксирован в погребении 18 кургана 1 Климкинском могильника. Авторы раскопок не определяют эту находку как однолезвийный кинжал. При описании инвентаря погребения они пишут, что была «найденная железная полоса, длиной 19, шириной 2 см, имеющая режущую кромку с одной стороны» [Архипов, Шадрин 1995, с. 116].

Наконечники копий обнаружены в 20 мужских захоронениях Андреевского и в погребении Староардатовского курганов, в 2 погребениях Климкинском 1 кургана и 1 экземпляр в его насыпи, в 2 погребениях Писеральского могильника. В коллекции Пильнинского I могильника присутствуют два образца крупных копий.

Первую группу составляют наконечники с широколезвийным пером, представленные следующими типами.

Образцы 1 типа с коротким широким пером, имеющим слегка приподнятые плечики, и длинной втулкой по абсолютным размерам и форме поперечного сечения пера разделены на два варианта. Длина наконечников варианта а – в пределах 30,8 – 37,5 см. Их перо имеет выраженное осевое ребро (Андреевский курган, погр. 25-1-2-3, 37, 45, 50, 54, 55, 56; рис. 18-1). Вариант б представлен небольшим экземпляром, подражающим предыдущим копьям, длиной 21,0 см с линзовидным сечением (Андреевский курган, погр. 52; рис. 18-2).

Наконечники 2 типа имеют короткое узкое перо и опущенные плечики. Длина наконечников в пределах 24,6–44,5 см. По форме поперечного сечения можно выделить два варианта. Перо наконечников варианта а имеет выраженное осевое ребро (Андреевский курган, погр. 17+48, 52 и из насыпи; рис. 18-3), варианта б – уплощенно-ромбическое сечение (Андреевский курган, погр. 14, 29, 35, 36; рис. 18-4).

Копье 3 типа отличается удлиненным узким пером с низко опущенными плечиками, длина которого составляет около половины общего размера (рис. 18-5). Его длина 27,8 см, сечение пера уплощенно-ромбическое. Край втулки имеет бронзовую оковку (Андреевский курган, погр. 17+48).

Наконечник 4 типа относится к серии широколезвийных образцов с короткой втулкой. Длина его пера около 24,0 см при ширине 4,0 см. Сечение пера уплощенно-линзовидное (Андреевский курган, погр. 19+27; рис. 18-6).

Уникальными находками в погребениях 25-1 и 54 Андреевского кургана являются надетые на наконечники копий типа 1а *футляры* из белого сплава (оловянистая бронза) удлиненно-трапециевидной формы (рис. 18-8). Их корпус согнут из кованой пластины и украшен противоположащими рядами прямоугольных прорезей, образующих «елочный» орнамент. Основания имеют напаянные концевые обоймы, одна из которых оформлена в виде ложновитого валика, а на обороте – еще две поперечные планки для придания жесткости конструкции. Вдоль ложновитого валика экземпляра из захоронения 54 имеется ряд треугольных прорезей. На одной из сторон футляра напаяны два колечка для крепления флажка или другого атрибута воинского опознавательного знака.

Вторая группа копий представлена однотипными наконечниками дротиков с пером, имеющим хорошо выраженные два опущенных шипа и ромбическое сечение (рис. 18-7). Длина наконечника из захоронения 25-1 Андреевского кургана составляет 37,5 см, из погребения 9 кургана 2 Писеральского могильника – 26,5 см, втулки других двушипных дротиков разрушены.

Предметы конского снаряжения представлены удилами и уздечным набором, обнаруженными в 11 мужских захоронениях, что составляет 36,7% от всех захоронений мужчин в кургане и, соответственно, 44,0% от погребений с оружием. Еще одни удила происходят из засыпки мужского захоронения 21, а бронзовый псалий – из разрушенных захоронений в насыпи.

Все удила являются двухсоставными со стержневидными псалиями, имеющими два боковых выступа с отверстиями, между которыми пропущены петли грызл. По оформлению концов псалий выделяются следующие разновидности. К 1 типу относятся железные, в одном случае – бронзовые, псалии с прямообрубленными утолщенными концами (Андреевский курган, погр. 19+27, 21, 25-1, 25-3, 32, 35 и из насыпи кургана, рис. 19-2, б). Псалии 2 типа имеют на концах кольца различного диаметра: вариант а – овальной формы размерами 6,3×7,7 см при длине стержня псалия около 3,1–3,8 см со сплошной бронзовой инкрустацией по лицевой стороне (Андреевский курган, засыпка погр. 21, рис. 19-1), вариант б – круглой формы диаметром 2,5–3,0 см при длине стержня около 7,8–8,0 см и стержневидным выступом с шишечкой. Псалии из захоронения 28 имеют зоны золотой инкрустации по окружности кольца и боковым выступам (Андреевский курган, погр. 17+48, 28, рис. 19-5). 3 тип представлен псалиями с расплюснутыми лопатковидными концами двух вариантов: а – длина псалий около 18,0–18,5 см с наклепанными бронзовыми полусферическими накладками на концах и бронзовой инкрустацией по стержню и боковым выступам (Андреевский курган, погр. 50, рис. 19-3, 8); б – длина псалий около 10 см, концы раскованы непосредственно за боковыми выступами (Андреевский курган, погр. 16+48; Писералы, к. 4; Писералы, к. 1, погр. 3; Пильна II, погр. ?, рис. 19-7; 31-12; 55-4, б). К этому же типу относятся псалии из захоронения 54, но неудовлетворительная сохранность не позволяет их точно идентифицировать.

Уздечка из погребения 54 была украшена 10 бронзовыми круглыми (диаметр 3,0 см) пластинчатыми накладками с рядом мелких полусферических выпуклин по краю и крупной «жемчужиной» в центре, окруженной точечным орнаментом, на обратной стороне которых наклепаны пластинчатые дужки для продевания ремня (рис. 19-9). К элементам уздечки относится, возможно, бронзовая литая обойма подпрямоугольной формы с округленным пластинчатым концом, орнаментированная двумя зонами поперечных валиков и продольными бороздками (рис. 19-4), обнаруженная рядом с удилами из погребения 32 [Гришаков 2005, с. 102-104].

Защитное вооружение находилось в мужских погребениях Андреевского кургана 25-1 и 50. Предметы защитного вооружения представлены кольчугами, поверх которых лежали шлемы, изготовленные из железных пластин с отверстиями для крепления между собой и к мягкому оголовью. В материалах разграбленного грабителями Пильнинского I могильника присутствуют два шлема типа «Шпангенхельм» (рис. 34), один из которых плохой сохранности, фрагменты спекшихся доспехов кольчужного плетения и чешуйки ламеллярного доспеха (рис. 32-12).

Предметы быта и снаряжения.

Ножи были встречены в 28 мужских погребениях могильников писеральско-андреевского типа. Тип 1 представлен серповидными ножами с плавно вогнутой (горбатой) спинкой (Андреевский курган, погр. 2, 3, 21, 25-1, 25-2, 25-3, 29, 35, 50, рис. 24-1, 2; Климкино, к. 1, погр. 5; к. 1, погр. 13; к. 2, погр. 4, рис. 54-1, 4, 5),

Образцы 2 типа имеют прямую или выгнутую спинку (Климкино, к. 1, погр. 5; к. 1, погр. 2; Писералы, к. 1, погр. 4; к. 4, погр. 3; к. 4, погр. 1; рис. 54-2, 3, 6-8), незначительно прогнутую при переходе к острию (Андреевский курган, погр. 21, рис. 24-2).

Остальные ножи идентификации не поддаются. Кроме того, в области пояса женского погребения 4 Андреевского кургана, был обнаружен бронзовый двухсекционный футляр, скорее всего, для ножа и шила, основная секция которого отлита с поперечными планками на обороте (рис. 24-4).

Оселки, обнаружены в мужских захоронениях Андреевского кургана 25-2, 46, 50. Они имеют стержневидную форму длиной 8–9 см с просверленным отверстием для подвешивания (рис. 24-3). Крупный точильный камень (28,5×8,5 см при толщине 4 см несработанной части) происходит из разрушенных погребений Пильнинского I могильника. (рис. 41-1).

Ворворки, использовавшиеся для крепления предметов вооружения, представлены двумя типами: 1 – бронзовые или железные петлевидные приспособления с прокованным двухканеллюрным стерженьком (рис. 17-8), обнаруженные в мужских погребениях Андреевского кургана 50 и 54; 2 – бронзовые или деревянные коромысловидной формы с отверстием в центре (рис. 17-7) из погребений 25-1 и 54 того же кургана.

Железные штыри, обнаруженные в мужских погребениях с оружием, имеют не вполне четко объяснимое назначение. Два из них представляют стер-

жень длиной до 45 см, округлого сечения, заостренный на одном конце и шляпковидным утолщением на другом (Андреевский курган, погр. 25-2 и 50). Два других – длиной около 21 и 37 см, круглого сечения, скручены из двух заостренных к концу стержней, на основание которых надета рукоять из короткой железной трубки в одном случае (Андреевский курган, погр. 25-3, рис. 17-б) и костяная – в другом (Писералы, к.1, погр. 1, рис. 53-9). Два фрагмента скрученных из двух заостренных к концу стержней происходят из разрушенных грабителями захоронений Пильнинского I могильника.

Обращает на себя внимание тот факт, что данные артефакты находились в трех могилах, вождеский воинский характер которых не вызывает особых сомнений. По одной версии, подобные артефакты могли служить знаком отличия, своеобразным символом власти, неким подобием скипетра. По другой – эти изделия можно соотнести (по аналогии с пьяноборскими древностями) с костяными «проколками», нередко находимыми в мужских погребениях [Агеев 1982, с. 50, табл. 19-6, 9]. Кажется, что подобные предметы вполне могли служить для подцепления кусков мяса из варочной посуды [Гришаков, Зубов 2009, с. 24].

В двух мужских погребениях Андреевского кургана (25-1 и 37) в области изголовья были выявлены уникальные находки – так называемые «воинские трофеи». В первом случае они состояли из вырубленных верхних человеческих челюстей с просверленными отверстиями для продевания ремешка, между которыми находились однотипные полированные плоские округлые бляхи из оловянистой бронзы с напаянными петлями на обратной стороне (типа рис. 23-б). В погребении 37 в комплекте с челюстями человека были найдены подвеска из двух клыков медведя, соединенных сточенными основаниями (рис. 20-7), фаланги человеческих пальцев и костяная пряжка трапецевидной формы с выступом для застегивания (рис. 20-8).

Украшения мужского и женского костюма.

Элементы *головного убора* представлены височными подвесками из 8 женских захоронений Андреевского кургана и из 2 погребений Климкинского могильника. При этом в 5 захоронениях обнаружено по одному экземпляру, в 5 случаях они были парные. Тип 1 образуют однотипные бронзовые или золотые круглопроволочные спиральные подвески в 3-5 витков (Андреевский курган, погр. 1, 4, 24 (2), 34 (2), 38 (2), 39, 53, рис. 22-2). Тип 2 представлен единственной золотой подвеской со спиралькой в 3 оборота и коротким стерженьком,

заканчивающимся каплевидным грузиком (Андреевский курган, погр. 40; рис. 22-1). Тип 3 представлен двумя бронзовыми круглопроволочными подвесками с несомкнутыми приостренными концами (Климкино, к. 1, погр. 15, рис. 60-6) и такие же с напускными бусинами (Климкино, к. 1, погр. 6, рис. 60-1, 2).

Шейные гривны находились в 4 женских погребениях Андреевского кургана, в погребении 12 Климкинского 1 кургана и в его насыпи. Это однотипные бронзовые круглопроволочные гривны, слегка утолщенные в средней части, с замком в виде небольшой подвязной петли и крючка с грибовидной конической головкой (Андреевский курган, погр. 21, 29, 35, 44, 47, 49, рис. 22-3-5; Климкино, к. 1, насыпь, рис. 60-5), иногда из двух плотно перекрученных экземпляров (Андреевский курган, погр. 4, 13, 17+48, рис. 22-3).

Бусы составляют наиболее многочисленную категорию украшений костюма (рис. 25; 38-10-18). Они употреблялись, в первую очередь, в шейных ожерельях, а также в женских составных поясных украшениях и иногда при украшении оружия. Коллекция бус насчитывает более 1400 экземпляров, из которых подавляющее число из стекла, единичные бусины из горного хрусталя, сердолика, янтаря и кости, около 50 экземпляров из бронзы. Наборы бус, которые составляли шейные украшения, в большинстве своем присутствовали в женских захоронениях. Преобладание бусинного материала в женских погребениях над мужскими более чем в два раза.

Круглые бляхи из оловянистой бронзы можно разделить на две группы. Первую группу составляют круглые бляхи с отверстием в центральной части, представленные тремя типами. К 1 типу относятся крупные (диаметром 9–14 см) экземпляры с выпуклой лицевой стороной, отверстие которых иногда закрывалось полусферическим колпачком с петлей или планкой для крепления (рис. 23-3, 4). В двух женских погребениях 12 и 53 Андреевского кургана они использовались как украшения костюма, а в мужском захоронении 50 – была прикреплена на нижнем конце ножен меча. Бляха 2 типа – плоская, диаметром 7,3 см (рис. 23-1). Она являлась украшением ножен кинжала в мужском захоронении 25-1. Аналогичные бляхи украшали ножны меча и кинжала в погребении 1 кургана 1 Писеральского могильника (рис. 51; 55-1). Бляхи 3 типа отличаются вогнутой лицевой поверхностью (диаметром 5–10 см), которые орнаментировались прочерченной шестилепестковой розеткой (рис. 23-2, 7). Они происходят из разрушенного захоронения и женского погребения 53

Андреевского кургана, где она была использована в комплекте с бляхой 1-го типа в составе поясного украшения.

Вторую группу составляют однотипные плоские округлые бляхи с напаянными петлями на обратной стороне. Их диаметр составляет от 2 до 6 см (рис. 23-5, 6, 8; 40-1-8). Их применяли в качестве разделителей «воинских трофеев» и украшения ножен меча и кинжала в мужских погребениях, а также основы составных поясных украшений.

Круглые ажурные бляхи третьей группы представлены двумя экземплярами из Писеральского (к. 4, погр. 2, рис. 58-2) и Клишкинского (к. 2, погр. 1, рис. 58-5) могильников.

Накосники найдены в двух женских погребениях Андреевского кургана. Они имеют одинаковую конструкцию, но по составляющим элементам их можно разделить на две разновидности. В основу комбинации 1 варианта (Андреевский курган, погр. 53) были положены две полированные бляхи – с выпуклой лицевой поверхностью 1 типа и вогнутой поверхностью с шестилепестковой розеткой 3 типа, наложенные друг на друга и соединенные одним колпачком с петлей (рис. 23-2, 3; 22-11). Через петлю колпачка были пропущены два ремешка длиной около 30-35 см, обжатые бронзовыми обоймами, на конце которых на уровне колен были нанизаны зеленые многогранные бусы (распались при расчистке). Судя по еще одной бляхе с вогнутой поверхностью, орнаментированной шестилепестковой розеткой, аналогичное украшение было в разрушенном погребении из насыпи кургана. Вариант 2 (Андреевский курган, погр. 39) комбинировался из полированной плоской бляхи с тремя парными петельками на оборотной стороне, через которые были продеты три ремешка, обжатые бронзовыми обоймами (рис. 22-10). На уровне колен кисти оканчивались бронзовыми литыми привесками в виде лапок водоплавающих птиц.

Ажурные литые бляхи из бронзы представлены двумя разновидностями. Тип 1 – прямоугольной формы с трехрядной окантовкой по внешнему периметру и шестью полусферическими выпуклинами по торцовым сторонам (рис. 22-6; 58-6-9). По центру проходят продольные валики, разделяющие бляхи на две-шесть зон, орнаментированные сквозными противоположающимися треугольниками, образующими зону ромбов. Крепились бляхи при помощи парных петель на оборотной стороне. Происходят из женского захоронения 38 Андреевского кургана (рис. 22-6), где была обнаружена в предполагаемой области живота погребенной, 3 образца блях обнаружены в Писеральском могильнике (к. 8, погр. 1; к. 1, погр. 3; к. 1, погр. 4, рис. 58-6, 7, 9) и одна усложненная дополнительными

украшениями бляха из погребения 5 кургана 1 Климкинского могильника (рис. 58-8).

Из разрушенных погребений Пильнинского I могильника происходят две аналогичные бляхи с 5-ю и 6-ю зонами ромбов. Интересно, что на обратной стороне к ушку крепились железные иглы, что позволяет отнести данный тип украшения к брошам (рис. 37-1, 2).

Бронзовая брошь из Андреевского кургана (погр. 53) имеет пластинчатый корпус прямоугольной формы со слегка загнутыми краями, вдоль которых имеются по три отверстия для заклепок (рис. 21-12). С обратной стороны корпуса припаяны петля для крепления пружинной иглы и пластинчатый приемник.

Бляха 2 типа имеет трапециевидную форму (рис. 22-7). Верхняя половина отлита в виде вертикальных полуцилиндров, украшенных мелкоребристым ложновитым орнаментом, предназначенных для продевания кисти нитей или ремешков. Вторая половина разделена поперечными валиками на зоны, которые орнаментированы сквозными противоположащими треугольниками, и имеет по нижнему краю ряд полусферических мелких выпуклин. Вполне вероятно, что эта бляха являлась элементом наколика (Андреевский курган, засыпка пвк 5).

Браслеты обнаружены в семи женских захоронениях памятников писеральско-андреевского типа. Еще один браслет обнаружен в засыпке мужского захоронения 28 Андреевского кургана и четыре образца происходят из разрушенных захоронений. Все они разделяются на четыре типа:

1 – спиральные в 3-4 оборота, один конец которых оформлен в виде грибовидной головки, а другой – утончен (Андреевский курган, погр. 4 (2), 12, 13, 44, 53 и засыпка погребения 28, рис. 22-8).

2 – одновитковые, иногда с заходящими друг за друга концами в виде грибовидных головок (рис. 22-9); из разрушенных захоронений Андреевского кургана). В женском погребении 15 Андреевского кургана обнаружена также нарукавная повязка из 11 бронзовых литых полых и 16 цилиндрических бус из свернутых пластинок, а также 4 бронзовых спиралек.

3 – литой, массивный, круглодротовый с насечками на несомкнутых концах (Писералы, к. 2, погр. 5; рис. 60-8).

4 – пластинчатые (2 экз.). Сохранились фрагментарно. Можно предполагать, что браслеты выполнены из пластины, на поверхности которой сделаны линейные вдавления. Концы, скорее всего, были не сомкнуты, так как на одном

из них сохранились полусферические шишечки (Климкино, к. 1, погр. 12, рис. 60-3, 4, 9).

Застежки (сюльгамы) составляют одну из многочисленных категорий ювелирных изделий кургана и разделяются на несколько групп. Первую группу составляют однотипные бронзовые застежки с широкой рамкой (диаметр 4–7 см) треугольного сечения, обвернутой иглой, основание которой расковано в миниатюрный прямоугольный щиток, и завернутыми в трубочку невыступающими концами (Андреевский курган, погр. 3, 4 (2), 6, 7+11, 15, 16+48, 21, 22, 32, 35, 36, 44, 47, 49 и 3 экземпляра своим происхождением связаны с разрушенными захоронениями, рис. 21-1). Застежки всегда располагались в предполагаемой области груди умерших.

Во вторую группу объединены также однотипные крупные (диаметр кольца 6–9,5 см) бронзовые или железные круглопроволочные застежки с завернутыми в трубочку короткими концами (Андреевский курган, погр. 2, 3, 4, 14, 22, 32, 41 и пвк 18, рис. 21-2; Писералы, к. 1, погр. 1; к. 2, погр. 9; к. 4, погр. 3; рис. 57-5-7).

Третью группу образуют миниатюрные неорнаментированные застежки четырех типов: 1 – круглопроволочные с короткими концами (Андреевский курган, погр. 37 и 38, рис. 21-11; Писералы, к. 1, погр. 2, рис. 57-9); 2 – с треугольным сечением кольца и едва выступающими концами (Андреевский курган, погребение 7+11, рис. 21-8); 3 – с прямоугольным сечением кольца и невыступающими концами (Андреевский курган, погр. 45, рис. 21-1; Климкино, к. 1, погр. 17, рис. 57-8); 4 – с литой рамкой сегментовидного сечения и короткими концами (Андреевский курган, погр. 24, рис. 21-9).

Особую группу образуют ажурные литые застежка-сюльгамы (рис. 62). Одна из них обнаружена в женском захоронении 39 Андреевского кургана. Она имеет миндалевидную рамку, обрамленную с внутренней и внешней стороны мелким ребристым валиком, и ребро жесткости посередине (рис. 21-6). У основания рамки расположены три умбона с мелкорельефной окантовкой, отделенные поперечной трехрядной мелкорребристой планкой, от концов которой с обеих сторон к рамке идут планки. С внутренней стороны рамки имеется петля для язычка. Остальные сюльгамы с миндалевидной рамкой имеют по два умбона-щитка. Одна сюльгама этого типа происходит из погребения 12 кургана 1 Климкинского могильника (рис. 57-4). Две другие – из разрушенных погребений Пильнинского I могильника (рис. 36-8, 9).

Единственным экземпляром представлена бронзовая крупная (диаметром 7,8 см) застежка с пластинчатой рамкой и не выступающими концами (рис. 21-5) из женского захоронения 13 Андреевского кургана.

Фибулы типа «Aucissa» (рис. 21-7) происходят из материалов Андреевского кургана. Они обнаружены в мужском погребении 36 и женском 53, и еще 2 экземпляра происходят из разрушенных погребений.

Пряжки, накладки, подвески.

Ременная гарнитура включает в себя пряжки, накладки и подвески.

Бронзовые и железные пряжки разделены на несколько групп.

Первую группу составляют литые бронзовые застежки с неподвижным язычком следующих типов:

1 – с пластинчатым корпусом прямоугольной формы и валиком по периметру, в передней части которого имеется выступ с полукруглым вырезом и неподвижным крючком (Андреевский курган, погр. 40, рис. 20-5);

2 – пластинчатые овальные с валиком из ложножгутового орнамента (Климкино, к. 1, погр. 5, рис. 57-10, 11);

3 – овальные, рамчатые (Пильна I, рис. 36-6, 7)

4 – с круглой пластинчатой ложножгутовой рамкой и диаметрально расположенными 5 кнопками, одна из которых – в центре перекрестия (Андреевский курган, погр. 25-2, 46, рис. 25-6).

Во вторую группу входят три железные стержневидные застежки крупных форм. Количество стержней разнообразно – четыре у экземпляра из Пильнинского I могильника (рис. 35-6), 6 стержней у фразментированной застежки из Андреевского могильника (рис. 20-10) и восемь – из Писеральского могильника (рис. 57-13). Характерной особенностью крупных застежек и пряжек является их изогнутость.

Вторая группа включает большие удлиненно-прямоугольные бронзовые литые пряжки с подвижными язычками.

1 тип имеет литой язычок прямоугольной формы с валиком по периметру, клювовидным крючком для застегивания и выступами у основания для шарнирного крепления в рамке круглого сечения. Корпус язычка разделен валиком на две зоны, орнаментированные рядами сквозных противоположащих треугольников (Андреевский курган, погр. 25-2, рис. 20-1). Близкая форма у пряжки из Писеральского могильника (к. 8, погр. 2, рис. 57-12).

Рамка пряжки 2 типа круглого сечения отлита в нижней части с поперечной планкой, обжатой основанием литого двухполосного язычка, приостренный конец которого едва выступает за передний край (рис. 20-9). Язычок и рамка орнаментированы насечками (Андреевский курган, погр. 56, рис. 25-9). Аналогичная пряжка, но без насечек, происходит из разрушенных погребений Пильнинского I могильника (рис. 36-1).

Третья группа представлена малыми пряжками с округлой рамкой следующих типов.

1 тип – с круглопроволочной рамкой, концы которой раскованы и, как правило, соединены заклепкой (рис. 20-23, 24). Язычок круглопроволочный, слегка прогнут, едва выступает за передний край рамки. 50% таких пряжек орнаментированы насечками по кольцу рамки. Они найдены в 7 мужских и 4 женских погребениях Андреевского кургана (погр. 2(3), 3(2), 4(2), 10, 13, 21(3), 22(2), 28(4), 36(4), 47(3), 49 и 8 экз. из разрушенных захоронений).

Пряжки 2 типа имеют в отличие от 1 типа равномерно утолщенную рамку круглого сечения (рис. 20-27, 28). Из них треть бронзовые, остальные – железные. Все они обнаружены в мужских погребениях Андреевского кургана (погр. 2, 3, 6, 16, 17, 21(3), 25-1(2), 25-2, 29(2), 32(3), 35(2), 36, 37, 46(3), 56 и четыре экземпляра из разрушенных погребений).

Пряжки 3 типа с круглой рамкой сегментированного сечения с плоским язычком. Данный тип представлен пряжками из разрушенных погребений Пильнинского I могильника (рис. 36-2, 5, 11-13).

Пряжки 4 типа отлиты с гофрированными или гладкими массивными рамками круглого сечения, на задней части которой имеется прямоугольная скоба, и кольцевым язычком с клювовидным выступом (Андреевский курган, погр. 37, 54, рис. 20-21, 22). Использовались для застегивания обуви.

В четвертую группу объединены восьмеркообразные, так называемые «маркоманнские», пряжки.

Тип 1 – с удлиненной массивной рамкой круглого сечения и не выступающим круглопроволочным язычком (рис. 20-34). Пряжка из Андреевского кургана погребения 55 – железная, из разрушенного погребения – бронзовая.

Пряжки 2 типа отличаются круглопроволочной рамкой с заклепанными концами (рис. 20-25). Применялись для застегивания обуви в женских погребениях Андреевского кургана 4(2) и 53(2).

Пятая группа представлена подпрямоугольными пряжками с вогнутыми боковыми сторонами четырех разновидностей.

Тип 1 имеет сильно профилированные стороны удлиненной рамки круглого сечения и круглопроволочный едва выступающий язычок (рис. 25-12). Применялись для застегивания обуви в захоронении 50 (2) Андреевского кургана.

Тип 2 – со слабо профилированными сторонами удлиненной рамки круглого сечения и пластинчатым слегка прогнутым язычком, утолщенный конец которого немного выступает за передний край рамки (Андреевский курган, погр. 54, рис. 25-11; Пильна I, рис. 36-3).

Железные пряжки 3 типа имеют рамку прямоугольного сечения с сильно прогнутыми сторонами и прямым язычком, не выходящим за рамку (Пильна I, рис. 35-1, 3).

Железные пряжки 4 типа имеют рамку прямоугольного сечения со слабо прогнутыми сторонами и слегка прогнутый немного выступающий язычок (Андреевский курган, захоронения 25-3, 50, 54, рис. 20-13).

Тип 5 отличается круглопроволочной рамкой с заклепанными концами и сильно профилированными сторонами, между которыми вставлена в пробитые отверстия поперечная планка с круглопроволочным невыступающим язычком (рис. 20-14). Рамка и язычок орнаментированы насечками (Андреевский курган, погр. 36).

Костяные пряжки представлены единственным экземпляром трапециевидной формы с выступом для застегивания в передней части (рис. 20-8) из захоронения 37 Андреевского кургана.

Поясные накладки в писеральско-андреевских материалах представлены бронзовыми литыми конической (рис. 20-2, 15, 16), круглой (рис. 20-17-19; рис. 59-1-10, 16-18, 24, 25), сдвоенной круглой (рис. 59-19-23), строенной круглой (рис. 20-26), клыкообразной (рис. 20-3; 59-27-29) формы с поперечной планкой для продевания ремня или с ушком на обороте.

Поясные привески разделяются на пять типов.

1 тип включает бронзовые литые парные сапожковидные привески с валиками у основания, иногда оформленные в виде ложного жгута, и двумя планками на обороте для подвешивания двух разновидностей: вариант а – одночастные (Андреевский курган, погр. 25-1, 25-3, 29, рис. 20-3; Пильна I, рис. 38-6; Климкино, к. 1, погр. 5, к. 1, погр. 16, рис. 59-27, 28), вариант б – двухчастные (Андреевский курган, погр. 25-2, 25-3, 50, рис. 20-4; Писералы, к. 8, погр. 2).

Привески 2 типа, иногда употреблявшиеся и как наконечники ремней, – широколопастные с овальным круглопроволочным основанием, которое имеет замок в виде заклепанных концов, двух крючков или без замка, через который зачастую проходит прямоугольная обойма, украшенная тремя рядами мелких полушарных выпуклин, с заклепкой для ремня (Андреевский курган, погр. 2(3), 3(8), 21(5), 22, 36(4), 32, рис. 20-31-33; Пильна I, рис. 38-4).

Тип 3 – в качестве женских поясных украшений использовались бронзовые литые ажурные привески в виде диска с двумя ложножгутовыми планками, заканчивающимися трехчастными петлевидными выступами, и петелькой для продевания ремешка (33 экз.) (Андреевский курган, погр. 53, рис. 20-29;), а также бронзовые литые полые уточки с прорезным основанием и отверстием для подвешивания (рис. 20-20) из мужского захоронения 54 Андреевского кургана.

За привесками 4-го типа в литературе закрепилось название «лапчатых». Они происходят из коллекции Андреевского кургана (погр. 39, 2 экз.) и Пильнинского I могильника (рис. 38-5).

К 5 типу относятся бронзовые привески с длинным полым стержнем сегментовидного сечения и различными украшениями на конце из материалов Пильнинского I могильника (рис. 38-1-3).

Единственным экземпляром представлена бронзовая литая бляшка с четырехугольным корпусом и крестовидным выступом из погребения 49 Андреевского кургана (рис. 20-30).

Орудия труда.

Железные скобели двухстороннего типа подпрямоугольной формы с закругленными углами и обоюдоострым лезвием уплощенно-ромбического сечения (рис. 24-6) обнаружены в изголовье мужского захоронения 25-1 и в центральной части погребения 2 кургана 8 Писеральского могильника (рис. 55-3).

Глиняные пряслица, происходящие из пвк 5 и разрушенного погребения в насыпи Андреевского кургана, имели уплощенную таблетковидную форму диаметром 2,7–3,5 см (рис. 24-5).

Керамическая посуда.

Примечательно, что в материалах Писеральского и Климкинских курганных могильников не обнаружено ни одной целой формы керамических сосудов. Из разрушенных грабителями погребений Пильнинского I могильника известно

два сосуда – миска с заглаженной поверхностью черного цвета и слабопрофилированный горшок серо-оранжевого цвета с большим количеством крупного шамота (рис. 41-2, 3). В Андреевском кургане глиняная посуда представлена 34 экземплярами (рис. 26), сопровождающими 26 захоронений, пвк 5, пвк 18, пвк 25, а также из засыпки захоронения 22, и сосудом, обнаруженным рядом с погребением 56. В 10 случаях из них глиняная посуда сопровождала женские захоронения. Вся глиняная посуда лепная, кострового обжига, имеет бугристую, обычно заглаженную внешнюю поверхность серо-коричневого, черного цвета. Она разбивается на пять групп, внутри которых выделяются типы по пропорциональности и форме сосудов. Детальный анализ керамического материала Андреевского кургана представлен в работах В.В. Гришакова [Гришаков 1993; Гришаков, Зубов 2009] и В.И. Вихляева [Вихляев 2000].

Металлическая посуда.

Полусферическая бронзовая чаша южноиталийского производства (рис. 24-8) происходит из разрушенного захоронения в насыпи Андреевского кургана. Этой находке посвящена довольно обширная литература [Кропоткин 1969; Кропоткин 1970; Шилов 1972; Шилов 1975], в которой приведено подробное описание и интерпретация этих находок.

Кованый котелок галло-римского производства был поставлен в засыпку мужского погребения 21 Андреевского кургана (рис. 24-7).

Деревянная посуда.

Посуда, изготовленная из дерева, обнаружена в погребениях 21 и 32 Андреевского кургана, причем в первом – фрагменты чашки или ковша располагались в котелке галло-римского типа. В обоих случаях сохранность посуды была крайне неудовлетворительной, поэтому форма не восстанавливается. Сосуд из погребения 32 был окован бронзовой полосой с орнаментом из рядов мелких полушарных выпуклин.

ГЛАВА 3. ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ

Памятники типа Андреевка–Староардатово

Изучение взаимовстречаемости предметов в мужских и женских комплексах Андреевского кургана [Гришаков, Зубов 2009, рис. 29, 30] и их синхронизация по ряду идентичных маркеров с учетом стратиграфии памятника позволяет выделить четыре группы погребений. Следует отметить, что все четыре группы содержали удила 1 типа, ножи 2 типа и пряжки 2 типа 3 группы, поэтому в корреляционную таблицу мужских комплексов они введены не были.

Относительная хронология групп убедительно устанавливается по планиграфии и стратиграфии памятника и с известными оговорками соответствует в целом делению на грунтовые и впускные захоронения.

Безусловно, древнейшим в кургане является центральное погребение 25. Несмотря на общие показательные черты погребального обряда, погребения второй группы имеют принципиально новые элементы в материальной культуре, свидетельствующие о генезисе грунтовых погребений. В матрице взаимовстречаемости мужских комплексов их объединяют 19 из 24 признаков, что говорит об их хронологической и этнокультурной преемственности.

Резкий диссонанс между второй и третьей группами является не только хронологическим индикатором, но и следствием радикальной смены этнокультурной среды памятника. Некоторые наблюдения позволяют признать несостоятельным тезис, высказанный в свое время К.А. Смирновым [Смирнов 1992, с. 6] и разрабатываемый в последние годы В.И. Вихляевым [Вихляев 1999, с. 17, 20-22; Вихляев 2000, с. 43-49] о хронологической лакуне между так называемыми грунтовыми и впускными погребениями. Еще П.Д. Степанов отмечал, что «в тех случаях, когда впускная могила оказывалась над грунтовой, дно ее было неровно и костяк заваливался верхней или нижней частью туловища. Это обстоятельство мы склонны объяснять тем, что впускные захоронения по времени были совершены ненамного позднее – засыпка грунтовых могил не успела еще достаточно осесть» [Степанов 1964, с. 207]. Бесспорно, что все они накапливались на памятнике в довольно короткий хронологический период. Вышесказанное подтверждается и структурой матрицы корреляции женских захоронений, которая показывает устойчивую преемственность между анализируемыми комплексами. На интенсивное использование насыпи кургана как могильника указывают также случаи наложения впускных погребений между собой и даже внутри групп.

Третья группа образует наиболее тесные и упорядоченные связи с комплексами четвертой посредством ряда украшений костюма, бытовых предметов и керамики. В то же время она отличается в первую очередь составом и типами вооружения, а также наличием в женских погребениях височных подвесок. Находка в грунтовом погребении 34 девочки с молочными зубами двух золотых височных подвесок свидетельствует о том, что они не являлись индикатором половозрастного признака погребенных женщин на памятнике. Интересно, что в комплексах третьей группы наблюдается переработка отдельных элементов первых двух групп, чего нет в погребениях четвертой группы. Определенная закономерность наблюдается и в расположении захоронений обеих групп в насыпи, о чем будет сказано ниже. Хотя в некоторых случаях погребения третьей и четвертой групп располагались рядом, имели аналогичную ориентировку, образуя как бы пары (см.: Андреевский курган, погребения 19+27 и 29, 36 и 28). В целом, отмеченные различия между погребениями третьей и четвертой групп отражают не хронологическую, а, скорее всего, социальную стратификацию впускных погребений.

Таким образом, к основным (грунтовым) могилам на памятнике относятся мужские погребения 25, 37-41, 45, 46, 50-51, 54, 55, 56, женские взрослые погребения 38-39, 40 и детские 33, 34.

Впускными в насыпь кургана являются мужские погребения 2, 3, 6, 14, 16+48, 17+48, 19+27, 21, 22, 28, 29, 32, 35, 36, 49, 52 и женские захоронения 1, 4, 10, 12, 13, 15, 24, 44, 47, 53. Кроме того, к этой группе относятся мужское 43, а также неопределенные 7+11, 9, 20, 23, 30, 31.

Абсолютная хронология комплексов Андреевского кургана, как указывалось выше, до сих пор вызывает разногласия среди исследователей. В свое время П.Д. Степанов отнес грунтовые могилы к последним векам до н.э., а впускные – к I в. н.э. [Степанов 1980, с. 44-45]. А.Х. Халиков считал грунтовые и впускные захоронения синхронными и датировал их в целом II–III вв. н.э. [Халиков 1987, с. 10]. К этому же времени отнес андреевские древности и Ю.А. Зеленева [Зеленева 1988, с. 84]. К.А. Смирнов, поддерживая в целом точку зрения П.Д. Степанова, расширил верхнюю границу впускных погребений до II в. н.э. и предположил, что между грунтовыми и впускными погребениями имелся хронологический разрыв [Смирнов 1992, с. 6]. В.И. Вихляев, разрабатывавший в последние годы хронологию памятника, ограничил время совершения грунтовых погребений первой половиной I в. н.э., а впускные могилы датировал концом I – II вв. н.э. [Вихляев 1999, с. 20-22; Вихляев 2000, с. 45-46].

В.В. Гришаков отнес сооружение центральной могилы 25 к середине I в. н.э. Накопление остальных грунтовых погребений происходило, по его мнению, в течение третьей четверти этого столетия, а впускные погребения были датированы соответственно последней четвертью I – началом (может быть, первой четвертью) II вв. н.э. [Гришаков 1999, с. 34-36; Гришаков 2002, с. 69]. Предложенная им хронология аргументируется следующими аналогиями и наблюдениями.

Первая группа в Андреевском кургане содержит только мужские захоронения центральной могилы 25. Характерными для первой группы являются колчаные наборы модели 2а (рис. 16-2, 8, 11, 13, 21), поясные наборы модели 2 (рис. 20-3, 4) и отсутствие глиняной посуды.

В них встречаются также вещи, типичные и для комплексов второй группы: копьё 1 группы типа 1а (рис. 18-1) с футлярами (рис. 18-8), мечи 1 типа 2 группы (рис. 17-4) и 1 типа 1 группы (рис. 17-1), кинжалы 1 типа (рис. 17-5), доспехи (рис. 32-12), колчаные наборы модели 2б (рис. 16-2, 8), штыри (рис. 17-6), «воинские трофеи», ворворки типа 2 (рис. 17-7), оселки (рис. 24-3), ожерелья бус 4 (рис. 25-10, 25, 30, 32, 46, 52) и 5 (рис. 25-23, 25, 40, 49, 54) моделей, поясные наборы 1 модели (рис. 20-2, 4), застежки 1 типа 3 группы (рис. 21-3), пряжки 3 типа 5 группы (рис. 20-13] и 1 группы 2 типа (рис. 20-6), полированные бляхи 2 группы (рис. 23-8).

Кроме того, захоронения центральной могилы содержат ряд некоррелируемых артефактов: литой наконечник ножен меча из захоронения 25-1, колчаный набор модели 3, ожерелье модели 6, застежку 3 группы 2 варианта, полированную бляху 1 группы 2 типа, пряжки 2 группы 1 типа и железный скобель.

В двух погребениях были копьё 2 группы (рис. 18-7), встречающиеся также в захоронениях третьей группы.

Захоронения в центральном погребении 25 не имеют в комплексах предметов, узко датирующихся по аналогиям. Так, мечи 1 типа 1 группы сформировались еще в прохоровское время, но продолжали бытовать и в среднесарматское время, а для районов Поволжья отмечены их единичные находки и в позднесарматских погребениях [Хазанов 1971, с. 19, 21]. Кинжалы 1 типа с кольцевым навершием характерны не только для среднесарматских комплексов, но и встречаются в захоронениях II – первой половины III вв. позднесарматского времени в поволжских районах [Хазанов 1971, с. 12] и на Дону

[Шепко 1987, рис. 9-6; Безуглов 1988, рис. 2-3; Гугуев, Безуглов 1990, рис. 2-11].

Ножны кинжала из комплекса 25-1 были украшены полированными бляхами 1 группы 2 типа и 2 группы. Они очень широко применялись в пьяноборскую эпоху начиная с III в. до н.э. по II в. н.э. включительно [Генинг 1970, с. 91, рис. 20-28, табл. III-15-17, 20; VI-5, 6; XXII-2]. В дьяковских древностях их находки приходятся на первую половину I тыс. н.э. [Смирнов 1974, с. 54, табл. VI-26, 27]. Бляхи второй группы известны также на городище Пичке-Сорче I–III вв. н.э. и в кладе на Тиханкинском городище, который исследователи относят к рубежу нашей эры [Смирнов, Трубникова 1965, табл. 18-35; 21].

Палаши 1 типа в погребениях конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. восточноевропейской степи и лесостепи практически не известны. По наблюдениям С.Э. Зубова, палаши в Волго-Уралье массово появляются в I–III вв. н.э. Из всех учтенных однолезвийных клинков (21 экз.) 8 палашей происходят из поздних комплексов пьяноборской культуры и 3 – из погребений 2–3 этапов кара-абызского Охлебининского могильника [Зубов 2007(а), с. 125] (рис. 61). Из кочевнических древностей известны фрагменты однолезвийного клинка из позднесарматского погребения 1 кургана 9 могильника Альмухаметово на Южном Урале, которое автор раскопок датирует II–IV вв. [Пшеничнюк 1983, с. 125, табл. XXXII-3]. Полную аналогию андреевский меч с литым наконечником ножен из погребения 25-1 находит в погребении 18 Климкинского кургана, хотя время использования могильника необоснованно завышено его исследователями до III–IV вв. [Архипов, Шадрин 1995, с. 119, рис. 10-5]. Можно отметить, что однолезвийные боевые кинжалы длиной 25–40 см, но без перекрестья, были широко распространены в пьяноборских и кара-абызских древностях [Иванов 1984, с. 18-19, рис. 6]. Интересно, что ножны такого боевого ножа, обнаруженного в погребении 11 Кипчаковского I курганно-грунтового могильника в Башкортостане (II–I вв. до н.э.), были украшены крупной бронзовой бляхой с циркульным орнаментом и шестилепестковой розеткой [Зубов 1999, рис. 4-1].

Наконечник ножен однолезвийного клинка погребения 25-1 находит также аналогии в среде культур пьяноборского типа в Западном Приуралье. А.А. Спицыным были опубликованы три находки из Пьяноборского могильника [Спицын 1901, табл. III-2, 3, 12-13]. В.Ф. Генинг отмечал появление подобных наконечников, но изготовленных из прокованного листа, на стадии Б

(конец II–I вв. до н.э.) в могильниках Чеганда II и Нырғында II, а литых экземпляров – на стадии В (I в. н.э.) [Генинг 1970, с. 83, 91, табл. X-15, 17, 18]. Небольшой перечень приведен В.А. Ивановым [Иванов 1984, с. 19]. Этот список можно дополнить находками из Икского I в. до н.э. – начала I в. н.э. [Арматынская 1988, с. 37-38, рис. 4-17], Ново-Сасыкульского I–III вв. н.э. [Васюткин, Калинин 1986, с. 115, рис. 15-23], Юлдашевского III в. до н.э. – I в. н.э. [Пшеничнюк 1986, рис. 4-18] могильников. Наибольшее количество бронзовых наконечников однолезвийных кинжалов происходит из мужских погребений кара-абызской культуры, Охлебининского могильника – в частности [Пшеничнюк 1968, рис. 14-1, 3, 7, 8]. Значительная серия таких футляров, использовавшихся обычно для хранения ножей, происходит из полностью раскопанного Р.Д. Голдиной Тарасовского могильника на Средней Каме [Голдина 2003, табл. 257-14; 289-3; 315-23; 443-4; 458-7; 467-8; 510-9; 534-9; 551-3, 4; 570-23; 588-2; 600-5].

Наконечники копий типа 1а группы 1 обнаруживают значительное сходство с образцами из клада на Буйском городище на Вятке, однако Л.И. Ашихмина при его датировке опирается прежде всего именно на артефакты из Андреевского кургана [Ашихмина 1987, с. 108-109, 118, рис. 4-3]. Наконечники копий этого типа выделяются и в инвентаре погребений пьяноборского времени на Каме и Белой, например, Юлдашевского конца III вв. до н.э. – I в. н.э. [Пшеничнюк 1986, с. 73, рис. 5-2, 9-2, 10-12], III Кушулевского I в. до н.э. – III в. н.э. [Агеев, Мажитов 1986, с. 94, рис. 12-1, 2], Ново-Сасыкульского I–III вв. н.э. [Васюткин, Калинин 1986, с. 121-122, рис. 15-20] могильников. Однотипны и наконечники из Климкинских курганов [Архипов, Шадрин 1995, рис. 5-7, 10-2]. В качестве прототипа футлярам наконечников копий этого типа можно рассматривать футляр скифского времени из Артанда в Восточной Венгрии [Археология Венгрии 1986, с. 178, рис. 60-18].

Двушипные наконечники копий 2 группы в период перед рубежом эр и в первые века нашей эры в лесостепной и лесной полосе Восточной Европы встречаются довольно редко. Из западных аналогий можно назвать небольшую серию образцов из зарубинецких погребений II в. до н.э. – третьей четверти I в. до н.э. [Максимов, Русанова 1993, табл. II-35, IX-27], единичные находки на дьяковских городищах [Смирнов 1974, табл. II-16, с. 36], в Писеральских курганах [Халиков 1962, табл. XXVI-1] и в культурах пьяноборского мира, где они известны, например, в погребении Ново-Сасыкульского могильника I–III вв. [Васюткин, Калинин 1986, рис. 15-21].

Железные мелкие трехлопастные стрелы, встреченные в наборах моделей 2а и 3, господствуют в сарматских погребениях начиная с прохоровского времени и бытуют в позднесарматских комплексах вплоть до рубежа III–IV вв. н.э., после которого они неизвестны [Хазанов 1971, с. 37-40]. Костяные трехгранные удлинённо-пропорциональные наконечники, составляющие основу наборов моделей 2, нередки и в составах колчанных наборов из пьяноборских (чегандинских) и кара-абызских погребений [Иванов 1984, с. 14, рис. 4-22-24, 27-31, 34], где в последних приходится, по мнению некоторых исследователей, как правило, на II–III вв. н.э. [Пшеничнюк 1993, с. 49-53]. По сведениям В.Ф. Генинга, трехгранные костяные наконечники стрел на Гляденовском и Юго-Камском костящах III в. до н.э. – II в. н.э. составляли 30-33% костяных наконечников [Генинг 1988, с. 144, рис. 33-15, 16]. Известны они по материалам Городецкого, Троице-Пеленицкого городищ [Смирнов, Трубникова 1965, табл. 11-1, 2, 12-23, 25] и IV слоя Троицкого городища [Крис 1970, табл. 10-4], который датирован III–V вв. н.э. [Дубынин 1970, с. 54-60]. Крупные костяные наконечники типа 2.1 также находят аналогии в материалах верхнего горизонта нижнего слоя Троицкого городища [Крис 1970, табл. 4-9; 10-21], время отложения которого определяется I–II вв. н.э. [Дубынин 1970, с. 54-60], а наконечники типа 2.3 – нижнего горизонта второго слоя II–III вв. н.э. [Крис 1970, табл. 4-6; 10-20; Дубынин 1970, с. 54-60].

Что касается защитных доспехов, то железный пластинчатый шлем, подобный андреевским, обнаружен в одном из поздних погребений Кипчаковского I курганно-грунтового могильника II–I вв. до н.э. пьяноборской культуры [Зубов 1999, с. 47]. В данный момент он находится на реставрации в Государственном историческом музее (Москва). Исключительно пьяноборский материал этого могильника был осложнен сложными подкурганными сооружениями и захоронениями, близкими зауральским культурам горорхово и саргатки [Зубов 2004, с. 269-272].

Удила с двухпетельчатыми псалиями с прямообрубленными утолщенными концами (рис. 19, 2, б) 1 типа были широко распространены как в лесных, так и степных культурах Восточной Европы. Известны они в погребениях пьяноборской эпохи Западного Приуралья [Генинг 1970, с. 83–84, табл. XI-4, XVII-12, 13; Иванов 1984, с. 20; Пшеничнюк 1986, рис. 5-10; Агеев, Мажитов 1986, рис. 12-12; Васюткин, Калинин 1986, рис. 17-5, 7], где В.Ф. Генинг датирует их стадиями В и Г (I–II вв. н.э.) [Генинг 1970, с. 84, 92], а Б.Б. Агеев – II–III вв. н.э. [Агеев 1993, рис. 3-17, с. 69]. В сарматских древностях донской

лесостепи такие удила датируются I–II вв. н.э. [Медведев 1990, рис. 12-4, 18-2, 33-6, 40-2], в комплексах Северного Приазовья – II–III вв. н.э. [Шепко 1987, рис. 8-4]. На Троицком городище они обнаружены во рву на глубине III слоя [Смирнов 1970, с. 176, табл. 14-21, 24, рис. 16-25], что соответствует II–III вв. [Дубынин 1970, с. 54-60]. Два псаля этого типа имеются в коллекции с городища Пичке-Сорче I–III вв. н.э. в Чувашии [Смирнов, Трубникова 1965, табл. 15-20, 21].

Среди ременной гарнитуры захоронений центральной могилы 25 наиболее архаичной выглядит круглая пряжка с кнопками 2 типа 1 группы, аналогичные которой происходят из Гляденовского костыща III в. до н.э. – II в. н.э. [Генинг 1988, с. 133-134, рис. 32-24] и Охлебининского могильника, где обнаружена в погребении III этапа (конец II в. до н.э. – II в. н.э.) [Пшеничнюк 1993, рис. 10-11]. Большая пряжка типа 1 группы 2 имеет оригинальную конструкцию и, вероятно, сделанная на заказ, аналогий не имеет. Малые пряжки с округлой рамкой 2 типа 3 группы и подпрямоугольные 3 типа 5 группы бытовали без заметных типологических изменений на протяжении всего I тыс. н.э. Употребление парных сапожковидных привесок типа 1а в пьяноборских древностях В.Ф. Генинг связывал с комплексами стадии Г (II в. н.э.) [Генинг 1970, с. 61-62, 92-93, рис. 20-102, 103], а Б.Б. Агеев расширяет время их использования до III в. н.э. [Агеев 1993, с. 68, рис. 2-24, 3-14]. Однако, по мнению Г.И. Матвеевой, андреевские экземпляры, безусловно, древнее пьяноборских, и их прототипом были соединенные клыки медведя из погребения 37 Андреевки [Матвеева 2003, с. 291]. Аналогичные клыки медведя, соединенные через систему сквозных отверстий, были обнаружены в раннем (II–I вв. до н.э.) пьяноборском погребении 32 Кипчаковского I курганно-грунтового могильника [Зубов 2007(в), рис. 8-3].

Застежки с соединительной петлей, подобные 2 типу 3 группы в пьяноборских древностях, В.Ф. Генинг датировал стадией Г (II в. н.э.) [Генинг 1970, рис. 20-81]. Известны они и из погребений Писеральских курганов [Халиков 1962, табл. XXV-6, 10].

Из ожерелий бус в могиле 25 наиболее ранним выглядит ожерелье модели 4 в захоронении 25-1, где наряду с характерными только для I в. н.э. бусами широко представлены более архаичные бусы, а разновидности, специфичные только для II в. н.э., отсутствуют. В ожерельях захоронений 25-2 и 25-4 абсолютно господствуют бусы, получившие распространение только с рубежа новой эры [Гришаков 1999, с. 34, рис. 2-5-7].

Таким образом, по аналогиям в целом центральное погребение 25 Андреевского кургана не могло быть совершено ранее рубежа эр, как и, соответственно, не позднее I в. н.э. Уточнить его время позволяет анализ комплексов группы 2 грунтовых погребений.

Вторая группа включает мужские погребения 37-41, 45, 46, 50-51, 54, 55, 56, женское погребение 38-39 и детское 34.

Целый ряд перечисленных вещей первой группы встречается и в мужских погребениях второй. Новыми для них являются колчаные наборы 4 модели (рис. 16-1, 3, 8, 12, 13, 15, 16, 18) и наличие глиняных сосудов разных типов (1.2, 1.4, 2.2) во всех мужских погребениях. Среди других скоррелированных вещей, обнаруженных только в мужских погребениях этой группы, – пряжки 3 группы 3 типа (рис. 20-21) и ворворки 1 типа (рис. 17-8).

Кроме них, в мужских комплексах второй группы встречены некоррелируемые предметы: удила типа 3а и уздечный набор из погребения 54, ожерелье из бус модели 7, железная пряжка без подвижного язычка из погребения 50, пряжки 2 группы 2 типа, 4 группы 1 типа, 5 группы 1 и 2 типов, костяная пряжка с выступом для застегивания и застежка 4 группы 3 типа, бронзовые привески-уточка и ряд мелких полусферических бронзовых и железных бляшек.

Бляхи 1 группы 1 типа встречены в комплексах женских погребений во впускных погребениях. Интересно отметить, что инвентарь захоронения «слуги» 41 в могиле 37-41 включал застежку 2 группы (рис. 21-2) и нож 1 типа (рис. 24-1), которые типичны для мужских впускных захоронений.

Основанием для синхронизации женских и мужских погребений группы 2 являются ожерелья бус 3 модели, полированные бляхи 2 группы, миниатюрные застежки 4 группы 1 типа, а также особенности обряда погребения 38-39.

Характерным для женских погребений второй группы является сочетание ожерелий бус 3 модели (рис. 25-2, 4-9, 12, 16-19, 21, 24-27, 32-37, 39, 41, 50, 51, 55) и золотых височных подвесок 1 типа (рис. 22-2). Захоронение 39, сопровождавшее основное – 38, содержало аналогичную привеску, но из бронзы. В женских комплексах этой группы отсутствуют такие украшения, как браслеты и шейные гривны, и ряд других украшений, характерных для погребений третьей и четвертой групп, хотя встречается аналогичная глиняная посуда. В них есть ряд некоррелируемых вещей: наконечник 2 варианта, ажурная литая бляха 1 типа и ажурная литая застежка с миндалевидной рамкой.

Во вторую группу, скорее всего, входят также женское погребение 40 с некоррелируемыми золотой височной подвеской типа 2 в сочетании с пряжкой 1 группы 1 типа и детское погребение 33.

Абсолютная датировка группы 2 может опираться на ожерелья бус модели 3, которые содержались как в погребениях этой группы, так и во впускных захоронениях 3 группы. Для них характерно сочетание значительных долей бус, специфичных, с одной стороны, для I в. н.э., с другой – для второй половины I – первой половины II вв. н.э. Следовательно, время их употребления можно убедительно относить ко второй половине I – началу II вв. н.э. [Гришаков 1999, с. 34-36, рис. 2-4]. Ожерелье же модели 7 содержало довольно значительную часть бус, характерных для всего I в. н.э. [Гришаков 1999, рис. 2-3]. Другие артефакты 2 группы имеют также более широкий диапазон бытования, который не противоречит датировке ожерелий модели 3 и перечисленным аналогиям из 1 группы.

В колчаных наборах 4 модели, характерных только для этой группы, появляются железные двушипные черешковые и втульчатые наконечники стрел. К.А. Смирнов разделял черешковые наконечники на вырубленные из пластины и кованные, при этом находки первых, по его наблюдениям, приходятся на напластования I–IV вв. н.э. дьяковских городищ, а вторые, аналогичные андреевским образцам, относятся к «несколько более раннему времени» [Смирнов 1974, с. 33-34]. В последние годы он был склонен сопоставлять железные двушипные наконечники Андреевского кургана с образцами из римских лагерей Дунайского лимеса I–III вв. н.э. [Смирнов 1991, с. 59; Смирнов 1992, с. 5]. Х.И. Крис связывала черешковые наконечники Троицкого городища с верхним и нижним горизонтами верхнего слоя [Крис 1970, табл. 9-19-21, с. 163], которые накапливались во II–V вв. н.э. [Дубынин 1970, с. 54-60]. На Щербинском городище их находки соотносятся со вторым периодом функционирования памятника – IV–III вв. до н.э. – I в. н.э. [Дубынин 1974, с. 228-229, 249-250]. О.Н. Бадер определял время бытования повсеместно двушипных наконечников I–III вв. н.э., подчеркивая, что более крупные образцы датируются скорее всего I в. н.э. [Бадер 1950, с. 117]. Идентичный андреевским наконечник стрелы происходит из Гляденовского костыща III в. до н.э. – II в. н.э. [Генинг 1988, с. 132-134, рис. 33-8]. Из западных аналогий можно назвать наконечник с Почепского селища, верхняя хронологическая граница которого определяется в рамках II в. н.э. [Обломский 1993, с. 47, табл. XVII-10]. Втульчатые двушипные наконечники известны также на дьяковских городищах [Смирнов 1974, с. 33, табл. II-1]. На Троицком городи-

ще они обнаружены в верхнем горизонте нижнего слоя и нижнем горизонте верхнего слоя, датированные I–III вв. н.э. [Крис 1970, табл. 9-14, 15, с. 162; Дубынин 1970, с. 54-60]. Их находки происходят из культурного слоя пшеворского поселения у с. Подберезцы в Львовской области, которое функционировало во второй половине I в. до н.э. – первой половине IV в. н.э. [Козак 1985, с. 85-85, рис. 9-17], и поселения Галиш-Ловачка латенской культуры Закарпатья [Бидзиля, Щукин 1993, с. 73, табл. XXV-6, 8]. В междуречье Суры и Оки двушипные наконечники встречены на городище Пичке-Сорче в Чувашии [Смирнов, Трубникова 1965, табл. 15-10, 11, 14-16], в Сергачском могильнике «Кожина Слобода» [Снежневский 1894], Писеральских курганах [Халиков 1962, табл. XXIV-1-5, с. 135] и Кошибееве [Спицын 1901, табл. VI-27]. Костяной наконечник с предупорной муфтой типа 2.2, но более миниатюрный, чем андреевский, обнаружен в верхнем горизонте нижнего слоя Троицкого городища, датированном I–II вв. н.э. [Крис 1970, табл. 4-9; Дубынин 1970, с. 54-60].

Удила типа 3а можно сопоставить с удилами из сарматского кургана последней четверти I в. н.э. под Азовом, у которых концы двухпетельчатых псалий раскованы в виде лопаточки и украшены малыми фаларами [Беспалый 1992, рис. 4, с. 190].

Пряжки типа 1 группы 4, которые в литературе иногда называют «маркоманнскими», датируются многочисленными аналогиями в сарматских погребениях Подонья I в. н.э. [Медведев 1990, рис. 8-6, 17-7, 18-4, 21-6], комплексах I – начала II вв. н.э. Центрального Предкавказья [Абрамова 1983, рис. 2-12], позднескифских погребениях I в. н.э. в Крыму [Дашевская 1991, с. 36, табл. 63-13, 14]. Известны они и в пьяноборских древностях, например Ново-Сасыкульском могильнике I–III вв. н.э. [Васюткин, Калинин 1986, рис. 14-17]. Пряжки 5 группы 1 типа находят аналогии в пшеворских погребениях второй половины I–II вв. н.э. [Козак 1993, табл. XXII-17], а близкая 2 типу обнаружена на Почепском селище, датированном началом раннеримского периода [Заверняев 1969, рис. 14-23; Обломский 1993, табл. XII-29, с. 47]. Пряжка 1 группы 1 типа с неподвижным язычком находит аналогии в культурах пьяноборского мира, где они появляются на рубеже I в. до н.э. – I в. н.э. и «бытуют до конца пьяноборской эпохи» [Генинг 1970, с. 46, рис. 20-41]. I–II вв. н.э. датируются подобные пряжки и по материалам памятников пьяноборского круга в бассейне Вятки [Лещинская 1995, рис. 2-25]. Железная пряжка с арматурной основой, по-видимому, близка по типу обнаруженной в погребении 10 кургана 2 Писеральского могильника [Халиков 1962, табл. XXIV-10].

Идентичная костяной пряжке с выступом для застегивания происходит из Ново-Сасыкульского могильника I–III вв. н.э. в низовьях Белой [Васюткин, Калинин 1986, Рис. 13-15]. Остальные пряжки из погребений 2 группы аналогичной не имеют, хотя можно отметить, что скобы-петли и гофрирование рамки, как это прослеживалось у пряжек 3 группы 3 типа из захоронения 37, применялись у чегандинских кольцевых застежек с неподвижным крючком [Генинг 1970, табл. VII-12, VIII-2, 5].

Полированная бляха 1 группы 1 типа, располагавшаяся на нижнем конце ножен палаша захоронения 50, находит многочисленные аналогии в древностях пьяноборского круга, например, в III Кушулевском [Агеев, Мажитов 1986, рис. 7-9], Ново-Сасыкульском [Васюткин, Калинин 1986, рис. 7-21], Пьяноборском [Спицын 1901, табл. III-14] могильниках. По материалам могильников Чеганда II и Ныргында II их датируют стадиями В и Г (I–II вв. н.э.) [Генинг 1970, с. 92, рис. 20-69, табл. VI-7]. В кара-абызских комплексах они встречаются во II–III вв. н.э. [Пшеничнюк 1993, рис. 18-10, 19-16]. Обнаружены они и на Гляденовском костыше [Генинг 1988, рис. 32-25]. Следует отметить применение аналогичной бляхи с колпачком для украшения ножен двулезвийных мечей Писеральских и Климкинских курганов [Халиков 1962, табл. XXIII-1; Архипов, Шадрин 1995, с. 116, рис. 10-9]. Наиболее раннее украшение ножен однолезвийного кинжала (боевого ножа) бляхой с коническим колпачком и петлей на обороте было зафиксировано в погребении 11 Кипчаковского I курганно-грунтового могильника раннепьяноборского времени [Зубов 1999, рис. 4-1, 2; Зубов 2007(в), с. 85, рис. 10-1, б].

Височные привески 1 типа, встречающиеся в женских погребениях, были широко распространены в сарматской среде начиная с прохоровского времени, но там они имеют меньшее количество оборотов [Смирнов 1989, табл. 71-63-65, 70; Мошкова 1989, табл. 82-11, 12]. Характерны они, например, для сарматских погребений I – начала II вв. н.э. Подкумского могильника в Центральном Предкавказье [Абрамова 1983, с. 67, рис. 2-18]. Аналогичная привеска из желтого металла происходит из женского погребения Писеральских курганов [Халиков 1962, с. 119, рис. 42, табл. XII-8].

Миниатюрные застежки 4 группы, обнаруженные в мужских и женских погребениях этой группы, в первые века нашей эры встречались спорадически повсеместно в Восточной Европе, например в сарматских [Медведев 1990, с. 154, рис. 31-5, 32-21] и пьяноборских древностях [Васюткин, Калинин 1986, рис. 14-9, 13, 14].

Ажурная литая бляха 1 типа имеет аналогии в погребении 4 кургана 1 Писеральского могильника [Халиков 1962, табл. XXVII-2]. По форме, технике исполнения и декору им чрезвычайно близки еще две бляхи из Писеральских курганов [Халиков 1962, табл. XXVII-1, 3], бляха из Клишкинского кургана [Архипов, Шадрин 1995, рис. 5-9] и экземпляр из клада I – начала II вв. н.э. на городище Долматово в Рязанском Поочье [Ахмедов 2003, рис. 1-1, с. 132, 134], но они крепились при помощи иглы и пластинчатого приемника.

Ажурная литая миндалевидная застежка из женского захоронения 39 имеет значительное сходство с застежкой из III Кушулевского могильника пьяноборского типа I в. до н.э. – III в. н.э. [Агеев, Мажитов 1986, рис. 9-20, с. 94], Клишкинского кургана [Архипов, Шадрин 1995, рис. 7-6], а также случайной находкой из Красноармейского района Чувашии [Смирнов 1961, рис. 27-10] (рис. 62).

Таким образом, нижняя граница 2 группы не должна опускаться ниже середины I в. н.э. Это обосновывается в первую очередь хронологической позицией ожерелий 3 модели и не противоречит приведенным выше аналогиям. Датировка же центрального погребения 25, смыкающегося с древностями 2 группы, приходится соответственно на время около середины этого столетия.

Исходя из этого, хронологические рамки грунтовых погребений 2 группы, которые накапливались на памятнике не более чем на протяжении жизни взрослого поколения, то есть около 25 лет, чему как раз соответствует небольшое их число и половозрастной состав, приходится на третью четверть I в. н.э.

Это подтверждается абсолютной датировкой впускных погребений 3 и 4 групп, которые необходимо анализировать совместно, так как различия между ними отражают, по-видимому, социальную стратификацию, о чем говорилось выше.

Третья группа представлена мужскими погребениями 17+48, 19+27, 21, 22, 28, 32, 49, 52 и женскими захоронениями 4, 10, 24, 47, 53.

Мужские погребения этой группы содержали очень мало предметов, встреченных в первой и второй группах. Это только двушипные наконечники копий 2 группы (рис. 18-7), единственная бронзовая массивная коническая поясная накладка и отдельные типы сосудов.

Для данной группы погребений характерны колчаные наборы из железных двушипных черешковых и костяных трехгранных черешковых наконечников стрел (рис. 16-3, 9, 10, 14, 16, 19), палаши с навершием 2 типа (рис. 17-3),

удила 2 типа различных вариантов (рис. 19-1, 5) и копья 1 группы типа 2а (рис. 18-3). Только в погребениях этой группы встречены деревянные чаши.

В мужских комплексах имеется ряд предметов, неизвестных в первых двух группах, но распространенных в четвертой. Это шейные гривны (рис. 22-3, 4), поясные привески 2 типа (рис. 20-31-33), застежки 1 и 2 групп (рис. 21-1, 2), пряжки 3 группы 1 типа (рис. 20-23, 24).

Среди некоррелируемых вещей имеются однолезвийный кинжал 2 типа, наконечники копий 1 группы типов 1б, 3 и 4, бронзовая литая обойма с округленным пластинчатым концом, возможно, от уздечки, бронзовая литая четырехугольная бляшка с крестовидным выступом и бронзовый котелок галло-римского производства.

К этой группе относится, скорее всего, и мужское погребение 43 с единственным палахом 2 типа.

В женских погребениях этой группы сочетаются вещи, показательные как для второй, так и третьей групп. Специфичными для них являются пряжки 4 группы 2 типа (рис. 20-25) и ожерелья бус модели 2 (рис. 25-1, 5, 11, 13, 40), которая встречена также в мужском погребении 2 группы.

Появляются полированные бляхи 1 группы 1 типа (рис. 23-4), которые составляют основу наконечника 1 варианта, шейные гривны (рис. 22-3, 4), браслеты 1 типа (рис. 22-8), застежки 1 группы (рис. 21-1) и пряжки 3 группы 1 типа (рис. 20-23, 24).

Кроме того, женские погребения содержали ряд некоррелируемых предметов: брошь с прямоугольным корпусом, поясной набор из литых ажурных привесок с петелькой на оборотной стороне, имитирующих «лапки водоплавающей птицы», двухсекционный футляр для ножей, миниатюрную застежку 4 группы 4 типа, а также коррелируемые с мужскими комплексами ожерелье модели 5 (рис. 25-1, 3, 28, 40, 49, 54), фибулы типа «Aucissa» и застежку 2 группы (рис. 21-2).

К этой группе, возможно, относятся также женские погребения 1 с височной спиральной подвеской 1 типа (рис. 22-2) и ржк 42 с ожерельем бус модели 3 (рис. 25-2, 4-9, 12, 16-19, 21, 24-27, 32-37, 39, 41, 50, 51, 55), сопровождаемые сосудами.

Четвертая группа включает мужские погребения 2, 3, 14, 16+48, 29, 35, 36 и женские захоронения 12, 13, 44.

В мужских комплексах содержатся украшения, широко представленные и в предыдущей группе (рис. 20-23, 24, 31-33; 21-1, 2; 22-3, 4). Но для них

показательны колчаные наборы 5 модели (рис. 16-16) и копья 1 группы типа 2б (рис. 18-4).

Кроме того, единственными экземплярами представлены одночастная сапожковидная привеска, аналогичные которой составляли основу поясной гарнитуры 2 модели (рис. 20-4), и крупная умбоновидная накладка, идентичная экземпляру из комплекса второй группы. С женским комплексом третьей группы коррелируется фибула «Aucissa».

Из некоррелированных предметов в мужских погребениях имеются меч 1 группы 2 типа, удила типа 3б и пряжка 5 группы 4 типа.

Выделение женских комплексов обосновывается отсутствием в них ряда предметов, известных во второй и третьей группах, и в то же время наличием украшений, идентичных в предыдущей группе. Среди некоррелируемых вещей имеется только застежка с пластинчатой рамкой.

Не исключено, что к этой группе относятся также женское погребение 15 и мужское погребение 6 с невыразительным инвентарем, в состав которого входили застежки 1 группы.

О дате впускных погребений 3 и 4 групп можно судить на основании следующих наблюдений. Однолезвийные клинки 2 типа 2 группы с навершием в виде рожек находят аналогии в пьяноборской среде Прикамья (неопубликованные клинки из погребений 78, 79 могильника Ныргында II, раскопки 1968 г. В.Ф. Генинга и В.В. Одинцова), погребений 133, 143 Афонинского могильника (раскопки 1980 г. Г.Н. Ключевой). Два меча происходят из погребений 733а и 1317 Тарасовского могильника [Голдина 2003, табл. 315-27, 509-10]. Там известны и литые усложненные бронзовые навершия, например из погребения 7 могильника Чеганда II [Генинг 1970, с. 62-63, табл. XI-1] и погребения 71 могильника Ныргында II (раскопки 1968 г. В.Ф. Генинга и В.В. Одинцова). В.Ф. Генинг был склонен рассматривать «подобный мотив оформления навершия» как продолжение развития зооморфных, прежде всего, ананьинских традиций и датировал эти клинки II в. н.э. [Генинг 1970, с. 93]. В Окско-Сурском бассейне они встречены в погребении 13 Кошибеевского могильника [Спицын 1901, табл. XII-3], разрушенном погребении Сергачского могильника «Кожина Слобода» [Снежневский 1894]. Навершие в виде рожек представлено и в материалах I–III вв. н.э. городища Пичке-Сорче в Чувашии [Смирнов, Трубникова 1965, табл. 15-17]. О том, что клинки с навершием в виде «рожек» занимают особое место, не связанное с эволюцией сарматского оружия с кольцевым навершием, сейчас совершенно ясно. Они не имеют прямых аналогий за пределами поволжско-приуральской лесо-

степной полосы (рис. 61) и являются продукцией местных оружейников [Зубов 2007(а), с. 130]. Так, в первые века нашей эры здесь появляются, а в дальнейшем получают развитие традиции оформления ювелирных изделий грибовидными шляпками. Наиболее показательны круглопроволочные и многовитковые спиральные браслеты и гривны с грибовидными шляпками на концах, подражающие античным образцам I–II вв. н.э. Этот мотив в поволжской среде очень устойчиво сохраняется на протяжении последующих столетий. Достаточно указать на кошибеевскую серию гривен с перехлестнутыми заходящими концами, один из которых оформлен в виде грибовидной шляпки [Шитов 1988, с. 7].

Образцы клинкового оружия 1 типа 2 группы начинают преобладать в поволжских комплексах со II в. н.э., когда «они распространились ...далеко за пределы сарматского мира» [Хазанов 1971, с. 20], и встречаются на протяжении всего позднесарматского времени. Судя по форме рукояти, которая постепенно расширяется к треугольному основанию полосы, андреевский экземпляр относится к ранним образцам II в. н.э. Однолезвийный кинжал с рукояткой, обмотанной бронзовой лентой, находит аналогии в пьяноборских и кара-абызских захоронениях, где В.А. Иванов называет подобное оружие боевыми ножами, отмечая их широкое распространение в мужских комплексах [Иванов 1984, с. 18-19, рис. 6].

Наконечник, подобный копьям типа 2б группы 1, происходит из нижнего горизонта верхнего слоя Троицкого городища, который датируется II–III вв. н.э. [Дубынин 1970, табл. 8-4, с. 58], а типа 3 – известен на Троице-Пеленицком городище в Среднем Поочье [Смирнов, Трубникова 1965, табл. 15-19]. Широколезвийный наконечник типа 4 можно сравнить с сарматскими верхнедонскими наконечниками II – первой половины III вв. н.э. [Медведев 1990, рис. 44-2, 46-16]. Впоследствии копьё с подобными длинными наконечниками становятся характерными для погребений IV–V вв. Абрамовского могильника [Шитов 1977, с. 116, рис. 1-5]. Их отдельные экземпляры известны также в погребениях IV в. Кошибеевского могильника [Шитов 1988, с. 16, табл. X-8]. Можно отметить, что наконечник типа 1.1б, безусловно, является подражанием образцам типа 1.1а, характерным для грунтовых погребений.

В колчаные наборы 1 модели, характерной для 3 группы, входили наконечники стрел 1 типа 3 группы, значительная серия которых известна с дьяковских городищ [Смирнов 1974, с. 29]. На Щербинском городище их употребляли на протяжении первого и второго периодов использования памятника (VII–VI вв. до н.э. – I–II вв. н.э.) [Дубынин 1974, с. 218-219, 250].

Аналогию оригинальным удилам типа 2а находим в сарматском погребении кургана 12 Никольского могильника в Нижнем Поволжье, которое датируется второй половиной I – началом II вв. н.э. [Засецкая 1979, рис. 17-3]. Можно отметить, что инкрустированный двухпетельчатый псалий, но с прямообрубленными концами, обнаружен на Троицком городище [Смирнов 1970, рис. 16-25]. Параллели удилам типа 2б с инкрустацией имеются в сарматском кургане второй половины I – начала II в. у с. Нижняя Добринка на севере Волгоградской области, причем исследователи указывают еще на серию таких удил из сарматских погребений I в. н.э. [Сергацков, Захаров 2006, с. 121-122, рис. 3-2, 3, 6]. Удила типа 3б встречены в Филимоновском погребении 1 из Кобани I в. н.э. [Абрамова 1974, с. 6-7, рис. III-30, табл. 1]. М.П. Абрамова приводит данные по таким удилам, происходящим из кургана II–III вв. н.э. Усть-Лабинского могильника и кургана конца I в. н.э. у ст. Казанская, отмечая, что они характерны для погребений Прикубанья первых веков нашей эры [Абрамова 1974, с. 7]. Удила этого типа известны также в пьяноборских древностях [Васюткин, Калинин 1986, рис. 17-1; Агеев, Мажитов 1986, рис. 12-13] и в Писеральских курганах [Халиков 1962, табл. XXIV-11, 12].

Двухсекционный футляр для ножей, аналогичный андреевскому, происходит из пьяноборского Ново-Сасыкульского могильника I–III вв. н.э. [Васюткин, Калинин 1986, рис. 15-22]. Еще три экземпляра обнаружены в комплексах Тарасовского могильника на Средней Каме [Голдина 2003, табл. 453-16, 468-3, 500-11]. В дальнейшем ножны такого типа для ножа и шила получили широкое распространение в комплексах мазунинской культуры III–V вв. [Останина 1997, с. 69-70, рис. 15-17, 16-2].

Шейные гривны с замком в виде петли и крючка с грибовидной головкой известны в пьяноборских древностях, например Пьяноборском [Спицын 1901, табл. 3-4], Ново-Сасыкульском I–III вв. н.э. [Васюткин, Калинин 1986, рис. 6-12] могильниках, изредка встречаются в сарматских погребениях Подонья второй половины I – начала II вв. н.э. [Медведев 1990, рис. 9-7, с. 61]. Гривны этой разновидности доживают вплоть до IV в., о чем свидетельствует серия таких изделий, но с перехлестнутыми концами, из Кошибеевского и Польно-Ялтуновского могильников [Спицын 1901, табл. VII-11; Шитов 1988, с. 7, табл. III-11, VII-8, VIII-8, XI-8, 15]. Украшения из двух перекрученных гривен обнаружены в Кошибеевском могильнике [Спицын 1901, табл. VII-14], в финно-угорских памятниках Белозерья начала новой эры [Башенькин 1994, рис. XII-20]. Прием перевивки трех проволочных гривн с грибовидной кони-

ческой головкой был применен при изготовлении гривны из Ново-Сасыкульского могильника [Васюткин, Калинин 1986, рис. 6-5].

Спиральные круглопроволочные браслеты 1 типа, но без грибовидной головки, встречаются в комплексах Ново-Сасыкульского могильника [Васюткин, Калинин 1986, рис. 6-2]. Браслеты 2 типа из разрушенного впускного комплекса Андреевки находят аналогии в сарматских погребениях Подонья второй половины I – начала II вв. н.э., середины – второй половины II в. н.э. [Медведев 1990, рис. 12-11, 32-34], древностях II в. до н.э. – II–III вв. н.э. саргатской культуры Западной Сибири [Могильников 1992, табл. 126-33]. Известны они в позднезарубинецких погребениях верховьев Южного Буга второй половины I – второй половины, конца II в. н.э., где считаются предметами античного импорта [Обломский 1993, табл. XVII-18]. В Северном Причерноморье их бытование относится к I–II вв. н.э. [Цветаева 1984, табл. CLXVII]. В позднескифских погребениях Крыма такие браслеты датируются также I–II вв. н.э. [Дашевская 1991, с. 39, табл. 71-5].

Характерными для впускных погребений являются пряжки 3 группы 1 типа, известные в дьяковских [Смирнов 1974, с. 47, табл. V-7] и пьяноборских древностях [Васюткин, Калинин 1986, рис. 14-4]. Они встречаются в сарматских погребениях Подонья I в. н.э. [Медведев 1990, рис. 14-4, 5] и происходят из кургана последней четверти I в. н.э. под Азовом [Беспалый 1992, рис. 1-8, с. 180]. Судя по материалам Кошибеевского могильника, отдельные экземпляры доживают до III–IV вв. [Шитов 1988, табл. V-8]. В мужских комплексах с пряжками 3 группы 1 типа обычно встречались поясные привески 2 типа, аналогии которым нам неизвестны. Интересно, что изготовленные в подражание «маркоманнским» пряжки 4 группы 2 типа имеют также заклепанные концы и являются продуктом, скорее всего, местных мастеров.

Широкорамчатые застёжки 1 группы известны в пьяноборских древностях [Спицын 1901, табл. I-8, 13; Васюткин, Калинин 1986, рис. 14-12, 27]. Близкие по конструкции корпуса, но с язычком, продетым через петлю или отверстие на корпусе, в чегандинских комплексах датировались В.Ф. Генингом II в. н.э. [Генинг 1970, рис. 20-98]. Круглопроволочные застёжки 2 группы также встречаются в пьяноборских комплексах первых веков н.э. [Васюткин, Калинин 1986, рис. 14-22].

Андреевские экземпляры фибул типа «Aucissa», обнаруженные во впускных погребениях 3 и 4 групп, по мнению В.П. Шилова, ближе всего напоминают тип II или близкий к нему тип III по классификации О. Клиндта-

Йенсена, появившийся в последние десятилетия до н.э. В отличие от А.К. Амброза, по своду которого фибулы «Aucissa» повсеместно в Европе датируются первой половиной I в. н.э. [Амброз 1966, с. 26], В.П. Шилов отмечал их находки и в более позднее время: в римском лагере у Майнца в комплексах с кирпичами, имеющими штемпель 4-го римского легиона, который стоял здесь с 43 по 70 г. н.э., в пограничных германских лагерях, где они бытовали во II в. н.э. [Шилов 1975, с. 156]. Вероятность их более позднего употребления подкрепляется автором ссылкой на находку фибулы «Aucissa» в земляном склепе 36 некрополя Неаполя скифского с вещами начала II в. н.э. [Шилов 1975, с. 156]. В настоящее время их бытование позднее I в. н.э. убедительно демонстрируется серией находок из позднесарматских погребений, например, в кургане 5 Архаринского могильника в Калмыкии [Скрипкин 1977, с. 116], кургане на арыке Джун в Узбекистане [Оболдуева 1988, рис. 4-11, с. 166] и других позднесарматских комплексах [Мошкова 1989, с. 201, табл. 82-94].

Кованый котелок галло-римского производства, обнаруженный в засыпке мужского погребения 21, В.В. Кропоткин относил к II-III вв. н.э. [Кропоткин 1970, с. 26, рис. 56-5, 66-4] и отмечал, что такие котелки встречаются в позднесарматских погребениях этого времени в Поволжье и Приуралье [Кропоткин 1969, с. 34-36]. По наблюдениям М.Г. Мошковой, в сарматской среде после II в. н.э. количество кованых котелков резко сокращается, а с середины III в. к сарматам они практически уже не поступают [Мошкова 1989, с. 195].

Андреевскую чашу В.В. Кропоткин датировал I в. до н.э. [Кропоткин 1969, с. 32-33; Кропоткин 1970, с. 24, рис. 56-6, 7, 66-1-3]. В.П. Шилов относил ее изготовление к рубежу I в. до н.э. – I в. н.э. [Шилов 1972, с. 194; Шилов 1975, с. 146-147] и справедливо считал, что при определении времени погребения чаши следует учитывать ее длительное употребление, о чем свидетельствуют следы ремонта изделия. Из аналогичных в Поволжье он отмечал чашу в составе сервиза, сопровождавшего богатое сарматское погребение первой половины I в. н.э. кургана 28 Жутовского могильника в Астраханской области [Шилов 1975, с. 150, рис. 58-1].

Таким образом, верхняя хронологическая граница 3 и 4 групп впускных погребений, имеющих узкие хронологические маркеры, приходится на начало (может быть, первую четверть) II в. н.э. В целом, основная масса впускных погребений, на наш взгляд, была совершена в последней четверти предыдущего столетия.

Памятники типа Писералы–Климкино

Как уже отмечалось выше, первоисследователи Писеральского и Климкинского могильников датировали их II–III вв. н.э. [Халиков 1962, с. 135] и III–IV вв. н.э. [Архипов, Шадрин 1995, с. 119]. Работы, связанные с уточнением датировок погребальных комплексов Андреевского кургана, Кошибеевского могильника и отдельных категорий инвентаря конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. [Вихляев 1998; Гришаков 1998; Ахмедов, Белоцерковская 1999] в определенной мере позволяют уточнить хронологическую позицию памятников писеральско-андреевского типа. В некоторой степени этому способствуют публикации комплексов вещей отдельных памятников рассматриваемого периода [Ахмедов 2003] и небольших сводных статей [Башенькин 2003; Бугров 1999(а), Бугров 1999(б), Бугров 2000].

Определение времени совершения захоронений Климкинского и Писеральского могильников осложнено отсутствием четких хронологических индикаторов в погребальных комплексах. При этом отдельные категории инвентаря дают вполне достоверную информацию о времени существования этих памятников.

Плоские бронзовые бляхи, использовавшиеся, по А.Х. Халикову, для украшения ножен, характерны для пьяноборской культуры во II в. н.э. [Халиков 1962, с. 135]. Н.А. Лещинская датирует их несколько шире – I–III вв. н.э. [Лещинская 1994, с. 105, рис. 5, В19].

Сапожковидные подвески датируются началом I тыс. н.э.: I–III вв. н.э. [Халиков 1962, с. 174], II в. н.э. (стадия Г) [Генинг 1970, с. 92–93]. На Ныргындинском I и Афонинском могильниках они входят в комплексы, датирующиеся временем не ранее II в. н.э. [Ашихмина, Ключева 1984, с. 51]. Небольшая серия известна в позднепьяноборских комплексах (II–III в. н.э.) Тарасовского могильника. Сдвоенная подвеска, сапожки (клыки) которой направлены в одну сторону, происходит из погребения 35 Юлдашевского могильника III в. до н.э. – I в. н.э. [Пшеничнюк 1986, с. 73]. Исходя из планиграфии могильника это погребение можно отнести к числу наиболее поздних и датировать I веком н.э. П.Д. Степанов нижнюю границу бытования подвесок этого типа опускает до I в. до н.э. [Степанов 1980, с. 33].

Нагрудная бляха прямоугольной формы, по А.Х. Халикову, датируется II–III вв. н.э. [Халиков 1962, с. 134]. По материалам Андреевского кургана (погр. 53), где подобная бляха находилась совместно с фибулой типа «Aucissa», И.Р. Ахмедов полагает, что ее можно датировать «временем не позже середины

I в. н.э.» [Ахмедов 2003, с. 132]. Судя по имеющимся аналогиям, бляха из Климкинского кургана (к.1, погр.5) более сложная в исполнении. Следует указать на то, что в один комплекс с ней входили пряжка с неподвижным крючком, когти медведя завернутые в медную фольгу (имитация сапожковидных подвесок), трехлопастной черешковый наконечник стрелы и втульчатый наконечник копья с листовидным пером и ребром жесткости.

Пряжки с неподвижным крючком бытуют практически весь период существования пьяноборской культуры. По материалам Юлдашевского могильника датируются в пределах III в. до н.э. – I в. н.э. [Пшеничнюк 1986, с. 73], в комплексах Красноярского и Ошкинского могильников – I–II вв. н.э. [Казанцева 1994, с. 157; Лещинская 2000, с. 10], Ново-Сасыкульского – I–III вв. н.э. [Васюткин, Калинин 1986, с. 121].

Очковидную сьюлгаму с миндалевидной рамкой исследователи датируют I в. до н.э. – III в. н.э. [Агеев, Мажитов 1986, с. 94] и II–III вв. н.э. [Смирнов 1961, с. 105].

Боченковидные бусы с поясками голубого, синего, золотого и зеленого цветов, отделенных друг от друга белыми лентами, по Б.Б. Агееву, датируются в пределах II в. до н.э. – II в. н.э. [Агеев 1992, с. 35]. По сочетанию бус в ожерелье и для Писеральского и для Климкинского могильников применимы, выделенные В.В. Гришаковым на основе анализа материалов Андреевского кургана, модели 3 и 4, которые датируются второй половиной I – началом II в. н.э. [Гришаков 1998, с. 32, 36].

Плоские бляхи из белой бронзы с отверстием в центре, орнаментированные 2-6 концентрическими кругами, иногда с шестилепестковой розеткой, или без них были изготовлены из зеркал, которые бытовали в III–I в. до н.э. в Прикубанье, на Северном Кавказе – в I в. до н.э. – I в. н.э. Известны они и в Западной Сибири [Агеев 1992, с. 37], а в период II в. до н.э. – II в. н.э. широкое распространение получили в памятниках кара-абызской культуры [Пшеничнюк 1973, с. 182-183, рис. 13, 14].

Н.А. Лещинская считает двушипные наконечники стрел характерными для могильников Западного Поволжья II–III вв. н.э. [Лещинская 2000, с. 12]. Рассматривая железные двушипные черешковые наконечники стрел дьяковских древностей, К.А.Смирнов выделил две разновидности – плоские, вырубленные из пластины, и выкованные с линзовидным сечением пера. Последние аналогичны писеральско-андреевским. По его наблюдениям уплощенные образцы наконечников приходятся на напластования I–IV вв. н.э. дьяковских городищ, а

кованные экземпляры относятся к «несколько более раннему времени» [Смирнов 1974, с. 33-34]. Х.И. Крис связывала двушипные наконечники Троицкого городища с верхним и нижним горизонтами верхнего слоя [Крис 1970, табл. 9-19-21, с. 163], которые по А.Ф. Дубынину приходятся на II–V вв. н.э. [Дубынин 1970, с. 54-60]. Рассматривая пекуновские экземпляры, О.Н. Бадер определял бытование двушипных наконечников повсеместно I–III вв., подчеркивая, что более крупные образцы датируются скорее всего I в. н.э. [Бадер 1950, с.117]. Небольшая серия втульчатых двушипных наконечников известна с дьяковских городищ [Смирнов 1974, с.33, табл. II,1]. На Троицком городище они обнаружены в верхнем горизонте нижнего слоя и нижнем горизонте верхнего слоя [Крис 1970, табл. 9-14, 15, с.162], время накопления которых А.Ф. Дубынин относит к I–III вв. [Дубынин 1970, с.54-60]. Втульчатый двушипный наконечник происходит с городища Пичке-Сорче I–III вв. [Смирнов, Трубникова 1965, табл. 15-15].

Более значительная подборка аналогий двушипным наконечникам стрел представлена В.В. Гришаковым, посвятившим наконечникам стрел Андреевского кургана отдельную работу [Гришаков 2002, с. 66-68].

Небольшие (2–3 см) трехлопастные черешковые наконечники стрел относятся к широко распространенному во времени и пространстве типу сарматских образцов. М.Г. Мошкова устанавливает дату широкого распространения у сарматов железных черешковых наконечников стрел со II в. до н.э., а с конца II–I вв. до н.э. – повсеместное их господство [Мошкова 1962, с. 82], вплоть до конца позднесарматского времени, когда они начинают значительно увеличиваться в размерах.

Сарматы, вероятно, сыграли ведущую роль в распространении наконечников стрел этого типа в Восточной Европе. Появление их в погребальных комплексах Северного Причерноморья, Кубани и Кавказа связано или с прямым проникновением сарматов, или с их влиянием [Хазанов 1971, с. 38-39; Скрипкин 1990, с. 137]. Несомненно, сарматская панолия оказывала весомое влияние на комплекс вооружения населения лесостепных культур, которые заимствовали передовые образцы вооружения у своих степных соседей, дополняя ими свой арсенал. Трехлопастные наконечники стрел широко представлены в погребальных комплексах пьяноборского и кара-абызского населения II в. до н.э. – II в. н.э. [Пшеничнюк 1973, с. 187, рис. 6-11; Агеев 1992, с. 46].

Длинные и короткие мечи без металлического навершия и перекрестия (2 и 3 типы по А.М. Хазанову, 8 тип по А.С. Скрипкину) типичны для поздне-сарматской культуры II–IV вв. н.э., но появляются они и в погребениях более раннего времени, «совокупно датирующихся по сопутствующим находкам и погребальному обряду I–II вв. н.э.» [Скрипкин 1990, с. 133]. Рассматривая этот тип мечей, А.С. Скрипкин отмечает, «что они появились и развивались параллельно с мечами без навершия с прямым перекрестием и в сформировавшемся виде известны уже в раннесарматское время, однако ведущей формой они становятся только в позднесарматское время» [Скрипкин 1990, с. 133].

К первым векам нашей эры относится распространение палашей в Волго-Камском регионе [Агеев 1992, с. 47]. Для сарматов такой тип клинкового оружия был не характерен.

Удила со стержневыми псалями датируются второй половиной I – началом II в. н.э. [Агеев 1992, с. 49; Ахмедов 2003, с. 133].

Исходя из вышеизложенного, Писеральский и Климкинский могильники можно датировать в пределах I–II вв. н.э. (может быть до середины III в.), что, в целом, согласуется с хронологическими выкладками мордовских исследователей В.И. Вихляева и В.В. Гришакова [Вихляев 2000, с. 49; Гришаков 1998, с. 36]. При этом погребения Писеральского могильника под курганами 1 и 4, видимо следует соотносить с ранними захоронениями Андреевского кургана. Достаточно будет указать, что из них происходят совершенно аналогичные «грунтовыми» захоронениям Андреевского кургана предметы погребального инвентаря. В частности, двулезвийный меч с прямым перекрестием, железный витой стержень, оковка ножен кинжала, крупная круглая бляха на ножнах меча и кинжала. Украшения костюма в данном случае, вероятно, трудно сопоставить, так как существующих в настоящее время типологических колонок явно недостаточно. Впускные захоронения Андреевки, соответственно, хронологически должны быть более близки погребениям Климкинского и Писеральского могильников. Из инвентаря можно указать на золотые спиральные височные привески, грибовидные бляшки, однолезвийные мечи, наконечники копий, удила и псалии, черешковые двушипные наконечники стрел (которые имеются и в грунтовых захоронениях Андреевки).

В целом, следует отметить, что пока отсутствует надежная датировка погребального инвентаря из памятников писеральско-андреевского круга. В основном датировки строятся на немногочисленных предметах импорта (фибулы «Авцисса», бусы и т.д.). Надо признать, что они могут запаздывать по

времени относительно основных центров их распространения и производства. Типология вещей также весьма относительна, поскольку каждый предмет по своему уникален. Так, например, прямоугольные нагрудные бляхи с полусферами на коротких сторонах имеют только одинаковый принцип изготовления, а оформление, размеры щитка, способ крепления к одежде различаются. То же можно сказать о пряжках с неподвижным крючком.

Памятники типа Пильны

Типологически депаспортизированные вещи из разграбленных погребений Пильнинского I могильника укладываются в промежуток между инвентарем Андреевки–Срароардатово и Писералы–Климкино. При этом можно отметить тяготение вещевого инвентаря к погребениям второй и третьей хронологических групп Андреевского кургана и ранним погребениям Писеральского курганного могильника.

Таким образом, можно предварительно определить хронологические рамки Пильнинского I могильника II в. н.э.

Погребальный инвентарь единственного пока погребения Пильнинского II грунтового могильника вполне можно соотнести с материалами писеральско-андреевского типа памятников и датировать I–III вв. н.э. (рис. 42, 43-1-12). Это костяные и железные наконечники стрел, бронзовая пряжка с железным язычком, округло-вытянутая бусина глухого серебристого цвета, железный меч линзовидного сечения.

Костяные наконечники стрел представлены двумя экземплярами. Фрагмент острия одного из них треугольного сечения. Способ насада не определен. Вполне возможно, что наконечник стрелы был черешковый.

Второй наконечник цилиндрической формы 15 мм в диаметре и длиной 35 мм, полый внутри. Причем отверстие у его основания 10 мм, а в верхней, боевой части, диаметр отверстия 4 мм. Верхняя часть до середины имеет четыре сегментированных выемки, что в плане представляет собой крест с округлыми внутренними углами и отверстием в центре. Такой тип наконечников стрел предположительно использовался для охоты на мелкого пушного зверя (белка, куница). Аналогии подобным наконечникам стрел известны в материалах азелинской культуры III–V вв. н.э. [Старостин 2009, рис. 15-36; 20-76; 23-1-6, 8; 34-4; 35-4; 39-5-8].

Железные двушипные наконечники стрел с плоским черешком типологически близки, в первую очередь, наконечникам Пильнинского I могильника, расположенного в непосредственной близости от Пильнинского II-го, а также Писеральского и Климкинских могильников. Интересно, что в материалах Андреевского кургана присутствуют наконечники стрел железные двушипные, а самое главное – втульчатые. Они входят в 4-ю модель колчаных наборов Андреевского кургана (рис. 16-1, 3, 8, 12, 13, 15, 16, 18) и соотносятся с наиболее ранними трехлопастными железными наконечниками стрел из погребения 50.

Бронзовая пряжка с железным язычком не дает четкой хронологической привязки ввиду плохой сохранности язычка, не дающей возможности определить типологическую принадлежность самой пряжки.

Округло-вытянутая бусина с внутренним серебрением (длина 15 мм, диаметр 9 мм) (рис. 42-4; 43-4). В классификации Е.М. Алексеевой подобного типа нет, но в целом данная бусина наиболее близка бусам римского времени первых веков н.э. [Алексеева 1978, с.28-30].

ГЛАВА 4. ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Проблемы появления и функционирования памятников круга андреевских древностей, какие группы населения участвовали в их формировании и какова была их историческая судьба пока не имеют ясного и однозначного ответа. Сложность решения этих вопросов заключается, прежде всего, в уникальности самих некрополей, так как археологических памятников, сочетающих подобный погребальный обряд и материальную культуру, за пределами Посурья пока не выявлено. Всем исследователям очевидно пока одно – их появление связано с проникновением в местную среду инородного населения.

Исследованные А.Х. Халиковым и П.Д. Степановым Писеральский курганный могильник [Халиков 1958; 1962], Андреевский [Степанов 1964; Степанов 1973; Степанов 1980] и Староардатовский [Степанов 1968; Гришаков 2000] курганы являются памятниками, отразившими сложные этнокультурные процессы, происходившие в лесостепных районах Западного Поволжья в конце эпохи раннего железного века. Однако и по сей день материалы этих могильников не получили однозначную исследовательскую оценку. Археологические работы Г.А. Архипова и А.И. Шадрин на Клишкинском курганном могильнике в 1991 и 1993 годах [Архипов, Шадрин 1995] и А.В. Михеева в 2003–2004 гг. [Зубов, Михеев 2006], С.Э. Зубова на Пильнинских могильниках в 2010 году [Зубов и др. 2011] расширили не только источниковую базу, но и круг вопросов по проблемам датирования и этнокультурной интерпретации этих памятников.

В настоящее время все они объединены в группу памятников писеральско-андреевского типа [Халиков 1987; Зеленева 1988; Архипов, Шадрин 1995; Зубов 1999; Гришаков 2000; Зубов, Михеев 2006]. Большинство исследователей склоняется к мнению о пришлом характере населения, оставившего эти памятники. В последнее время разрабатывается концепция «военного выплеска» в рамках теории малых миграций [Зубов 1999, с. 49; Гришаков 2000, с. 53; Зубов 2004, с. 78-82]. В.И. Вихляевым памятники этого круга рассматриваются сквозь призму единой археологической культуры – андреевской, «эталонным памятником для определения датировки» которой «является Андреевский курган» [Вихляев 2000, с. 43].

Малочисленность памятников этого типа определила особый к ним интерес. Основными вопросами, которые интересовали исследователей, стали

происхождение населения, оставившего рассматриваемые могильники, и хронологическая позиция погребальных комплексов.

А.Х. Халиков, исследовавший Писеральские курганы, в первой публикации материалов этого памятника отмечал их «наибольшую близость к соответствующим явлениям пьяноборской культуры». При этом «обычай насыпания курганов мог возникнуть при продвижении пьяноборцев на запад», произошедшем вследствие натиска «уральского населения» [Халиков 1962, с. 133-136]. В дальнейшем он несколько откорректировал свою точку зрения на проблему сложения населения, оставившего Андреевский и Писеральские курганы. А именно – из числа смешанных племен, вобравших в свою культуру как позднесарматские, так и позднепьяноборские особенности, а также новые южносибирские черты [Халиков 1987, с. 15-16]. Подкорректированные выводы сводились к тому, что исходный центр этого населения исследователю виделся «где-то в районе, который на юго-западе граничил с областью распространения савромат и сармат, на северо-западе близко подходил к пьяноборской территории, на северо-востоке не удалялся от лесостепного Зауралья и Западной Сибири, где в I тысячелетии до н.э. расселялись угро-самодийские племена [Могильников 1981], а на востоке контактировал с другими тюркоязычными и, возможно, монголоязычными племенами» [Халиков 1987, с. 17]. Этим, собственно, и объяснялось наличие в материалах рассматриваемых памятников пьяноборских и сарматских элементов.

П.Д. Степанов, автор раскопок Андреевского кургана, представлял себе население, оставившее данный памятник, сложившимся из трех компонентов: городецкого, ананьинско-пьяноборского и «савромато-сарматского» [Степанов 1980, с. 46-47]. Основываясь на материалах этого некрополя, он предложил следующую интерпретацию. Население, оставившее ранние погребения Андреевки, является городецким в своей основе. При этом оно восприняло и переработало «элементы культуры ананьинских и пьяноборских племен», дав начало древнемордовской культуре. «Накануне начала нашей эры в среду бывших городецких племен... вторгаются конники-завоеватели», через которых в «Андреевский курган проникает третий компонент – савромато-сарматский» [Степанов 1980, с. 46-47].

Интересный и неоднозначный материал, полученный в ходе раскопок Андреевского и Писеральских курганов, привлек к себе большое внимание со стороны многих исследователей, поднимающих вопросы этнической истории

Поволжья и близлежащих регионов в раннем железном веке и раннем средневековье.

Ю.А. Зеленева, рассматривая данные памятники, делает вывод о сармато-пьяноборском совместном проникновении в Среднее Поволжье [Зеленева 1988, с. 82-83]. Г.А. Архипов соглашается с мнением П.Д. Степанова об истоках культуры Андреевского кургана в местной, городецкой среде [Архипов 1976, с. 95], не отрицая и сарматского влияния [Архипов 1976, с. 109]. Подобную точку зрения разделял в свое время и В.В. Гришаков, говоря о двух неразрывно слитых компонентах – сарматском и местном, финно-угорском [Гришаков 1990, с. 136], в дальнейшем присоединившись к гипотезе «военного выплеска» С.Э. Зубова [Зубов 1999, с. 49; Гришаков 2002, с. 68]. Г.И. Матвеева видит в андреевских материалах процесс смешения пришлого и местного населения «в результате интеграции пьяноборских и городецких племен при участии пшеворско-зарубинецких компонентов» [Матвеева 1986, с. 160]. Спорную позицию по вопросам этнокультурной интерпретации населения, оставившего Андреевский курган, и датирования погребальных комплексов, занял К.А. Смирнов. Он расчленил погребения Андреевского кургана на «два самостоятельных могильника, оставленных разными группами населения и относящихся к разному времени» [Смирнов 1992, с. 3]. Грунтовые погребения, по К.А. Смирнову, «были оставлены населением, в значительной степени воспринявшим сарматскую культуру», а население, оставившее впускные погребения, по его мнению «может быть связано с городецкой культурой» [Смирнов 1992, с. 6]. В.И. Вихляев определяет основу населения, оставившего Андреевский курган, из числа пришлых кочевников [Вихляев 1999, с. 26-27], где городецкие и прикамские племена играли роль поработанного зависимого населения [Вихляев 2000, с. 57]. В дальнейшем исследователь подкрепил свою позицию о кочевническом компоненте многочисленными и «конкретными», на его взгляд, сарматскими аналогиями [Вихляев 2000, с. 51].

П.Д. Степанов, разделивший весь погребальный комплекс кургана на «две различные группы захоронений, в то же время в какой-то степени близкие», определяет время совершения захоронений грунтовых погребений последними веками I тысячелетия до н.э., «тогда как впускные погребения хорошо датируются началом нашей эры, в том числе некоторые довольно четко: I веком н.э.» [Степанов 1980, с. 44]. Относительно датировки Писеральского и Климкинских могильников следует указать, что в настоящее время их датируют первыми веками I тыс. н.э. Сами исследователи отмечают, что

Писеральский могильник существовал во II–III вв. н.э. [Халиков 1962, с. 135], а Климкинский – в III–IV вв. н.э. [Архипов, Шадрин 1995, с. 119]. С.Э. Зубов и А.В. Михеев вышеуказанные памятники датируют в пределах второй половины I в. н.э. – первой половиной III в. н.э., считая неубедительным значительное омоложение Климкинских материалов, а раннюю дату определяют по погребениям курганов 1 и 4 Писеральского могильника, которые, «видимо, следует соотносить с ранними захоронениями Андреевского кургана» [Зубов, Михеев 2006, с. 216].

Как уже было ранее отмечено, в настоящее время существует несколько точек зрения на происхождение памятников писеральско-андреевского типа. Исследователи выделяют целый ряд компонентов, которые могли составить основу или повлиять на формирование рассматриваемого населения [Халиков 1962, с. 133-136; Халиков 1987, с. 17; Степанов 1980, с. 46-47; Матвеева 1986, с. 160; Матвеева 2003, с. 289-292; Зеленева 1988, с. 81, 83; Гришаков 1990, с. 136-137, Гришаков 2002, с. 68; Смирнов 1992, с. 3-6; Смирнов 1994, с. 93; Зубов 1999, с. 44-51, Зубов, Михеев 2006, с. 222; Вихляев 1999, с. 17-30; Вихляев 2000, с. 49, 51-53, 49]. При самом беглом прочтении этих работ бросается в глаза, что все исследователи, представляя этнокультурную характеристику памятников андреевско-писеральского круга, оперируют в основном тремя компонентами: городецким, пьяноборским и сарматским. При этом комбинации из компонентов самые разнообразные (см. таблицу 7).

О городецком компоненте в памятниках писеральско-андреевского типа. Я солидарен с мнением Ю.А. Зеленева о том, что генетическая связь городецкой культуры с погребальными комплексами памятников андреевско-писеральского типа в этнокультурных построениях отдельных специалистов по большей степени декларативна [Зеленева 1988, с. 84].

Городецкая культура в своем классическом варианте характеризуется керамикой с отпечатками рогожного штампа, малочисленностью железных изделий, отсутствием этноопределяющих бронзовых украшений и каких-либо погребальных памятников [Матвеева 1992, с. 7]. В последнее время верхнюю дату существования городецкой культуры определяют в рамках I–II вв. н.э. [Миронов 1976, с. 3; Зеленева 1988, с. 79-80; Матвеева 1992, с. 7]. В этот период исчезает рогожная керамика – главный и, пожалуй, единственный диагностирующий признак городецкой культуры. Появляются курганные, а затем грунтовые могильники с обрядом ингумации, в погребениях которых содержится значительное количество бронзовых украшений и изделий из железа.

Таблица 7. Этнокультурные компоненты сложения памятников писеральско-андреевского типа

Компонент Автор	городецкий	сарматский	пьянобор- ский	пшеворско- зарубинец- кий	южно- сибирский
Степанов 1964; 1980					
Халиков 1962					
Архипов 1976					
Матвеева 1986					
Халиков 1987					южно- сибирский
Зеленеев 1988					
Гришаков 1990					
Смирнов 1992					
Зубов 1999, 2007 ^в					заураль- ский саргатский
Вихляев 1999; 2000					
Гришаков 2002					заураль- ский лесо- степной
Гришаков, Зубов 2009					заураль- ский

Произошедшие изменения в городецкой среде были настолько существенны, что вполне правомерен вопрос о возникновении на рубеже I и II вв. н.э. новых этнокультурных образований.

В данном контексте следует упомянуть гипотезу Г.И. Матвеевой, в рамках которой выявленные многими специалистами городецкий и пьяноборский компоненты в Андреевском кургане являются единой этнокультурной основой, которая сложилась при участии местного городецкого компонента и восточного пьяноборского [Матвеева 1992, с. 7-8]. Вслед за Г.И. Матвеевой двухкомпонентность автохтонного населения Западного Поволжья в первые века нашей эры усматривает В.И. Вихляев [Вихляев 2000, с. 52].

Единственным недостатком этой интересной гипотезы является полное отсутствие аргументации, подкрепляющей данное предположение.

Предложенный Г.И. Матвеевой на основе анализа керамического материала третий, зарубинецкий [Матвеева 1992, с. 8], компонент хотя и требует более детального обоснования, чрезвычайно важен при оценке составляющих этнокультурную компоненту позднегородецкого населения.

В.В. Гришаков в своей работе выделил три очага керамических традиций в Окско-Сурском междуречье первой половины I тыс. н.э.: присурский, рязано-окский и поволжско-тешский [Гришаков 1993, с. 101-116]. Анализ керамического материала позволил автору высказать мысль о том, что присурский очаг керамических традиций, представленный материалами Андреевского кургана и ранних погребений селиксенского типа, «следует связывать с довольно однородным в этнокультурном отношении населением, которое продолжает керамические традиции городецкого времени» [Гришаков 1993, с. 102]. Формирование керамических комплексов рязано-окского очага, наиболее полно представленных материалами Кошибеевского, Польно-Ялтуновского, Ражкинского, Селикса-Трофимовского и Тезиковского могильников, происходило, по мнению исследователя, под воздействием двух факторов различной направленности. А именно – в результате взаимодействия керамических традиций носителей городецкой культуры с позднезарубинецким населением [Гришаков 1993, с. 105].

Таким образом, на основании работ специалистов по проблемам финно-угорского населения «позднегородецкого» времени, в первом прочтении можно высказать мысль о том, что население, оставившее памятники андреевско-писеральского типа, было сформировано на основе двух компонентов: местного и пришлого. Местный финно-угорский компонент был сформирован на основе

позднегородецких и позднепьяноборских племен. Этнокультурные традиции автохтонного населения прослеживаются некоторыми исследователями в керамических комплексах Андреевского кургана [Степанов 1980, с. 47; Гришаков 1993, с. 12-15, 77, 78, 101-103; Вихляев 1998, с. 27; Вихляев 2000, с. 57], отдельных категориях и видах из комплекса вооружения – черешковые наконечники стрел с шипами и крупные наконечники копий [Халиков 1962, с. 136], некоторых категориях украшений одежды – наконечники, сюльгамы [Вихляев 1998, с. 26; Вихляев 2000, с. 55-57].

Вместе с тем, наличие некоторых категорий материальной культуры, принципиально иная погребальная обрядность, позволяют рассматривать население городецкой культуры лишь в качестве зависимого, завоеванного военным отрядом пришельцев.

О сарматском компоненте в памятниках писеральско-андреевского типа. Выделяя пришлый компонент, практически в каждом варианте этнического построения для памятников андреевско-писеральского типа авторы допускают известную долю сарматского влияния. При этом каждый исследователь оценивает роль кочевников-сарматов в сложении населения Среднего Поволжья по-разному. Доводы сторонников сарматского компонента различны, как и определение степени участия пришлого компонента в формировании памятников андреевско-писеральского круга. Так, например, по мнению П.Д. Степанова, пришлый «савромато-сарматский» компонент «конников-завоевателей» характеризуется курганным обрядом захоронения в глубоких могилах с плечиками, воинскими трофеями, массой оружия и наличием рабов [Степанов 1980, с. 47]. Г.А. Архипов видит влияние сарматов на финно-угорский мир в помещении частей коня в могилы Андреевского кургана и вещевом комплексе [Архипов 1976, с. 109], не указывая, однако, какие предметы из вещевого материала он относит к сарматским. А.Х. Халиков отмечает сарматские влияния в культуре населения, оставившего Андреевский и Писеральские курганы, прежде всего в оружии – это кольчуги и длинные мечи без навершия, апеллируя при этом к А.М. Хазанову [Хазанов 1971, с. 20, 61], а также в предметах римского импорта, попавших в Андреевский курган через сармат, находившихся в I–III вв. н.э. в тесных контактах с римскими колониями в восточном Причерноморье [Халиков 1987, с. 16; Раев 1979; Шилов 1975, с. 138 и сл.]. Вместе с тем автор указывает на тот факт, что «в погребальном обряде ни Писеральских, ни Андреевского курганов, так же как и в материальной культуре, нет таких специфических черт культуры сармат, как диагональное

положение умерших в квадратных ямах, в ямах с подбоями и узких глубоких ямах, изготовленные с применением гончарного круга миски, кувшины, специфические формы украшений и т.п.» [Халиков 1987, с. 16]. На основании этого А.Х. Халиков делает вывод о том, что население Андреевского и Писеральских курганов «находилось в связи с сарматами, но не было ими» [Халиков 1987, с. 16]. Г.И. Матвеева не находит убедительных аргументов в пользу присутствия сарматского компонента в Андреевском некрополе, кроме «типично-сарматских мечей» [Матвеева 1986, с. 160]. Ю.А. Зеленева делает вывод о сарматской принадлежности грунтовых погребений Андреевского кургана по следующим признакам: расположение могил вокруг центральной; наличие погребений с плечиками в комплексе с меридиональной ориентировкой; деревянные конструкции в могилах; обряд положения в могилу четырех конечностей и черепа лошади и, последнее, – местонахождение несколько южнее Андреевского кургана Староардатовского I кургана, который «является типично позднесарматским» [Зеленева 1988, с. 81-82]. В.В. Гришаков, отмечая два неразрывно слитых компонента – сарматский и местный финно-угорский – в грунтовых погребениях Андреевского кургана, к первому относит курганный обряд захоронения в грунтовых ямах, ориентированных в меридиональном направлении, позу и ориентировку погребенных. Выраженный сарматский облик, по мнению В.В. Гришакова, несут основные виды вооружения и защитного снаряжения [Гришаков 1990, с. 136-137]. К.А. Смирнов, разделив погребения Андреевского кургана на два самостоятельных могильника, довольно расплывчато высказал мысль о значительном восприятии сарматской культуры населением, оставившим грунтовые погребения, о чем, по его мнению, «свидетельствуют находки» [Смирнов 1992, с. 6].

В.И. Вихляев, совершенно справедливо, на наш взгляд, определяя пришлый компонент основным, характеризует его как кочевнический. Степное, кочевническое происхождение погребального обряда грунтовых захоронений Андреевского кургана исследователь видит во всех его элементах: «наличие насыпи, большие прямоугольные могильные ямы, обкладка стенок и дна могил деревом, сооружение в могилах помостов и плечиков, помещение в них черепов и чучел лошадей», которые «можно найти в сарматской культуре» [Вихляев 2000, с. 51]. Наличие у «носителей андреевской культуры» черт ярко выраженной социальной стратификации (вожди, зависимые люди), по мнению В.И. Вихляева, «более соответствует уровню развития сарматов первых столетий нашей эры» [Вихляев 2000, с. 51]. К слову сказать, подчиненные захороне-

ния выявлены только в Андреевском кургане, ни в Писеральском и Климинском могильниках, ни в Староардатовском I кургане такие черты не прослежены.

Анализируя погребальный вещевой комплекс «андреевской культуры», В.И. Вихляев определяет «сарматоидный облик» по элементам женского головного убора и предметам вооружения (мечи, кинжалы с кольцевым навершием, трехперые наконечники стрел, футляры для наконечников копий, кольчуги, шлемы), где «даже способ прикрепления оружия к поясу при помощи ворвовок – сарматский». Наличие воинских трофеев также уводит исследователя, вслед за П.Д. Степановым, в скифо-сарматский мир [Вихляев 2000, с. 51].

Таким образом, к настоящему времени сложилось достаточно устойчивое представление о сарматском компоненте, маркирующем памятники писеральско-андреевского типа, в особенности грунтовые погребения Андреевского кургана. К нему, как правило, в различных сочетаниях исследователи относят следующие признаки:

1) курганный обряд захоронения [Вихляев 2000, с. 51] в глубоких могилах с плечиками [Степанов 1980, с. 47] в комплексе с меридиональной ориентировкой [Зеленеев 1988, с. 81-82];

2) расположение могил вокруг центральной [Зеленеев 1988, с. 81-82];

3) деревянные конструкции в могилах [Зеленеев 1988, с. 81-82];

4) обряд положения в могилу четырех конечностей и черепа лошади [Архипов 1976, с. 109; Зеленеев 1988, с. 81-82];

5) воинские трофеи [Степанов 1980, с. 47; Вихляев 2000, с. 51];

6) оружие [Степанов 1980, с. 47; Матвеева 1986, с. 160; Халиков 1987, с. 16; Вихляев 2000, с. 51];

7) наличие рабов [Степанов 1980, с. 47], вождей и зависимых людей [Вихляев 2000, с. 51];

8) предметы римского импорта [Халиков 1987, с. 16];

9) женский головной убор (спиральные височные подвески) [Вихляев 2000, с. 51];

10) местонахождение южнее Андреевского кургана «типично поздне-сарматского» Староардатовского I кургана [Зеленеев 1988, с. 81-82].

Все десять «сарматских» позиций составляют три группы: особенности погребального обряда (п. 1-4), погребальный инвентарь (п. 5-9), географическое положение (п. 10). Между тем далеко не все из этих признаков можно связы-

вать именно с сарматской культурой, так как они, с одной стороны, не характерны для нее самой, а с другой, встречаются и за ее пределами, вследствие чего не представляют надежный источник для этнокультурных параллелей. Поскольку мы не находим убедительных доводов присутствия элементов сарматской культуры в материалах Андреевского кургана, а тем более Писеральских и Климкинских могильников, попытаемся проанализировать каждый пункт «сарматского компонента».

1.1. Захоронения под курганной насыпью не могут однозначно трактоваться как кочевнические и, тем более, однозначно сарматские. Курганный обряд захоронения существовал и у оседлого населения со времени бронзового века до эпохи средневековья. Применительно к концу I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. можно перечислить ряд курганных могильников лесостепной и лесной зон: погребальные памятники гороховской, саргатской, кашинской культур Зауралья и Западной Сибири [Корякова 1988; Могильников 1992; Генинг 1993; Матвеева 1994], айские курганные могильники Месягутовской лесостепи Среднего Урала [Савельев 1998], Шиповские [Пшеничнюк 1976] и Нагаевские [Овсянников 1995] курганы Западного Приуралья в среднем течении р. Белой, упоминавшийся уже неоднократно Кипчаковский курганно-грунтовый могильник [Зубов 1999; Зубов 2004] в низовьях р. Белой, «княжеские» курганы и курганы седлеминого типа на территории распространения пшеворской культуры [Никитина 1974, с. 73-79]. Несколько позднее, в IV–V вв. н.э. на территории Волго-Камья появляются Тураевский и Кудашевский курганные могильники [Генинг 1976; Голдина 1999; Казанцева 2009]. В Северном Прикамье выявлены и исследованы Бродовские курганы [Голдина, Водолаго 1990], оставленные лесостепным скотоводческим населением. В ряде случаев появление курганного обряда захоронения в зоне, далекой от циклических миграционных путей кочевания, свидетельствует о миграционных процессах, связанных с обострением военно-политической обстановки, нарушением баланса в сфере военно-потестарных отношений или кардинальными изменениями экологической обстановки. И не всегда подобные «выплески» военных и малых миграций совершались населением с кочевническим укладом.

1.2. Подкурганные захоронения в глубоких могилах с плечиками в комплексе с меридиональной ориентировкой (северный сектор) в большей степени соответствуют погребальному обряду лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири [Мошкова, Генинг 1972; Могильников 1992; Матвеева 1994]. Поскольку могилы с уступами-заплечиками не являются для сарматов ведущей

формой могильной ямы, некоторые исследователи ставят под сомнение сарматское влияние на появление в Западной Сибири подобного обряда [Мошкова, Генинг 1972, с. 108].

Следует отметить, что для степного населения среднесарматской культуры ведущим является южный сектор ориентировок с отклонениями к востоку или западу [Мошкова 1989, с. 179]. Для погребений I – начала II в. н.э. увеличиваются Ю и ЮЗ ориентировки при общем уменьшении всех прочих [Скрипкин 1990, с. 184]. Отметим, что северная с отклонениями ориентировка покойных, характерная для грунтовых погребений Андреевки, достаточно широко применялась на пьяноборских могильниках [Агеев 1992, с. 22]. Господствующей она является и в саргатских курганах [Корякова 1988, с. 129-132].

2. Расположение могил вокруг центрального погребения не является, как нам кажется, этноопределяющим диагностирующим признаком. Подобная иерархическая планиграфия расположения погребений вокруг центральной могилы была широко распространена у ранних сарматов. Обычно в центре располагается обширная богатая могила с плечиками и древесными конструкциями [Смирнов 1989, с. 172]. При этом следует учесть, что в конце среднесарматского периода – начале позднесарматского намечается тенденция к увеличению числа одиночных погребений под насыпью кургана [Шилов 1959, с. 454; Скрипкин 1990, с. 185; Матюхин 1992, с. 146], а могилы с плечиками, как и ранее, составляют не более 4% [Мошкова 1989, с. 179]. Вместе с тем, расположение могил вокруг центральной является достаточно распространенным явлением для погребальной обрядности саргатской культуры [Матвеева 1994, с. 113-114], где центральная могила также отличается значительными размерами и глубиной. При этом исследователи отмечают возрастание их числа до 80% на третьем этапе развития саргатской культуры – во второй половине II в. до н.э. – II в. н.э. [Могильников 1992, с. 299; Корякова 1988, с. 48, 131]. Могильные ямы с плечиками и древесными конструкциями составляют в это время в различных вариантах саргатской культуры от 23 до 36% [Корякова 1988, с. 131]. Напомним, что среди грунтовых могил Андреевского кургана их доля составляет 33,3%. Столбы, применявшиеся для опоры перекрытия, как это было прослежено в центральном погребении 25 Андреевки, в среднесарматских древностях встречаются очень редко, однако подобные конструкции обычны для саргатских могил [Корякова 1988, с. 48-49, 130-131].

3. Деревянные конструкции в сарматских могилах встречаются эпизодически и их доля среди всего изученного на сегодняшний день массива памят-

ников чрезвычайно мала. Это подтверждается не только отсутствием данного признака в типологических построениях сарматского погребального обряда Поволжья и Приуралья, но даже какого-либо упоминания о них [Скрипкин 1990, с. 179-188]. В обобщающей работе М.Г. Мошковой, посвященной среднесарматскому времени, указывается на применение дерева, особенно в широких и квадратных ямах. Иногда деревом облицовывались стенки ямы и дно, «очень редко на дне встречаются ямки от столбов, которые, очевидно, поддерживали перекрытие» [Мошкова 1989, с. 178].

В то же время, в саргатских курганах Приишимья могилы со следами каких-либо деревянных конструкций составляют почти половину [Матвеева 1994, с. 115, 116]. К примеру, облицовка стен могилы 25 Андреевского кургана досками находит аналогии в курганах 17 Красногорского и 7 Тютринского могильников, на стенках могил которых были отмечены отпечатки досок от облицовки стен [Матвеева 1994, с. 116].

Конструктивные особенности могил Андреевского кургана с канавками из погребений 25 и 38-39 [Степанов 1980, рис. 5, табл. 55] коррелируются с саргатскими погребальными комплексами. Такие канавки часто встречались в погребениях Савиновского и Тютринского могильников на Тоболе [Матвеева 1994, с. 115]. Они (канавки) находятся на дне близ торцевых стенок, в головах и ногах покойного. Ширина их колеблется от 0,3 до 0,45 м, глубина – от 0,1 до 0,3 м. Другой вид погребальных сооружений – могилы с ямками – обычно представляют собой прямоугольные камеры с ровным дном и четным количеством ямок от столбов, расположенных вдоль стенок симметрично друг другу. Могильные ямы могут иметь при этом ступеньки, заплечики, ниши. Этот тип погребальных камер хорошо представлен в Абатских могильниках [Мошкова, Генинг 1972, рис. 1-4а; Матвеева 1994, рис. 7-2; 28-48; 38-5], Савиновском, Тютринском, Красногорском-1. В погребении 1 кургана 6 могильника Абатский-3 вдоль стенок между такими ямками прослежены канавки шириной 10–20 см и глубиной 3-5 см [Матвеева 1994, с. 116, рис. 55]. Кроме вертикальных столбов, в глубоких могилах выявлялись и следы деревянной облицовки стен, а также пола. Например, в курганах 17 Красногорского и 7 Тютринского могильников на стенках могил были отмечены отпечатки досок от облицовки стен [Матвеева 1994, с. 116]. Вышеперечисленные элементы саргатской погребальной обрядности вполне сопоставимы с погребением 25 Андреевского кургана [Степанов 1980, рис. 5, с. 12-13].

4. Останки лошади в виде головы с конечностями (в двух случаях – погр. 25, 37-41) и в одном случае только череп лошади (погр. 50-51), зафиксированные в трех могилах Андреевского кургана, для сарматского погребального обряда не характерны. Мы выскажемся, наверное, с чрезмерной категоричностью, но обряд положения в могилу четырех конечностей и черепа лошади никогда не был диагностирующим признаком сарматского этнокультурного комплекса. Ссылки на обобщающую работу М.Г. Мошковой [Мошкова 1989] не убеждают, что данный элемент погребальной обрядности присущ сарматскому населению, тем более, что сама исследовательница указывает на очень редкое нахождение черепов животных в могилах. Из огромного количества изученных погребений среднесарматского времени в европейских степях М.Г. Мошкова приводит лишь два случая, при которых «в одном из диагональных захоронений Бережновского могильника под стопой человека лежал череп лошади (табл. 73, 10), а в разграбленной могиле одного из Калиновских курганов в центре ямы лежали два черепа и отдельные кости лошади (Шилов, 1959. С. 406)» [Мошкова 1989, с 179]. Истоки появления этой детали обряда в сарматской среде пока не выяснены.

Между тем, ритуальные погребения коней известны на пьяноборских памятниках I в. до н.э. – начала III в. н.э. Так, останки животных в виде черепа и конечностей обнаружены в межмогильном пространстве на Камышлы-Тамакском могильнике, а череп лошади располагался над одним из самых глубоких погребений в III Кушулевском могильнике [Агеев 1992, с. 15; Агеев, Мажитов 1986, с. 78]. Жертвенные комплексы, содержащие черепа животных, в том числе и лошадей, встречаются также в курганах саргатской культуры Зауралья и Западной Сибири [Корякова 1988, с. 51].

При публикации материалов Писеральского могильника А.Х. Халиков отмечал находки «в двух местах скопления зубов лошади» [Халиков 1962, с. 130], свидетельствующие, по его мнению, «о культе коня в погребальном обряде» [Халиков 1987, с. 8]. Некоторой параллелью может послужить наличие значительного числа нижних челюстей лошадей на уровне погребенной почвы в Кипчаковском I курганно-грунтовым могильнике [Зубов 2004, с. 269, 271]. Нижние челюсти лошади были обнаружены и в насыпях Шиповских курганов II группы среднего течения р. Белой. Находки большого количества зубов лошади были зафиксированы в курганах 1, 2 Абатского могильника на юге Тюменской области [Мошкова, Генинг 1972, с. 87, 99].

5. «Воинские трофеи», как назвал П.Д. Степанов вырубленные человеческие верхние челюсти с системой отверстий для подвешивания, возможно, к системе конского убранства, трудно соотнести с каким-либо этносом, поскольку до недавнего времени это были единственные находки такого рода. Автор раскопок Андреевского кургана посвятил этим уникальным находкам отдельную специальную работу [Степанов 1973], в которой отметил полное отсутствие аналогий в известных археологических материалах. П.Д. Степанов приводит только упоминание Геродота об обычае скифских воинов сдирать с правой руки врага кожу вместе с пальцами, отмечая при этом, что раскопанные им погребения «вероятно, не скифские» [Степанов 1973, с. 89]. Авторская неопределенность, тем не менее, позволила «увести» В.И. Вихляева в скифо-сарматский мир [Вихляев 2000, с. 51].

Не так давно опубликованные археологические материалы [Иванов, 2003; Зубов, 2004] уводят нас в другой, пьяноборский мир. В 1978 году в слое Серёнькинского городища ананьинско-пьяноборского времени были обнаружены «два амулета из человеческих костей: один – из просверленной фаланги пальца, другой – из фрагмента просверленной нижней челюсти» [Иванов 2003, с. 202]. Раскопками Кипчаковского курганно-грунтового могильника в 1992 году в комплексе надмогильных сооружений (раскоп I, погребения 12 и 13) были выявлены четыре части распиленной вдоль и поперек нижней человеческой челюсти и единой верхней с системой отверстий для подвешивания [Зубов 2004, с. 269-270, рис. 6]. В Кипчаковском могильнике (II–I вв. до н.э.) человеческие челюсти имеют скорее сакральный характер, хотя система отверстий для подвешивания и предполагает иное первоначальное применение, до того как их использовали в погребальном обряде. Думается, что в Андреевском кургане продолжены традиции столь необычного и больше нигде неизвестного обряда. Эти единичные уникальные находки позволяют наметить пунктирной линией связь Андреевского кургана с Кипчаковским могильником [Зубов 1999, с. 48], появление которого в раннепьяноборской среде связывается с малой миграцией военного характера зауральского (горохово-саргатского) населения [Зубов 2004, с. 80]. Весьма примечателен в данном контексте факт находки фрагмента вырубленной из черепа верхней челюсти взрослого человека в Игнатьевской пещере [Чикишева 1992, с. 198] в слое раннего железного века [Петрин 1992, с. 157].

К сказанному можно добавить, что в ожерелье вместе с «трофеями» при погребении 25-1 находились плоские полированные бляхи второй группы,

хорошо известные на памятниках населения лесостепной и лесной полосы Восточной Европы, но не употреблявшиеся сарматами, а в погребении 37 – костяная трапецевидная пряжка и подвеска из клыков медведя, аналогичные которым происходят из пьяноборских могильников [Васюткин, Калинин 1986, рис. 13-15; Зубов 1999, с. 47; Зубов 2007(в), рис. 8-3].

б. Оружие по сравнению с другими категориями погребального инвентаря (посуда, детали одежды и украшения) в меньшей степени несет этническую нагрузку, являясь предметом заимствования и обмена, выступая в роли военного трофея или в качестве предмета даннических отношений, отражая в конструктивных особенностях способы тактического применения. В то же время оружие является элементом культуры, несущим информацию о характере и направленности исторических контактов, об общественно-политических отношениях.

В контексте археологической науки овеществленным показателем уровня, достигнутого обществом в военной сфере, являются предметы вооружения из погребений, в определенном сочетании видов и типов, а также в различных количественных пропорциях характеризующие комплекс вооружения.

Именно комплекс вооружения в его видовом и типовом разнообразии следует в первую очередь подвергать тщательному анализу, тем более что Андреевский курган является погребальным комплексом преимущественно воинских захоронений.

Видовой набор предметов вооружения Андреевского кургана представлен такими категориями, как оружие дистанционного боя (наконечники стрел), древковое оружие ближнего боя (копья и дротики), рубяще-колющее оружие (боевые ножи, кинжалы, мечи и палаши), защитное снаряжение (доспехи, шлемы) и конское снаряжение (удила).

Сравнивая комплекс вооружения памятников писеральско-андреевского типа, наиболее широко представленный в погребениях Андреевского кургана, с сарматской паноплией, следует отметить ряд существенных различий.

В первую очередь это касается палашей, которые зачастую исследователи называют однолезвийными мечами, нарушая оружейведческую терминологию. Следует отметить, что наличие прямого однолезвийного клинкового оружия в сарматском комплексе вооружения было явлением крайне редким, если не сказать единичным. Кроме вогнутого (серпообразного) однолезвийного клинка (Старые Киишки, к. XIII, погр. 4) III–II вв. до н.э. [Садыкова 1962, с. 99, табл. VI-8], нам известен лишь один прямой клинок в обломках из позднесар-

матского комплекса (Альмухаметово, к. 9, погр. 1) Южного Урала [Пшеничнюк 1983, с. 125, табл. XXXII-3]. В то же время палаши в значительном количестве присутствуют в материалах поздних погребений могильников кара-абызской (Охлебининский, 3 экз.) и пьяноборской культур (Чеганда II, 2 экз.; Ныргында II, 3 экз.; Афонинский, 2 экз.; Тарасовский, 2 экз.) I–III вв. н.э. [Агеев 1992, с. 46-47, рис. 15-6, 7; Зубов 2007(а), с. 125, рис. 1-6]. Обращает на себя внимание близкое, в некоторых случаях практически идентичное, оформление наверший, обмотка бронзовой проволокой рукояти (Афонинский могильник, погр. 133, 143) и отделка ножен бронзовыми наконечниками писеральско-андреевских палашей и рубяще-колющего оружия с односторонней заточкой из погребальных комплексов кара-абызско-пьяноборского круга памятников. Отделка ножен клинкового оружия бронзовыми обоймами, столь богато представленная в памятниках Волго-Камья и Западного Приуралья, никогда не была характерной чертой кочевнических сарматских древностей [Агеев 1992, с. 47-48, рис. 15-4, 7, 16-7, 17-1-12; Пшеничнюк 1968, рис. 14-1, 3, 7, 8; Пшеничнюк 1976, рис. 16-1].

Можно согласиться с В.А. Ивановым в том, что палаши из пьяноборских могильников трудно соотнести с местными образцами, а тем более с сарматскими [Иванов 1984]. Памятники писеральско-андреевского типа, в погребальных комплексах которых присутствуют восемь палашей, без сомнения, имеют пришлый характер [Зубов 2007(а), с. 133]. В связи с этим особый интерес представляет присутствие палашей в Верхнем Приобье в комплексах II–IV вв. н.э. [Грязнов 1956, с. 111]. О хуннских палашах сообщает Ю.С. Худяков [Худяков 1990, с. 25]. Обращает на себя внимание факт присутствия значительного количества палашей в комплексах вооружения кулайской [Худяков 1989(а), с. 39], кокельской [Худяков 1986(б), с. 79] и кенкольской [Кожомбердиев, Худяков 1987, с. 89-90] археологических культур.

К сарматским типам оружия традиционно относятся двулезвийные мечи I типа и кинжалы с кольцевым навершием. Однако они довольно широко применялись в это время на сопредельных с сарматской ойкуменой территориях, в том числе населением лесостепной зоны. Например, значительные серии таких клинков известны в пьяноборских древностях [Агеев 1992, с. 46-47, табл. 15-1-3, 16-4, 6].

То же самое можно сказать о железных трехлопастных наконечниках стрел, происходящих из погребения Староардатовского кургана и основных грунтовых погребений 25 и 50 Андреевского кургана. В конце раннесармат-

ского и в среднесарматское время они являлись господствующим типом у этих кочевников [Мошкова 1989, с. 184-185]. Подобный тип наконечников стрел, появившийся в III в. до н.э. в раннесарматской среде, надолго стал ведущим типом не только у степных, но и у лесостепных и лесных племен Восточной Европы и Западной Сибири раннего железного века, в том числе и Западного Приуралья [Иванов 1984, с. 10-12, рис. 3]. В Андреевке они составляли большинство только в наборе при захоронении 25-3 и около трети в двух колчанах из захоронений 25-1 и 25-2 при преобладании костяных экземпляров, которые в сарматской среде не были популярны. В то же время впускные могилы Андреевки, погребения Писеральских и Климкинских курганов вообще не содержали данный тип наконечников (три трехлопастных наконечника из Климкино имеют другую, сводчатую форму пера). Характерными типами колчаных наборов из погребений памятников писеральско-андреевского типа следует признать железные наконечники стрел с жальцами и многочисленные типы костяных наконечников стрел [Гришаков 2002].

Вместе с тем, костяные трехгранные удлинённо-пропорциональные наконечники первой группы, встречающиеся во всех колчаных наборах грунтовых погребений Андреевского кургана и составляющие в них от 25 до 100%, широко использовались населением второй стадии пьяноборских и карабызских памятников [Иванов 1984, с. 14; Генинг 1988, с. 144; Пшеничнюк 1993, с. 49-53].

Захоронения с копьями и дротиками составляют примерно 2/3 от всех «воинских» погребений писеральско-андреевских курганов (в Андреевском кургане – 60,7% от «воинских» захоронений). В комплексе боевых средств сарматов копьё никогда не занимало таких ведущих позиций, находясь на вооружении незначительной части воинской элиты – катафракты. Есть предположение, что длина среднесарматских копий достигала 4–4,5 м, не давая возможности класть это оружие в могилу. Исследователи не исключают и другие причины, привлекая этнографические параллели [Шишло 1975, с. 249-250], по которым «отсутствие копий в могилах связано с существованием каких-то погребально-поминальных церемоний» [Мошкова 1989, с. 184]. В то же время у оседлых племен Приуралья традиции положения копья в могилу были чрезвычайно сильны и этот вид оружия был вторым по значению после лука со стрелами [Иванов 1984, с. 15, 25]. К примеру, из 200 погребений с предметами

вооружения Охлебнинского могильника кара-абызской культуры в 108 (54%) были найдены копья*.

Как показали аналогии, наконечники с длинной втулкой и коротким пером с осевым ребром типа 1а генетически связаны с культурной средой пьяноборской общности [Гришаков 2004, с. 30-32]. Дротики с хорошо выраженными двумя опущенными шипами вообще не характерны для кочевнической паноплии. Подобные наконечники легких метательных копий, ставшие столь популярными в поволжско-финской среде с середины I тыс. н.э., в период перед рубежом эр и в первые века нашей эры были распространены в лесостепной и лесной полосе Восточной Европы, хотя и не являлись массовым видом оружия. Из западных аналогий можно назвать небольшую серию образцов из заруби-нецких погребений II в. до н.э. – третьей четверти I в. до н.э. На сопредельных территориях единичные находки наконечников дротиков известны на дьяковских городищах [Смирнов 1974, с. 36, табл. II-16], а также из разрушенных до раскопок 1892 г. В.И. Снежневским погребений Сергачского могильника «Кожина Слобода» [Снежневский 1894]. Редки они и в культурах пьяноборского мира, где единично известны, например, в погребении Ново-Сасыкульского могильника [Васюткин, Калинин 1986, рис. 15-21], который Б.Б. Агеев датирует II–III вв. н.э. [Агеев, 1993, с. 66] и в материалах поздних погребений Шиповского грунтового могильника [Овсянников, Савельев, Акбулатов, Васильев 2007, рис. 68-19].

Имеющимся в погребальных комплексах Андреевского кургана фактам нахождения защитного доспеха кольчужного плетения и пластинчатых шлемов (погребения 25-1, 50) мы находим аналогии в пьяноборских древностях. В частности, железный пластинчатый шлем** из Кипчаковского I курганно-грунтового могильника (погр. 56, раскоп I) – первый не только в пьяноборских древностях, но и в памятниках сарматского круга применительно к территории Азиатской Сарматии (здесь имеются в виду сарматские памятники междуречья Волги и Дона, Заволжья и Южного Приуралья III в. до н.э. – II в. н.э.). А.С. Скрипкин оперирует 1045 погребениями из 192 памятников [Скрипкин 1990], В.Н. Васильев – 425 «воинскими» погребениями VI–II вв. до н.э., содержащими предметы вооружения [Васильев 1995]. На уровне источниковой

* Выражаю искреннюю благодарность Анатолию Харитоновичу Пшеничному за возможность работы с неопубликованными архивными материалами и музейными коллекциями из его раскопок.

** В настоящее время шлем находится на реставрации в Государственном Историческом музее (г. Москва)

базы 80-х гг. прошлого столетия А.С. Скрипкин приводит данные о количестве мечей различных типов – 474 [Скрипкин 1990, с. 62, табл. 8], и при этом в погребальных комплексах не найдено ни одного шлема.

Панцирные железные пластины, найденные в погребении 53 (раскоп I) Кипчаковского могильника – крайне редкая находка даже для «элитных» захоронений кочевнической сарматской знати [Зубов 2007(а), с. 85].

7. Наличие рабов, вождей и зависимых людей в Андреевском кургане некоторыми исследователями связывается с сарматским миром. Вместе с тем современные знания о социальной стратификации древних обществ на сегодняшний день довольно ограничены и мы не видим оснований отрицать наличие института рабства и вожества у лесостепного и лесного населения Западного Поволжья. Захоронения патриархальных рабов, к примеру, выделяет В.Ф. Генинг в могильниках пьяноборской культуры [Генинг 1970, с. 125]. На наш взгляд, нет никаких существенных оснований по данному косвенному признаку связывать с сарматами население, оставившее памятники писеральско-андреевского типа.

8. Предметы римского импорта, указанные некоторыми исследователями в качестве аргумента присутствия сарматского компонента в памятниках писеральско-андреевского типа, по нашему мнению, могут свидетельствовать только о направленности торговых экономических связей, где сарматы могли выступать посредниками, через которых образцы изделий римских мастеров попадали в более отдаленные области. К примеру, в одном только Ново-Сасыкульском могильнике пьяноборской культуры известно 14 античных фибул, в том числе две раннеримские шарнирные фибулы «Aucissa» из погребений 10 и 43 [Васюткин, Калинин 1986, с. 97, 106-107, 121-122], а всего в материалах пьяноборских могильников фибулы составляют коллекцию из 21 экземпляра [Агеев 1992, с. 38].

9. Спиральные височные подвески, которые В.И. Вихляев связывает с сарматским женским головным убором [Вихляев 2000, с. 51], на наш взгляд, нельзя рассматривать как сарматский признак. По справедливому замечанию Г.И. Матвеевой, андреевские экземпляры отличаются значительно большим количеством оборотов [Матвеева 2003, с. 288].

В подтверждение своего тезиса В.И. Вихляев апеллирует к работе М.Г. Мошковой, в которой указываются характерные для всей сарматской территории «обычные бронзовые серьги, особенно в виде колец в полтора-два оборота или со связанными концами (Табл. 82, 3, 11-13)» [Мошкова 1989,

с. 190]. К слову сказать, в цитируемом разделе нет ни слова о сарматском женском головном уборе.

10. В плане географического расположения Андреевский курган находится на границе леса и лесостепи. Самые северные сарматские могильники I–IV вв. н.э. исследованы в Саратовском Правобережье, на широте г. Саратова [Матюхин 1992, с. 144-145, рис. 1], по южной кромке лесостепной зоны. Местоположение Андреевского и Староардатовского I курганов, Писеральского и Климкинских могильников можно проиллюстрировать на карте-схеме расположения сарматских памятников III–I вв. до н.э. и I–III вв. н.э. [Смирнов 1989, карта 13; Мошкова, 1989, карта 14]. Они находятся в более чем 400 км от самых северных сарматских некрополей, что уже само по себе вызывает сомнения о возможности присутствия в рассматриваемом регионе сарматов (рис. 63; 64; 66).

Высказывание Ю.А. Зеленева о принадлежности Староардатовского кургана к «типично позднесарматским» [Зеленев 1988, с. 82] требует особой аргументации. К сожалению, весьма уважаемый нами исследователь не представил доводов своих предположений.

В.В. Гришаков в публикации материалов раскопанного П.Д. Степановым кургана вполне обоснованно, на наш взгляд, относит данный памятник к типу писеральско-андреевских [Гришаков 2000]. Из работы Ю.А. Зеленева также не понятно, в чем выражается «сильное сарматское влияние» на Писеральские курганы [Зеленев 1988, с. 82].

Примечательно, что исследователи, занимающиеся проблемами сарматской культуры, не включают в орбиту своего внимания ни Староардатовский, ни Андреевский, и уж тем более Писеральские и Климкинские курганы.

Таким образом, на наш взгляд, неправомерно выделение в памятниках писеральско-андреевского типа этнокультурной компоненты кочевников-сарматов. Нам кажется совершенно верным предположение А.Х. Халикова о том, что население, оставившее памятники писеральско-андреевского типа «находилось в связи с сарматами, но не было ими» [Халиков 1987, с. 16]. В продолжение к этому существенному замечанию следует добавить, что вышеозначенное население и с пьяноборскими племенами находилось в тесной связи, однако отсутствие многих этно-диагностирующих признаков собственно пьяноборской культуры не дает оснований напрямую связывать памятники писеральско-андреевского типа с пьяноборскими в контексте этнического единства.

О пьяноборском компоненте в памятниках писеральско-андреевского типа. Об участии пьяноборских племен свидетельствует, вероятно, появившийся погребальный обряд ингумации с преимущественно северной и восточной ориентировкой, реже южной, а также многочисленность украшений пьяноборского облика в женских погребениях и близкого к пьяноборскому комплекса вооружения – в мужских. Значительная часть украшений погребальных комплексов Андреевского кургана имеет пьяноборское происхождение [Степанов 1980, с. 7]. Особенно ярко элементы культуры прикамских финноугров проявляются в Писеральских курганах, что и отмечается А.Х. Халиковым [Халиков 1962, с. 134]. Из вещей к пьяноборским им отнесены бусы с внутренней позолотой, медные сюльгамы с железной иглой и железные сюльгамы, прямоугольные бляхи с «пуговковидными выступами» и их оформление, круглые нагрудные бляхи, сапожковидные подвески, поясные наборы с умбовидными бляшками со жгутовым оформлением края, застежки с неподвижным крючком, железные ножи, удила с псалиями, оформление наконечников ножен мечей и кинжалов [Халиков 1962, с. 134-135].

В то же время следует отметить такую немаловажную деталь, как отсутствие в погребальных комплексах памятников писеральско-андреевского типа этнодиагностирующих вещей пьяноборской культуры: спиральновитых и литых подвесок с конической трубицей, листовидных подвесок-серег, эполетообразных застежек, круглодонной керамики с примесями речной раковины [Зубов 2009]. Хотя, к примеру, в материалах Афонинского могильника, инвентарь которого полностью относится к стадии II пьяноборской культуры, эполетообразные застежки отсутствуют в принципе [Агеев 1992, с. 69]. Важным, на наш взгляд, фактором, не позволяющим говорить о прямой этнической консолидации носителей традиций писеральско-андреевского типа памятников с племенами пьяноборской культуры, является принципиально разный подход в изготовлении керамической посуды. В то время как керамика, по свидетельству многих исследователей, несет в себе немалую этническую нагрузку. В писеральско-андреевских погребальных комплексах она представлена плоскодонными горшками и банками с примесями шамота и изредка украшенными по венчику зашипами или насечками. Для пьяноборской культуры характерна достаточно стандартизированная, в подавляющем большинстве круглодонная керамика с примесями речной раковины и украшенная чаще всего пояском ямок по шейке горшка. При этом следует отметить единичность керамического материала в пьяноборских погребальных комплексах, в то время как, например,

в Андреевском кургане захоронения с сосудами (без учета находок в засыпке и из погребально-вещевых комплексов) составляли 56,6% от всех погребенных.

С выделением пьяноборского компонента в Писеральских, Климкинских и Андреевском курганах мы вновь затрагиваем тему многолетней дискуссии о «пьяноборском компоненте в памятниках кошибеевского типа», поскольку считается, что памятники кошибеевского типа сформировались на основе памятников писеральско-андреевского круга. Пьяноборские элементы в кошибеевских памятниках свидетельствуют, по мнению А.П. Смирнова, о непрерывной инфильтрации племен Прикамья на запад, начиная еще с раннего железного века [Смирнов 1961, с. 103]. Исследовавший Писеральские курганы А.Х. Халиков при их публикации предполагал, что «пьяноборское население в Западное Поволжье, очевидно, вышло одновременно, и причем крупным массивом, и этот выход нельзя датировать раньше, чем конец II в. н.э.» [Халиков 1962, с. 137]. И.Р. Ахмедов и И.В. Белоцерковская проанализировали ряд украшений и деталей одежды, традиционно относимых к пьяноборскому кругу, из тридцати девяти погребений Кошибеевского могильника и определили, что девять из семнадцати рассмотренных типов вещей имеют прототипы в Андреевском кургане и Писеральском могильнике [Ахмедов, Белоцерковская 1999, с. 32-34]. На этом основании соавторы считают совершенно обоснованным мнение В.Ф. Генинга и В.Н. Шитова о том, что «пьяноборский тип» в кошибеевских памятниках свидетельствует не о пришлом, а, наоборот, местном компоненте» [Генинг, 1970, с. 195] и не имеет прототипов в Прикамье, которые «своим происхождением связаны с иным этническим кругом, который вырисовывается в Западном Поволжье по памятникам Андреевского и Писеральских курганов и городища Пичке-Сорче» [Шитов 1988, с. 20]. Именно поэтому решить проблему этногенеза памятников кошибеевского типа можно только определив исторические корни памятников писеральско-андреевского типа. Что, собственно, мы и пытаемся сделать.

К этому остается добавить, что большая масса вещей из писеральско-андреевских погребальных комплексов имеет близкие, но не абсолютно идентичные аналогии из памятников второй стадии пьяноборской культуры.

Попробуем представить это на одном примере. В качестве такового мы выбрали бронзовые крупные круглые бляхи с циркульным орнаментом и, нередко, с шестилепестковой розеткой. Исследователи отмечают, что эти бляхи изготавливались из сарматских зеркал. Вполне возможно, хотя и создается такое впечатление, что такие зеркала изготавливались в достаточно большом ко-

личестве в одном из среднеазиатских ремесленных центров специально для сарматов, а через них уже попадали к населению, проживающему в лесостепи и в лесной зоне.

В пьяноборской среде подобные бляхи использовались преимущественно в системе нагрудных женских украшений, в кара-абызской – для центрального украшения поясной гарнитуры. В памятниках же писеральско-андреевского типа этими бляхами зачастую украшали ножны мечей и кинжалов (Андреевский курган, погр. 25,1; 50; Писералы. к.1, погр.1). Примечателен факт обнаружения подобной бляхи, изготовленной из сарматского зеркала, на ножнах боевого ножа в Кипчаковском могильнике (раскоп I, погр. 11) [Зубов, 2007, с. 85, рис. 10], в погребальном обряде которого прослеживаются наряду с пьяноборскими и восточные зауральские элементы.

Таким образом, традиции использования близких по морфологическим признакам предметов украшения были весьма различными. На это также указывают сапожковидные подвески, использующиеся в писеральско-андреевской среде как украшения пояса, а в пьяноборских погребальных комплексах, как отмечал В.Ф. Генинг, они употреблялись в наряде очень неопределенно, «...то как составная часть височных украшений, то как концевая привеска нагрудника в сочетании с бляшками» [Генинг 1970, с. 194].

Достаточно много говорилось о том, что выделение в памятниках писеральско-андреевского типа этнокультурной компоненты кочевников-сарматов в большей степени неправомерно [Зубов 1999; Зубов 2007; Зубов, Михеев 2006]. Кажется совершенно верным уже приводимое нами предположение А.Х. Халикова о том, что население, оставившее памятники писеральско-андреевского типа, «находилось в связи с сарматами, но не было ими» [Халиков 1987, с. 16]. В продолжение к этому существенному замечанию следует добавить, что вышеозначенное население и с пьяноборскими племенами находилось в тесной связи, однако отсутствие многих этно-диагностирующих признаков собственно пьяноборской культуры не дает оснований напрямую связывать памятники писеральско-андреевского типа с пьяноборскими в контексте этнического единства.

О саргатском компоненте в памятниках писеральско-андреевского типа. Выше мы уже отмечали близость некоторых элементов погребального обряда Андреевского и Староардатовского курганов, Писеральских и Климкинских могильников с лесостепными племенами саргатской культуры Зауралья и Западной Сибири [Мошкова, Генинг 1972; Могильников 1992; Матвеева 1994].

Некоторые черты погребального обряда гороховских и саргатских племен рассматривались нами в связи с определением этнокультурной компоненты Кипчаковского I курганно-грунтового могильника [Зубов 2004]. Отмечавшийся исследователями процесс продвижения лесостепных зауральских племен на запад в раннем железном веке [Корякова 1988; Савельев 1998; Пшеничнюк 1976] позволяет рассматривать области Зауралья и Западной Сибири в качестве возможных исходных пунктов населения, оставившего памятники кипчаковского этно-хронологического горизонта и памятники писеральско-андреевского типа. Некоторые различия между Андреевским курганом, Писеральскими и Климкинскими курганами, с одной стороны, и Кипчаковским могильником, с другой, кроются, в первую очередь, в хронологической дистанции.

По-видимому, ведущим субстратным компонентом саргатской культуры был иранский с участием южноугорского и самодийского компонентов. Этническая принадлежность саргатской культуры определяется Н.П. Матвеевой как ирано-угорская, «со значительным преобладанием иранских компонентов различного возраста, как древних, субстратных, так и новых, за счет включений сакских и южноуральских мигрантов» [Матвеева 1994, с. 144]. Вероятно, именно по этой причине (присутствие иранских элементов в этнокультурной составляющей саргатской общности) многими исследователями усматривается «сарматский компонент» в памятниках писеральско-андреевского типа.

Установлено, что в отношении связей населения саргатской культуры с соседними племенами больший вес имеют западные и юго-западные направления [Мошкова, Генинг 1972, с. 118; Могильников 1972, с. 83-85].

В ряде работ отмечается некоторая подвижка саргатского населения к западу в первые века нашей эры и отток его из Барабы [Полосьмак 1987, с. 96; Корякова, Морозов, Суханова 1987, с. 127]. В Барабе нет памятников позже I в. н.э., – констатирует Н.В. Полосьмак, а Л.Н. Корякова отмечает в это время их малое количество и в Прииртышье [Полосьмак 1985, с. 13; Корякова 1988, с. 169]. Впрочем, открытие памятников IV–V вв. н.э. по всему ареалу саргатской культуры (Ипкульский, Абатский-3, Исаковский могильники) и стабильность южной границы, маркированной поздними сарматскими памятниками Казахстана [Матвеева 1994, с. 128], не дает оснований предполагать массовую миграцию саргатских племен. Хотя сохранившееся население, потеряв значительную часть специфики своей культуры, все больше попадало под влияние лесного населения.

На основании вышеизложенного представляется возможным говорить не о тотальной миграции какой-то определенной части народа, а рассматривать памятники писеральско-андреевского типа как военный «выплеск» зауральского населения, когда, к примеру, родоплеменная верхушка не дает возможности молодым честолюбивым воинам занять подобающее, по их мнению, место в обществе. Объединившись вокруг удачливого предводителя в военный отряд, такая группа воинов отправлялась на завоевание своей территории. По наблюдениям Тацита, подобным образом формировались дружины древних германцев, которые состояли, как правило, из молодежи, не связанной родством, часто знатного происхождения, или вольных или невольных изгоев, порвавших с родней, посвятивших себя войне и примыкавшей ради этого к бывалому, удачливому, известному своей отвагой воину [Тацит 13, 14, с. 359]. Нередко они нанимались в солдаты к римлянам.

При удачном стечении обстоятельств такая дружина занимала главенствующее положение на завоеванной территории. С собой они приносили оружие и традиции погребальной обрядности, все остальное получая от завоеванного населения, в том числе жен и наложниц. В.Г. Богораз-Тан приводит яркий пример, когда «караибы в эпоху открытия Америки Колумбом быстро и энергично завоевывали Антильские острова, продвигаясь из Южной Америки и истребляя Антильских ароваков. ... Заняв аровакское селение, они убивали мужчин, а молодых женщин делали своими наложницами, т.е. в сущности женами» [Богораз-Тан 1923, с. 11]. В данном контексте вполне объяснимы городецкие элементы в керамическом комплексе Андреевского кургана. Единственный довод сторонников автохтонного (городецкого) компонента – наличие керамики местного производства в погребальных комплексах Андреевского кургана – можно рассматривать как продукт завоевания и использования керамической посуды местного изготовления для своих нужд.

Погребения, фиксирующие начало проникновения такой военизированной ватаги в местную среду, единичны – это захоронение Староардатовского кургана и центральная могила 25 Андреевки, в которых, в отличие от грунтовых захоронений второй группы, представлены еще не обедненные местными традициями «чистые» и яркие комплексы пришельцев.

Проходя по территории, занятой пьяноборскими племенами, пришельцы могли заимствовать путем обмена или изъятия силой оружия определенные элементы материальной культуры пьяноборья. Процесс заимствования вполне мог быть двусторонним.

Интересен отмеченный еще В.Ф. Генингом факт перемещения поздне-пьяноборских племен из районов нижнего течения реки Белой на правый берег реки Камы. Не являлось ли это перемещение следствием усилившейся военно-политической напряженности в регионе?

По другому варианту возможного развития событий движение зауральского населения в западные области Приуралья может быть объяснено экспансией хуннов на земли саргатских племен. После распада хуннской державы ... на северную и южную части (47-48 гг.) южные хунны признают себя вассалами империи Хань, а северные продолжают сопротивление [Гумилев 1993, с. 165-179] и частично уходят на север за «господство над народами» [Гумилев 1993, с. 178]. В последние два десятилетия I века они терпят сокрушительные поражения от динлинов, сяньби, южных хунну (85, 86, 87, 89, 90 гг.). В 93-94 гг. северные хунну полностью разбиты и их земли занимают сяньби [Никаноров, Худяков 2004, с. 150-151]. Часть племен не могла подчиниться новому военно-политическому объединению и с арьбергандными боями, теряя в первую очередь женщин и детей, ушла далеко на северо-запад.

В данном контексте интересен уже отмеченный выше факт отсутствия саргатских памятников в Барабинской лесостепи позже I века [Полосьмак 1985, с. 13] и незначительное их количество в Прииртышье [Корякова 1988, с. 169]. Мы не исключаем возможность, казалось бы, столь далекого перемещения части саргатского населения из Зауралья в лесостепную зону Заволжья, тем более, что подобные миграции на далекие расстояния в разные эпохи были нередки.

Следует отметить, что зачастую о причинах миграций населения мы можем только догадываться или предполагать наличие одной или синтеза причин по косвенным признакам, поскольку археологическими методами причины переселений практически не фиксируются. При этом следует учитывать закономерную фрагментарность археологических данных даже для хорошо изученных памятников, которые лишь отчасти и всегда неполно отражают культуру этноса-носителя в целом.

Будучи же в меньшинстве по отношению к коренному населению, завоеватели достаточно быстро растворялись в местной среде. Именно поэтому единичны подобные археологические памятники, отражающие процесс первоначального завоевания и захоронения по традициям своей этнической группы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории того или иного региона бывали такие факты, явления и события, без анализа сущности которых просто невозможно понимание дальнейшего событийного ряда.

Для районов Средней Волги таким событием стало появление памятников писеральско-андреевского типа на заключительном этапе раннего железного века. Это время характеризуется значительными этнокультурными подвижками и, как следствие, формированием новой исторической картины Восточной Европы, становлением современных исторических народностей Поволжья.

То, что для региона Среднего Поволжья население, оставившее Андреевский и Староардатовский курганы, было пришлым – факт общепризнанный и не требующий специальных доказательств. Но существуют другие, обсуждаемые и донныне проблемы: откуда (из какого района) они мигрировали, в каком регионе происходило сложение их культурной основы, какие элементы культуры других этносов они в себя впитали?

Следует отметить, что, как правило, мигранты предпочитали переселяться в схожие ландшафтные и природно-климатические зоны, более привычные и приспособленные для ведения хозяйства.

Географически вся территория Среднего Поволжья является составной частью огромной Русской равнины. Интересующий нас регион Волго-Окско-Цнинского междуречья расположен в провинции Приволжской возвышенности (рис. 1; 3). На севере этого края стоит тайга с темными ельниками, густыми пихтарниками и светлыми сосновыми борами. На юге господствует живописная лесостепь с островами дубрав, иногда сосновых боров, приуроченных, в большей части, к северо-западной части ареала по реке Мокше. Лесами заняты значительные площади провинции. Вся лесостепная провинция Приволжской возвышенности, за исключением крайнего юго-запада Пензенской области, выделена в Приволжский округ европейской широколиственно-лесной области. При этом в указанной лесостепной провинции намечаются массивы луговых степей (Арзамасский, Сергачский, Ульяновский, Саранско-Пензенский и Сызранский).

Особенно примечателен в этом отношении Сергачский степной остров, занимающий Межпьянье на юго-востоке Нижегородской области и северо-

востоке Мордовии. Располагаясь на севере Приволжской возвышенности, Сергачский остров тем не менее очень сильно насыщен степными видами [Мильков 1953, с. 217-218]. О ковыльных степных участках Межпьянья в свое время писал В.В. Алехин [Алехин 1926, с. 194], а П.А. Смирнов приходит в отношении их к такому заключению: «Вообще тип южных ковыльных степей... здесь, в этом далеко заброшенном к северу клочке, выражен в своих основных чертах достаточно хорошо» [Смирнов 1940, с. 20]. Именно здесь, в восточной части территории Межпьянья остепненной лесостепи, расположены Андреевский и Староардатовский курганы.

Остепнение склонов по высоким правобережьям рек наблюдается и к северу от Сергачского степного острова, в непосредственной близости от Волги [Мильков 1953, с. 218], где, кстати, расположены Писеральский и Климкинский курганные могильники.

Исследователи отмечают, что «лесостепь можно рассматривать как своеобразный природный накопитель необходимых условий жизнеобеспечения, куда время от времени были направлены миграционные процессы» [Синюк 1996, с. 35].

Именно здесь выявлены и исследованы уникальные археологические памятники Восточной Европы заключительного этапа эпохи раннего железного века, отражающие сложные этнокультурные процессы, связанные с нестабильной ситуацией на евразийском пространстве на рубеже эр и в первых веках нашей эры.

Это время характеризуется значительными этнокультурными подвижками и, как следствие, формированием новой исторической картины Восточной Европы, становлением современных исторических народностей Поволжья.

Интересный и неоднозначный материал, полученный в ходе раскопок Андреевского, Староардатовского, а также Писеральских и Климкинских курганов, грунтовых Пильнинских могильников привлек к себе большое внимание со стороны многих исследователей, поднимающих вопросы этнической истории Поволжья и близлежащих регионов в раннем железном веке и раннем средневековье.

Памятники этого типа в течение длительного времени используются в различных этнокультурных построениях и хронологических схемах многими археологами нашей страны. Однако и по сей день материалы этих могильников не получили однозначную исследовательскую оценку.

То, что для региона Среднего Поволжья население, оставившее захоронения писеральско-андреевского типа памятников было пришлым – факт общепризнанный и не требующий специальных доказательств. Но существуют другие, обсуждаемые и доныне проблемы, – откуда (из какого района) они мигрировали, в каком регионе происходило сложение их культурной основы, какие элементы культуры других этносов они в себя впитали?

Следует отметить, что, как правило, мигранты предпочитали переселяться в схожие ландшафтные и природно-климатические зоны, более привычные и приспособленные для ведения хозяйства. Появление в лесостепной провинции Приволжской возвышенности указанных памятников может свидетельствовать о миграции населения из близкой природной среды. Исследователи отмечают, что «лесостепь можно рассматривать как своеобразный природный накопитель необходимых условий жизнеобеспечения, куда время от времени были направлены миграционные процессы» [Синюк 1996, с. 35].

Анализ элементов материальной культуры позволяет отнести к наиболее ранним из захоронений памятников писеральско-андреевского типа сооружение центральной могилы 25 Андреевского кургана к середине I в. н.э. Накопление остальных грунтовых погребений происходило, по нашему мнению, в течение третьей четверти этого столетия, а впускные погребения были датированы нами соответственно последней четвертью I – началом (может быть, первой четвертью) II вв. н.э.

Сопоставление погребального обряда и инвентаря Староардатовского погребения с материалами ранних андреевских могил позволяет высказать мнение о совершении захоронения в кургане в середине I в. н.э.

Хронологическая близость и близость погребального обряда с инвентарем позволяют выделить эти два объекта в единый культурно-хронологический горизонт Андреевка–Староардатово.

В настоящее время существует несколько точек зрения на происхождение памятников писеральско-андреевского типа и, в первую очередь, Андреевского кургана. Исследователи выделяют целый ряд компонентов, которые могли составить основу или повлиять на формирование населения, оставившего эти яркие памятники. Практически все ученые, представляя этнокультурную характеристику Андреевского кургана, оперируют в основном тремя компонентами: городецким, пьяноборским и сарматским. При этом их комбинации самые разнообразные.

По П.Д. Степанову этнокультурная компонента Андреевского кургана сложена из четырех составляющих – городецкой, пьяноборской, сарматской и древнемордовской [Степанов 1964; Степанов 1980], В.И. Вихляев, разделяя в целом позицию П.Д. Степанова, считает, что основу населения, оставившего Андреевский курган, составили пришлые кочевники [Вихляев 1999]. При этом по его мнению городецкие и прикамские племена играли роль порабощенного зависимого населения [Вихляев 2000].

Высказывались мнения, согласно которым население, оставившее Андреевский курган, складывалось на сармато-пьяноборской основе [Архипов 1976; Зеленева 1988; Гришаков 1990].

К.А. Смирнов, разделил погребения Андреевского кургана на «два самостоятельных могильника, оставленных разными группами населения и относящихся к разному времени» [Смирнов 1992, с. 3]. Грунтовые погребения по К.А. Смирнову «были оставлены населением, в значительной степени воспринявшим сарматскую культуру», а население, оставившее впускные погребения, «может быть связано с городецкой культурой» [Смирнов 1992, с. 6].

Г.И. Матвеева в материальной культуре Андреевского кургана видела симбиоз городецко-пьяноборских и пшеворско-зарубинецких элементов [Матвеева 1986]. А.Х. Халиков усматривал в сложении памятников писеральско-андреевского круга пьяноборский компонент наряду с южно-сибирским [Халиков 1987].

Именно эта гипотеза позволила авторам настоящей работы более пристально обратить свое внимание на восточные памятники лесостепных племен саргатской культуры Зауралья и Западной Сибири [Мошкова, Генинг 1972; Могильников 1992; Матвеева 1994] и предположить зауральское происхождение погребальной обрядности Андреевского и Староардатовского курганов [Зубов, 1999; Зубов 2007(в); Гришаков 2002].

Этнокультурные построения исследователей, выделяющих в материалах Андреевского кургана зарубинецко-пшеворский, пьяноборский и сарматский компоненты на наш взгляд мало убедительны, а зачастую декларативны.

Пришлый характер населения, оставивших памятники типа Андреевка-Староардатово, как уже отмечалось, не вызывает сомнений. Авторы этой работы неоднократно указывали на двухкомпонентность материалов Андреевского кургана, при которой ведущим, определяющим компонентом был пришлый

зауральский, привнесенный мигрантами-завоевателями, и вторичный, местный компонент порабощенного автохтонного населения.

В этой связи особое внимание следует уделить не столько вещевому инвентарю, сколько элементам погребальной обрядности, аналогии которым авторам видятся в памятниках зауральских культур (саргатская, гороховская) раннего железного века.

Таким образом, на наш взгляд особенности погребальной обрядности ранних погребений Андреевского и Староардатовского курганов, социальная стратификация и поло-возрастные характеристики погребений позволяют предполагать миграцию–инвазию в регион военизированной группы зауральского населения. И судя по всему таких миграционных «военных выплесков» незначительных в количественном отношении групп чужеродного населения на территорию Западного Поволжья было несколько. Свидетельством тому являются Писеральский и Климкинский курганные могильники, расположенные примерно в 100 км к северо-востоку от Андреевского и Староардатовского курганов.

Известным российским исследователем М.Б. Щукиным было введено понятие горизонта как особого историко-археологического явления, памятники которого являются «неустоявшимися или несостоявшимися археологическими культурами» [Щукин 1986, с. 26]. Исследователь отмечал, что «памятники горизонтов рассыпаны на большой территории и располагаются не столь компактно, как в археологических культурах, иногда вклиниваются в инокультурную среду, число интегрирующих типов не столь велико и охватывают они сравнительно узкие хронологические интервалы» [Щукин 1986, с. 26].

Именно эти характеристики присущи памятникам типа Андреевка-Староардатово и Писералы-Климкино. Погребения Андреевского и Староардатовского курганов имеют ярко выраженный воинский характер. Более 60% захороненных мужчин в Андреевском кургане сопровождалось оружием и предметами конского снаряжения. В Староардатовском кургане основное (и единственное) захоронение было воинским. Подкурганый погребальный обряд захоронения является абсолютно чуждым не только автохтонному населению городецкой культуры, но и ближайшим культурам – дьяковской – на севере, зарубинецкой – на западе и пьяноборской – на востоке. На юге, в степной зоне курганный обряд был широко распространен у кочевников–сармат. Но анализ всех возможных источников не позволяет соотносить памят-

ники типа Андреевка-Староардатово и уж тем более Писералы-Климкино с сарматским миром. Наличие же предметов римского импорта свидетельствует лишь о торговых контактах при посредничестве сармат.

До недавнего времени единственные и уникальные находки вырубленных из человеческих черепов верхних челюстей с системой отверстий для подвешивания в погребальных комплексах Андреевского кургана (погр. 25, 37) определили четкую связь с Кипчаковским могильником из Западного Приуралья, где были найдены аналогичные находки. Пришлый характер кипчаковского населения, оставившего подкурганые захоронения в нижнем течении реки Белой не вызывает особых возражений. Аналогии погребального обряда и общеисторические тенденции предполагают рассматривать территорию зауральского лесостепного региона исходным районом миграции.

Еще одна находка вырубленной верхней челюсти человека была сделана в Игнатьевской пещере на Южном Урале и связана с «ритуалом, видимо относящимся ко времени раннего железного века» [Петрин 1992, с. 157].

Пильнинские памятники предполагают выделение еще одного горизонта, мощного в плане вооружения и достаточно богатого. В хронологическом плане Пильнинские находки больше тяготеют к Писеральским комплексам, но складывается такое впечатление, что они находятся где-то посередине между Андреевкой-Староардатово и Писералами-Климкино. Это более интересно потому, что Пильнинские захоронения безкурганые, грунтовые. При этом степень находок предметов вооружения, особенно клинкового и защитного, чрезвычайно высока.

На рубеже эр районы Западного Поволжья были своеобразной пограничной территорией, в какой-то степени предопределившей ее слабую заселенность. И возможно именно вследствие этого сюда продвинулись вышедшие из лесостепных районов Зауралья военные отряды угров. Произошло это, по всей видимости, во второй половине I века. Характер захоронений Андреевского кургана позволяет с достаточной долей уверенности говорить о трех поколениях погребенных здесь людей. Причем, если погребальный обряд первого поколения достаточно определенно сопоставляется с древностями лесостепного Зауралья (памятники саргатской культуры), то погребения следующих хронологических пластов по своей обрядности и погребальному инвентарю носят упрощенный «размытый» характер. То есть процесс метисации пришлого и местного населения в данном случае фиксируется достаточно определенно.

Окруженные инородным населением с совершенно другими этнокультурными традициями пришельцы растворились, не сумев сохранить свою погребальную обрядность. Но при этом именно они дали толчок формированию новых традиций, основа которых прослеживается в материальной культуре памятников последующего времени.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	– Археологические открытия
АЭБ	– Археология и этнография Башкирии
АЭМК	– Археологическая экспедиция Марийского края
БФАН СССР	– Башкирский филиал Академии наук
БНЦ УрО РАН	– Башкирский научный центр Уральского отделения Российской Академии наук
ВАУ	– Вопросы археологии Урала
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МАР	– Материалы и исследования по археологии России
МНИИЯЛИЭ	– Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
ПГОКМ	– Пензенский государственный объединенный краеведческий музей
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
ТМАЭ	– Труды Марийской археологической экспедиции
УИИЯЛ УрО РАН	– Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук
УНЦ РАН	– Уфимский научный центр Российской Академии наук
ЮУрГУ	– Южно-Уральский государственный университет

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова 1969 – *Абрамова М.П.* О керамике с зооморфными ручками // СА. – 1969. № 2. – С. 69-84.
- Абрамова 1974 – *Абрамова М.П.* Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры (по материалам Северной Осетии и Кабардино-Балкарии) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М.: ГИМ, 1974. – С. 3–31, 115–126.
- Абрамова 1983 – *Абрамова М.П.* Предварительные итоги исследования Подкумского могильника близ г. Кисловодска // История и культура сарматов: межвузовский научный сборник. – Саратов: Изд-во Саратовского ГУ, 1983. – С. 60–69.
- Агеев 1992 – *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. – Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. – 140 с.
- Агеев 1993 – *Агеев Б.Б.* Хронология и периодизация пьяноборской культуры // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа: УНЦ РАН, 1993. – С. 62–70.
- Агеев, Мажитов 1986 – *Агеев Б.Б., Мажитов Н.А.* III Кушулевский могильник пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях Белой: сборник научных статей. – Уфа: БФАН СССР, 1986. – С. 75–94.
- Алексеева 1975 – *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. – 1975. – Вып. Г1–12. – 122 с.
- Алексеева 1978 – *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. – 1978. – Вып. Г1–12. – 120 с.
- Алексеева 1982 – *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. – 1982. – Вып. Г1–12. – 105 с.
- Алёхин 1926 – *Алёхин В.В.* Главнейшие результаты геоботанических исследований юго-востока Нижегородской губернии в 1925 году // Производительные силы в Нижегородской губернии. Вып. 3. – Нижний Новгород, 1926.
- Амброз 1966 – *Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.) // САИ. – 1966. – Вып. Д1–30. – 112 с.
- Амброз 1989 – *Амброз А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа. – М.: Наука, 1989. – 134 с., илл.

- Арматынская 1988 – *Арматынская О.В.* Новые исследования Икского могильника в устье р. Ик // Новые археологические памятники Камско–Вятского междуречья: межвузовский сборник научных статей. – Ижевск: Удмуртский ГУ, 1988. – С. 31–42.
- Артеменко 1987 – *Артеменко И.И.* Бондарихинская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т. – М.: Наука, 1987. – С. 116–119.
- Археология Венгрии 1986 – *Археология Венгрии.* Конец II тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э. – М.: Наука, 1986. – 351 с.
- Архипов 1995 – *Архипов Г.А.* Марийский край в памятниках археологии. – Йошкар-Ола, 1976. – 167 с.
- Архипов, Шадрин 1995 – *Архипов Г.А., Шадрин А.И.* Исследование раннесредневековых курганов у с. Климкино // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья / АЭМК. – Йошкар-Ола, 1995. Вып. 24. – С. 110–129.
- Афанасьев 1993 – *Афанасьев Г.Е.* Донские аланы: Социальные структуры алаано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. – М.: Наука, 1993. – 184 с.
- Ашихмина 1987 – *Ашихмина Л.И.* Клад с Буйского городища // Новые археологические исследования на территории Урала: межвузовский сборник научных трудов. – Ижевск: Удмуртский ГУ, 1987. – С. 103–120.
- Ахмедов 2003 – *Ахмедов И.Р.* Комплекс предметов с городища Долматово Старожиловского района Рязанской области // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. – Рязань: Изд-во «Поверенный», 2003. – С. 128–138.
- Ахмедов, Белоцерковская 1999 – *Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В.* Хронология Кошибеевского могильника // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тезисы докладов конференции. – М., 1999. – С. 56–58.
- Бадер 1950 – *Бадер О.Н.* Древние городища на Верхней Волге // МИА. – 1950. – № 13. – С. 90–132.
- Башенькин 1994 – *Башенькин А.Н.* Восточнофинские компоненты культуры веси в I – начале II тыс. н.э. // Историко–археологическое изучение

- Поволжья: межвузовский сборник. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. – С. 28–33.
- Безуглов 1988 – *Безуглов С.И.* Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. – 1988. – № 4. – С. 103–115.
- Беспалый, Головкова, Ларенок 1989 – *Беспалый Е.И., Головкова Н.Н., Ларенок П.А.* Поминальные памятники IV в. до н.э. – III в. н.э. Доно-Кагальницкого водораздела // СА. – 1989. – № 3. – С. 154–162.
- Беспалый 1992 – *Беспалый Е.И.* Курган сарматского времени у г. Азова // СА. – 1992. – № 1. – С. 175–191.
- Бидзиля, Щукин 1993 – *Бидзиля В.И., Щукин М.Б.* Памятники латенской культуры на территории Закарпатья и к востоку от Карпат // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. первой половине I тысячелетия н.э. / Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т. – М.: Наука, 1993. – С. 67–84.
- Бичурин 1950 – *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.–Л., 1950. – Т. III.
- Богораз-Тан 1923 – *Богораз-Тан В.Г.* Переселение народов в социологической перспективе // А. Геддон. Переселение народов. – Петроград–М., 1923.
- Бромлей 1983 – *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука. 1983. – 412 с.
- Васюткин, Калинин 1986 – *Васюткин С.М., Калинин В.К.* Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. – Уфа: БФАН СССР, 1986. – С. 95–122.
- Вихляев 1999 – *Вихляев В.И.* Андреевская культура и ее роль в этнической истории Западного Поволжья // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию П.Д. Степанова. – Саранск: Ист.-социол. ин-т МГУ им. Н.П. Огарева, 1999. – С. 17–30.
- Вихляев 2000 – *Вихляев В.И.* Происхождение древнемордовской культуры. – Саранск: Ист.-социол. ин-т МГУ им. Н.П. Огарева, 2000. – 132 с.
- Воронина 1988 – *Воронина Р.Ф.* Мордовская височная привеска с грузиком и спиралью // СА. – 1988. – № 4. – С. 237–241.
- Генинг 1970 – *Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. – Ижевск, 1970. – Вып. 10. – 260 с.

- Генинг 1988 – *Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э.). – М.: Наука, 1988. – 240 с.
- Геродот 1972 – *Геродот.* История в девяти книгах. Перевод и примечания Г.А. Страта-новского. Ленинград: «Наука». 1972. 600 с.
- Голдина 1999 – *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 1999. – 464 с.
- Голдина 2003 – *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I // Материалы и исследования Камско–Вятской археологической экспедиции. – Ижевск, 2003. Т. 10. – 319 с.
- Голдина 2004 – *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск, 2004. Т. 11. – 724 с.
- Голдина, Водолаго 1990 – *Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990. – 176 с., илл.
- Гришаков 1990 – *Гришаков В.В.* Конские погребения VIII – первой половины X вв. Чулковского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно–угров Поволжья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1990. – С. 127–146.
- Гришаков 1993 – *Гришаков В.В.* Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. – 196 с.
- Гришаков 1999 – *Гришаков В.В.* Некоторые аспекты датирования Андреевского кургана в Нижнем Посурье (на примере бус) // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию П.Д. Степанова. – Саранск: Ист.-социол. ин-т МГУ им. Н.П. Огарева, 1999. – С. 30–36.
- Гришаков 2000 – *Гришаков В.В.* Староардатовский I курган и его место в системе памятников андреевско–писеральского горизонта // Древности Окско-Сурского междуречья. – Саранск, 2000. – Вып. 2. – С. 44–54.
- Гришаков 2002 – *Гришаков В.В.* Наконечники стрел Андреевского кургана в контексте проблемы формирования памятника // Поволжье и сопредельные территории в средние века: сб. научных трудов. Труды ГИМ. – М., 2002. – Вып. 135. – С. 63–71.

- Гришаков 2003а – *Гришаков В.В.* Необходимые замечания к количеству и составу погребенных в Андреевском кургане // Проблемы истории, этнологии и права: Материалы «Евсевьевских чтений 2002–2003 гг.». Саранск: Морд. гос. пед. ин-т., 2003(а). – С. 3–9.
- Гришаков 2003б – *Гришаков В.В.* Миндалевидная застежка из Андреевского кургана // Проблемы истории, этнологии и права: Материалы «Евсевьевских чтений 2002–2003 гг.». Саранск: Морд. гос. пед. ин-т., 2003(б). – С. 9–11.
- Гришаков 2004 – *Гришаков В.В.* Наконечники копий Андреевского кургана // Записки краеведов. – Пенза, 2004. – Вып. 2. Ч. 1. – С. 29–37.
- Гришаков 2005а – *Гришаков В.В.* Население верховьев Мокши и Суры накануне средневековья. – Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2005. – 95 с.
- Гришаков 2005б – *Гришаков В.В.* Предметы конского снаряжения из Андреевского кургана // Актуальные проблемы социально-экономического, историко-культурного и правового развития народов Поволжья: Межвуз. сб. науч. тр. – Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2005. – С. 102–108.
- Гришаков, Зубов 2009 – *Гришаков В.В., Зубов С.Э.* Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 173 с., ил.
- Грязнов 1956 – *Грязнов М.П.* История древних племен верхней Оби // МИА. – 1956. – № 48. – 228 с.
- Гугуев, Беуглов 1990 – *Гугуев В.К., Безуглов С.И.* Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобякова городища на Дону // СА. – 1990. – № 2. – С. 164–175.
- Гумилев 1983 – Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. – М.: Экопрос, 1993. – 576 с.
- Гумилев 1993 – *Гумилев Л.Н.* Хунну. – СПб.: «Тайм-аут» – «Компас», 1993. – 224 с.
- Дашевская 1991 – *Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму // САИ. – 1991. – Вып. Д1–7. – 142 с.
- Дубынин 1970 – *Дубынин А.Ф.* Троицкое городище // МИА. – 1970. – № 156. – С. 5–98.
- Дубынин 1974 – *Дубынин А.Ф.* Щербинское городище // Дьяковская культура. – М.: Наука, 1974. – С. 217–281.

- Заверняев 1969 – *Заверняев Ф.М.* Почепское селище // МИА. – 1969. – № 160. – С. 88–118.
- Засецкая 1968 – *Засецкая И.П.* О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья // СА. – 1968. – № 2.
- Засецкая 1979 – *Засецкая И.П.* Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // Труды ГЭ. – Л.: «Искусство», Ленинградское отделение, 1979. – Вып. XX. – С. 87–113.
- Зеленеев 1988 – *Зеленеев Ю.А.* Грунтовые могильники волжских финнов и некоторые проблемы этнической истории // Этногенез и этническая история марийцев. АЭМК. – Йошкар-Ола, 1988. – Вып.14. – С.79–86.
- Зубов 1999 – *Зубов С.Э.* К проблеме этнокультурной интерпретации памятников андреевско–писеральского типа // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию П.Д. Степанова. – Саранск: Ист.-социол. ин-т МГУ им. Н.П. Огарева, 1999. – С. 44–51.
- Зубов 2000 – *Зубов С.Э.* Реконструкция женского костюма по материалам Кипчаковского могильника // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма): Тезисы докладов III Международной археологической конференции (14–18 марта 2000 г.) – Самара, 2000. – С. 44–51.
- Зубов 2003 – *Зубов С.Э.* Подвески–обереги в форме скифского лука в раннем железном веке Евразии // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья. Проблемы хронологии и этнической истории: Тезисы докладов II межрегиональной научной конференции. – Саранск. 2003. – С.11–16
- Зубов 2004 а – *Зубов С.Э.* Проблемы этнической дивергенции пьяноборского этноса // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. – Самара: «Самарский университет», 2004. – С. 267–279.
- Зубов 2004 б – *Зубов С.Э.* Проблема малых миграций в раннем железном веке и раннем средневековье Волго-Камья и Западного Поволжья // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы третьих Халиковских чтений (27–30 мая 2004 г.): Тезисы докладов. – Казань–Болгар, 2004. – С. 78–82.
- Зубов 2004 в – *Зубов С.Э.* География и хронология подвесок в виде скифского лука // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная

Нижневолжская археологическая конференция, г. Волгоград (1-5 ноября 2004 г.): Тезисы докладов. – Волгоград. 2004. – С.177–182.

Зубов, Михеев 2006 – *Зубов С.Э., Михеев А.В.* Этнокультурные процессы в Западном Поволжье на рубеже раннего железного века и раннего средневековья (проблемы хронологии и этнической атрибуции памятников писеральско-андреевского типа) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию А.Х. Пшеничного. – Уфа: «Гилем», 2006. – С. 204–225.

Зубов 2007 а – *Зубов С.Э.* Ранние палаши Волго-Уралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск: ЮУрГУ, 2007. – С. 124–133.

Зубов 2007 б – *Зубов С.Э.* Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова (1990–1966). Материалы Международной конференции (20–22 апреля 2007 г.) – Уфа: «Китап». 2007. – С. 239–246.

Зубов 2007 в – *Зубов С.Э.* Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // Уфимский археологический вестник. Вып. 8. – Уфа. 2007. – С. 72–88.

Зубов 2009 а – *Зубов С.Э.* Пьяноборская культура // История башкирского народа. Т. I. Москва: «Наука». – 2009. – С.255-267.

Зубов 2009 б – *Зубов С.Э.* О пьяноборском компоненте в памятниках писеральско-андреевского типа Западного Поволжья // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева / Под редакцией А.Б. Юнусовой. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат. – 2009. – С.100-104.

Зубов 2011 – *Зубов С.Э.* Отчет о проведении научно-исследовательской работы – историко-культурной экспертизы территории выявленного объекта археологического наследия – Пильнинского могильника, расположенного в Пильнинском районе Нижегородской области. Самара: САГМУ. – 2011.

Зубов, Лифанов, Радюш 2011 – *Зубов С.Э., Лифанов Н.А., Радюш О.А.*, Новые

памятники писеральско-андреевского типа I–III вв. н.э. на территории Нижегородской области (предварительное сообщение). Вояджер. №1. – Самара: САГМУ. – 2011. (в печати).

Иванов 1984 – *Иванов В.А.* Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э.– первая половина I тыс. н.э.). – М.: «Наука», 1984. – 88 с.

Казанцева 2009 – *Казанцева О.А.* Археологические памятники Бардымского района // Бардымский район: от прошлого к настоящему / Колл. авт. – СПб.: изд-во Маматов. 2009. – 480 с.; ил.

Ковалевская 1979 – *Ковалевская В.Б.* Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // САИ. – 1979. – Вып. Е1–2.

Кожомбердиев, Худяков 1987 – *Кожомбердиев Н.К., Худяков Ю.С.* Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск, 1987. – С. 75–106.

Козак 1985 – *Козак Д.Н.* Поселение пшеворской культуры в с. Подберезцы Львовской области // СА. – 1985. – № 1. – С. 75–89.

Козак 1993 – *Козак Д.Н.* Пшеворская культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т. – М.: Наука, 1993. – С. 53–66.

Корякова 1988 – *Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. – 241 с.

Корякова, Морозов, Суханова 1987 – *Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю.* Поселение Ипкуль XV – памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Среднем Притоболье // ВАУ. – Екатеринбург, 1987. – № 19.

Котов 2006 – *Котов В.Г.* Проблема этнокультурной преемственности населения Южного Урала от верхнего палеолита до современности // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы III научно-практической конференции. – Челябинск, 2006.

Краснов 1980 – *Краснов Ю.А.* Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). – М.: Наука, 1980. – 224 с.

- Крис 1970 – *Крис Х.И.* Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища // МИА. – 1970. – № 156. – С. 145–169.
- Кропоткин 1969 – *Кропоткин В.В.* Римские импорты из Андреевского кургана в Мордовской АССР // КСИА. – 1969. – № 119. – С. 32–36.
- Кропоткин 1970 – *Кропоткин В.В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.) // САИ. – 1970. – Вып. Д1–27. – 280 с.
- Левенок, Миронов 1976 – *Левенок В.П., Миронов В.Г.* К вопросу о новом районе городищной культуры на Дону // СА. – 1976. № 2. – С. 15–32.
- Ледяйкин 1976 – *Ледяйкин В.И.* Пургасовское городище // Труды МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1976. – Вып.52. – С. 107–126.
- Лещинская 1994 – *Лещинская Н.А.* Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы: Межвуз. сб. науч. тр. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1994. – С. 88–128.
- Максимов, Русанова 1993 – *Максимов Е.В., Русанова И.П.* Зарубинецкая культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. – Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т. – М.: Наука, 1993. – С. 20–39.
- Максимов, Терпиловский 1993 – *Максимов Е.В., Терпиловский Р.В.* Киевская культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. – Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т. – М.: Наука, 1993. – С. 106–122.
- Матвеева 1986 – *Матвеева Г.И.* Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев: КГУ, 1986. – С. 158–171.
- Матвеева 2003 – *Матвеева Г.И.* К вопросу об основных компонентах формирования культуры Андреевского кургана // Археология восточноевропейской лесостепи: Сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию А.Е. Алиховой. – Пенза: Пензенский ГПУ, 2003. – С. 286–293.
- Матвеева 1994 – *Матвеева Н.П.* Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. – 152 с.
- Матюхин 1992 – *Матюхин А.Д.* Сарматские памятники I – IV вв. Саратовского Правобережья (краткий обзор материала) // Археология Восточно-

- европейской степи. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 5. – Саратов, 1992. – С. 144–158.
- Медведев 1990 – *Медведев А.П.* Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). – Воронеж: Воронежский ГУ, 1990. – 220 с.
- Медведев 1966 – *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) XIII–XIV вв. – М., 1966
- Мильков 1953 – *Мильков Ф.Н.* Среднее Поволжье (Физико-географическое описание). – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 262 с.
- Михеев 2004 – *Михеев А.В.* Отчет о работах, проведенных на Климкинском курганном могильнике (Горномарийский район Республики Марий Эл). Йошкар-Ола. // Архив ИА РАН, Р-1. НРФ МарНИИ, Оп. 1, д. 1079. – 12 с. с прил.
- Михеев 2005 – *Михеев А.В.* Отчет о работах, проведенных на Климкинском курганном могильнике (Горномарийский район Республики Марий Эл). Йошкар-Ола. // Архив ИА РАН, Р-1. НРФ МарНИИ, Оп. 1, д. 1091. – 17 с. с прил.
- Могильников 1972 – *Могильников В.А.* Проблемы археологии и древней истории угров // К вопросу о саргатской культуре. – М.: Наука, 1972.
- Могильников 1992 – *Могильников В.А.* Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т. – М.: Наука, 1992. – С. 292–311.
- Мошкова, Генинг 1972 – *Мошкова М.Г., Генинг В.Ф.* Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. – М.: Наука, 1972. – С. 87–118.
- Мошкова 1989 – *Мошкова М.Г.* Среднесарматская культура. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т. – М.: Наука, 1989. – С. 177–202.
- Никаноров, Худяков 2004 – *Никаноров В.П., Худяков Ю.С.* «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004; М.: Филоматис, 2004. – 320 с. (Серия «Militaria Antiqua», VI).

- Обломский 1993 – *Обломский А.М.* Позднезарубинецкие памятники // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т. – М.: Наука, 1993. – С. 40–52.
- Оболдуева 1988 – *Оболдуева Т.Г.* Курганы на арыке Джун // СА. – 1988. – № 4. – С. 157–168.
- Овсянников, Савельев, Акбулатов, Васильев 2007 – *Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н.* Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. – Уфа: Гилем, 2007. – 166 с., ил.
- Останина 1997 – *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. – 327 с.
- Ошибкина 1979 – *Ошибкина С.В.* Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм–тюм // КСИА. – 1979. – Вып. 158. – С. 71–79.
- Петербургский 1992 – *Петербургский И.М.* Поселение у поселка Клюквенный // Древние поселения Примокшанья. Труды МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1992. – Вып. 104. – С. 10–31.
- Петренко 1980 – *Петренко А.Г.* Результаты определения костных останков лошадей из кургана у с. Андреевка Большеигнатовского района Мордовской АССР // Степанов П.Д. Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры). – Саранск: Мордов. кн. Изд-во, 1980. – С. 107.
- Петренко 1984 – *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
- Петрин 1992 – *Петрин В.Т.* Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. – Новосибирск: ВО «Наука», 1992.
- Полосьмак 1985 – *Полосьмак Н.В.* Культура населения Западной Барабы в скифо-сарматское время. Автореф. дис. канд. ист. наук. – Л., 1985.
- Полосьмак 1987 – *Полосьмак Н.В.* Бараба в раннем железном веке. – М.: Наука, 1987. – 144 с.
- Пшеничнюк 1968 – *Пшеничнюк А.Х.* Охлебининский могильник // АЭБ. Т. III. – Уфа: БФАН СССР, 1968. – С. 59–104.
- Пшеничнюк 1976 – *Пшеничнюк А.Х.* Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала. – Уфа, 1976. – С. 35–131.

- Пшеничнюк 1986 – *Пшеничнюк А.Х.* Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой: сборник научных статей. – Уфа: БФАН СССР, 1986. – С. 45–74.
- Пшеничнюк 1983 – *Пшеничнюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. – М.: Наука, 1983. – 200 с.
- Пшеничнюк 1993 – *Пшеничнюк А.Х.* Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа: УНЦ РАН, 1993. – С. 32–61.
- Раев 1979 – *Раев Б.А.* Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I–III вв. н.э. // Автореф. дис. канд. ист. наук. – Л., 1979.
- Русанова 1993 – *Русанова И.П.* Культура карпатских курганов // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т. – М.: Наука, 1993. – С. 171–181.
- Савельев 1998 – *Савельев Н.С.* Население Месягутовской лесостепи в V–III вв. до н.э. (культурно-хронологическая принадлежность памятников айского типа). – Уфа, 1998. – 123 с., илл.
- Сергацков, Захаров 2006 – *Сергацков И.В., Захаров П.Е.* Сарматское погребение на севере Волгоградской области // РА. – 2006. – № 1. – С. 117–123.
- Синюк 1996 – *Синюк А.Т.* Природно-географическая среда, этногенетические процессы и основы экономики в бронзовом веке Донской лесостепи // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. – Самара, 1996.
- Скрипкин 1977 – *Скрипкин А.С.* Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. – 1977. – № 2. – С. 100–120.
- Скрипкин 1990 – *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. – Саратов. 1990. – 299 с.
- Смирнов 1961 – *Смирнов А.П.* Железный век Чувашского Поволжья // МИА. – 1961. – № 95. – 171 с.
- Смирнов, Трубникова 1965 – *Смирнов А.П., Трубникова Н.В.* Городецкая культура // САИ. – 1965. – Вып. Д1–14. – 40 с.
- Смирнов 1970 – *Смирнов К.А.* Железные изделия Троицкого городища // МИА. – 1970. – № 156. – С. 170–178.

- Смирнов 1974 – *Смирнов К.А.* Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. – М.: Наука, 1974. – С. 7-89.
- Смирнов 1991 – *Смирнов К.А.* К вопросу о связях племен городецкой и дьяковской культур с населением степи и лесостепи // СА. – 1991. – № 4. – С. 53-61.
- Смирнов 1992 – *Смирнов К.А.* О времени Андреевского кургана // Вопросы этнической истории Волго-Донья: материалы научной конференции. – Пенза: ПГОКМ, 1992. – С. 3-6.
- Смирнов 1994 – *Смирнов К.А.* Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур // РА. – 1994. – № 4. – С. 85-97.
- Смирнов 1989 – *Смирнов К.Ф.* Савроматская и раннесарматская культуры // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т. – М.: Наука, 1989. – С. 165-177.
- Смирнов 1940 – *Смирнов П.А.* Флора и растительность Центрально-промышленного района // Материалы к познанию фауны и флоры СССР, изд. Моск. об-вом испыт. природы, новая серия, отд. ботанич. Вып. 1 (9). – М., 1940.
- Снежневский 1894 – *Снежневский В.И.* Отчет о раскопках могильника в Кожинной слободе близ г. Сергач // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. – Н. Новгород, 1894. – Вып. 12. – С. 10-15.
- Соловьев 1987 – *Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука. – 1987. – 193 с.
- Спицын 1901 – *Спицын А.А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. – 1901. – Т. 25. – Вып. 1. – 120 с.
- Старостин 2009 – *Старостин П.Н.* – Рождественский V могильник. – Казань: Институт истории АН РТ, – 144 с.
- Степанов 1964 – *Степанов П.Д.* Андреевский курган (предварительное сообщение) // Труды МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1964. – Вып. XXVII. – С. 206-267.
- Степанов 1965 – *Степанов П.Д.* Андреевский курган // Этногенез мордовского народа (Материалы научной сессии. 8–10 декабря 1964 года). – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1965. – С. 47-52.

- Степанов 1969 – *Степанов П.Д.* Южные связи Среднего Поволжья в I тыс. н.э. // Древности Восточной Европы. – М.: Наука, 1969. – С. 221-227.
- Степанов 1973 – *Степанов П.Д.* Военские трофеи в погребениях Андреевского кургана Мордовской АССР // КСИА. – 1973. – № 136. – С. 86-91.
- Степанов 1974 – *Степанов П.Д.* Археологическая работа в восточной части Мордовской АССР в 1967–1968 гг. // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. – Труды МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1974. – Вып. 45. – С. 76, 78-81.
- Степанов 1980 – *Степанов П.Д.* Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры). – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980. – 108 с.
- Тацит 1993 – *Тацит Корнелий.* О происхождении германцев и местоположении Германии (перевод А.С. Бобовича, ред. М.Е. Сергеев) // Анналы. Малые произведения. Т. 1. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1993. – 444 с.
- Титов 1982 – *Титов В.С.* К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М.: «Наука». 1982. С.89-145.
- Хазанов 1971 – *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. – М.: Наука, 1971. – 172 с.
- Халиков 1958 – *Халиков А.Х.* Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 год / НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 84. – Казань, Йошкар-Ола, 1958.
- Халиков 1962 – *Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. – ТМАЭ. – Йошкар-Ола, 1962. – Т. II. – С. 7-187.
- Халиков 1986 – *Халиков А.Х.* Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев: КГУ, 1986. – С. 73-90.
- Халиков 1987 – *Халиков А.Х.* Памятники писеральско–андреевского типа в Волжском правобережье и их этнокультурная интерпретация // Древности Волго-Вятского междуречья. АЭМК. – Йошкар-Ола, 1987. Вып. 12. – С. 8-24.
- Храпунов 1991 – *Храпунов И.Н.* Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981–1989 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь: Таврия, 1991. Вып. 2. – С. 3-34.

- Худяков 1086 а – *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986. – 269 с.
- Худяков 1086 б – *Худяков Ю.С.* Процесс перехода от бронзолитейной к железоделательной технологии в оружейном производстве в Западной и Южной Сибири // *Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков.* – Тюмень, 1986. – С. 26-41.
- Худяков 1990 – *Худяков Ю.С.* Оружие как показатель взаимодействия кочевых культур Центральной Азии в эпоху «Великого переселения народов» // *Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии.* – Новосибирск. 1990. – С.23-30.
- Цветаева 1984 – *Цветаева Г.А.* Одежда и украшения. Серьги // *Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т.* – М.: Наука, 1984. – С. 236-237.
- Чикишева 1992 – *Чикишева Т.А.* Антропологические остатки из Игнатьевской пещеры // *Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале.* – Новосибирск: ВО «Наука», 1992. – С. 197-198.
- Шепко 1987 – *Шепко Л.Г.* Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // *СА.* – 1987. – № 4. – С. 158-173.
- Шилов 1959 – *Шилов В.П.* Калиновский курганный могильник // *МИА.* – № 60. – 1959.
- Шилов 1972 – *Шилов В.П.* Бронзовая чаша Андреевского кургана // *СА.* – 1972. – № 2. – С. 192–194.
- Шилов 1975 а – *Шилов В.П.* Бронзовая патера из Астраханской области // *СА.* – 1974. – № 1. – С. 226-230.
- Шилов 1975 б – *Шилов В.П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. – Л.: Наука, 1975. – 208 с.
- Шитов 1977 – *Шитов В.Н.* Древнемордовские наконечники копий III – начала XI в. // *Материалы по истории, археологии и этнографии Мордовии.* – Труды МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1977. – Вып. 54. – С. 114-117.
- Шитов 1988 – *Шитов В.Н.* Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // *Вопросы этнической истории мордовского народа в I начале II тысячелетия н.э.* – Труды МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1988. – Вып. 93. – С. 4-43.

- Шитов 1995 – *Шитов В.Н.* Луговая Степь и памятники срубной культуры на территории Мордовии // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. АЭМК. – Йошкар-Ола, 1995. – Вып. 24. – С. 61-72.
- Шишло 1975 – *Шишло Б.П.* Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М., 1975.
- Щукин 1986 – *Щукин М.Б.* Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев, 1986. – С.26-38.
- Щукин 1994 – *Щукин М.Б.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I н.э. в Восточной и Центральной Европе. Спб.: «Фарн». 1994. – 324 с.
- Яценко 1984 – *Яценко И.В.* Зооморфная ручка с городища Чайка в окрестностях Евпатории // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984. – С. 256-259.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ILLUSTRATIONS

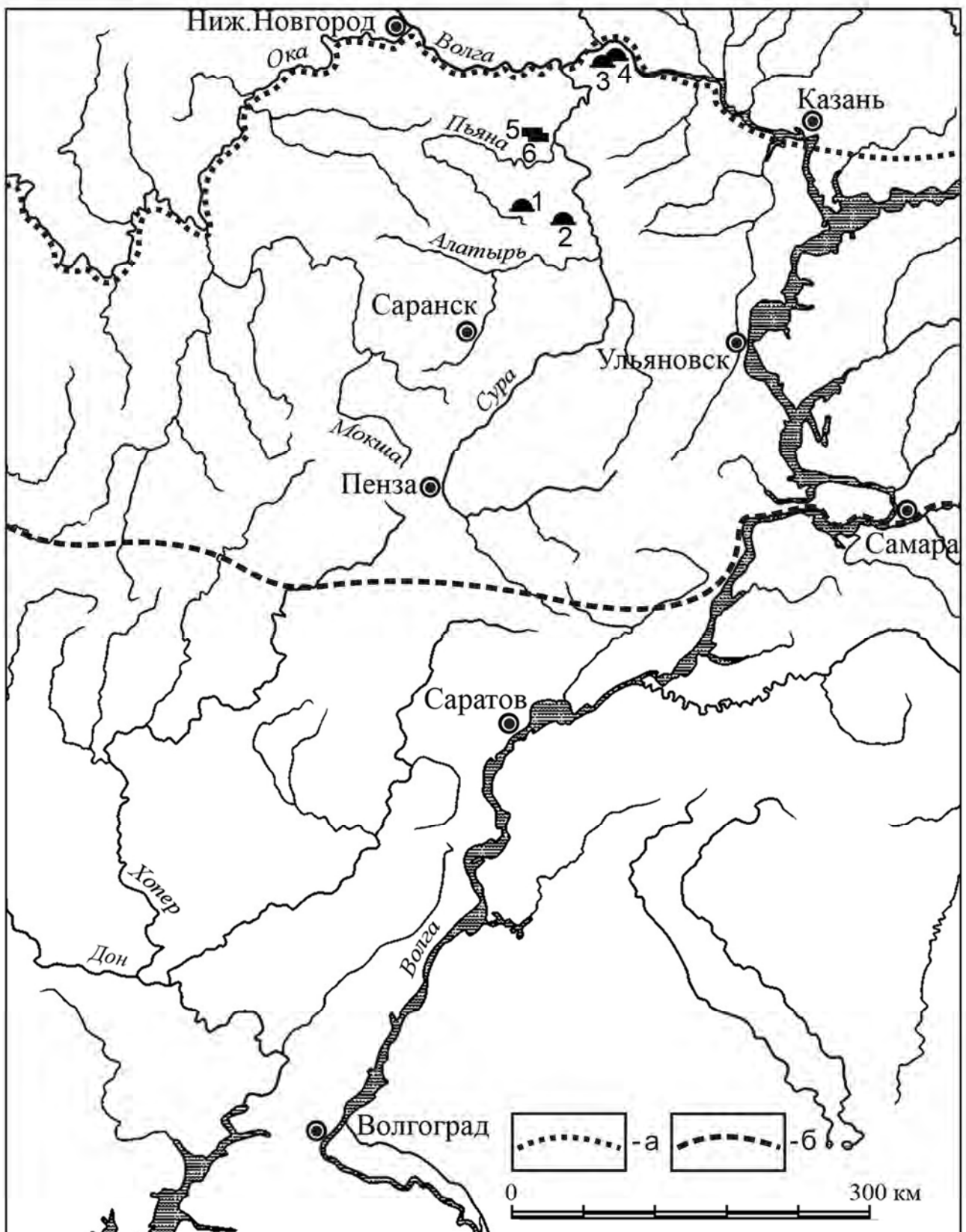

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников писеральско-андреевского типа.
 1 – Андреевский I курган; 2 – Староардатовский I курган;
 3 – Писеральский курганный могильник; 4 – Климкинский курганный
 могильник; 5 – Пильнинский I грунтовый могильник;
 6 – Пильнинский II грунтовый могильник.
 а – северная граница лесостепной зоны; б – южная граница лесостепной зоны

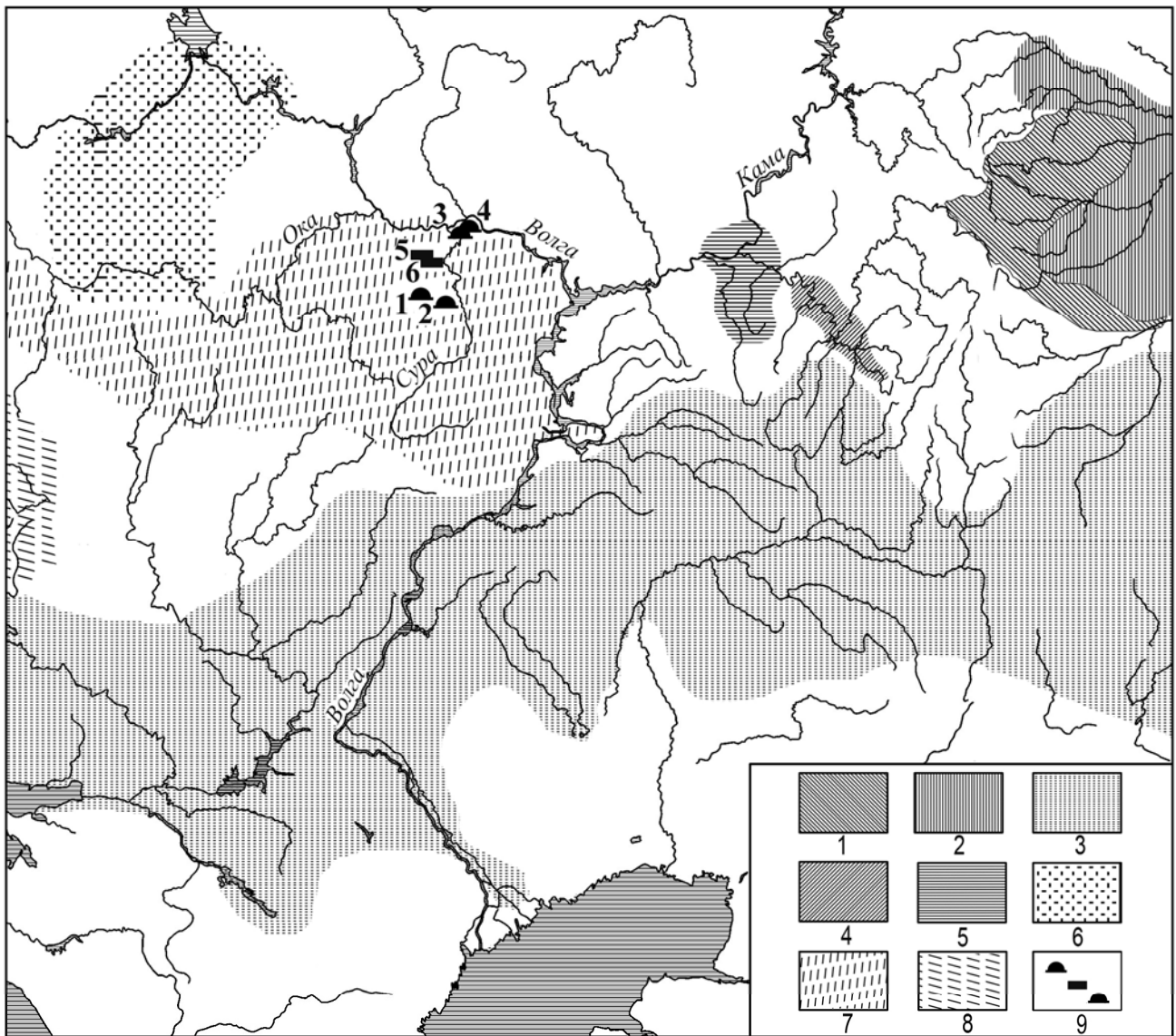

Рис. 2. Карта-схема археологической ситуации в Восточной Европе I-II вв. н.э. и локализация памятников писеральско-андреевского типа

1 – зона распространения памятников гороховской культуры (по Матвеевой Н.П.); 2 – зона распространения памятников саргатской культуры Тоболо-Ишимья (по Коряковой Л.Н., Матвеевой Н.П.); 3 – зона распространения сарматских памятников (по Мошковой М.Г.); 4 – зона распространения памятников кара-абызской культуры (по Пшеничнюку А.Х.); 5 – зона распространения памятников пьяноборской культуры (по Агееву Б.Б., Генингу В.Ф.); 6 – зона распространения памятников дяковской культуры (по Смирнову К.А.); 7 – зона распространения памятников городецкой культуры; 8 – зона распространения памятников зарубинецкой культуры (по Обломскому А.М.); 9 – местоположение памятников писеральско-андреевского типа.

1 – Андреевский I курган; 2 – Староардатовский I курган;
 3 – Писеральский курганный могильник; 4 – Климкинский курганный могильник; 5 – Пильнинский I грунтовый могильник;
 6 – Пильнинский II грунтовый могильник

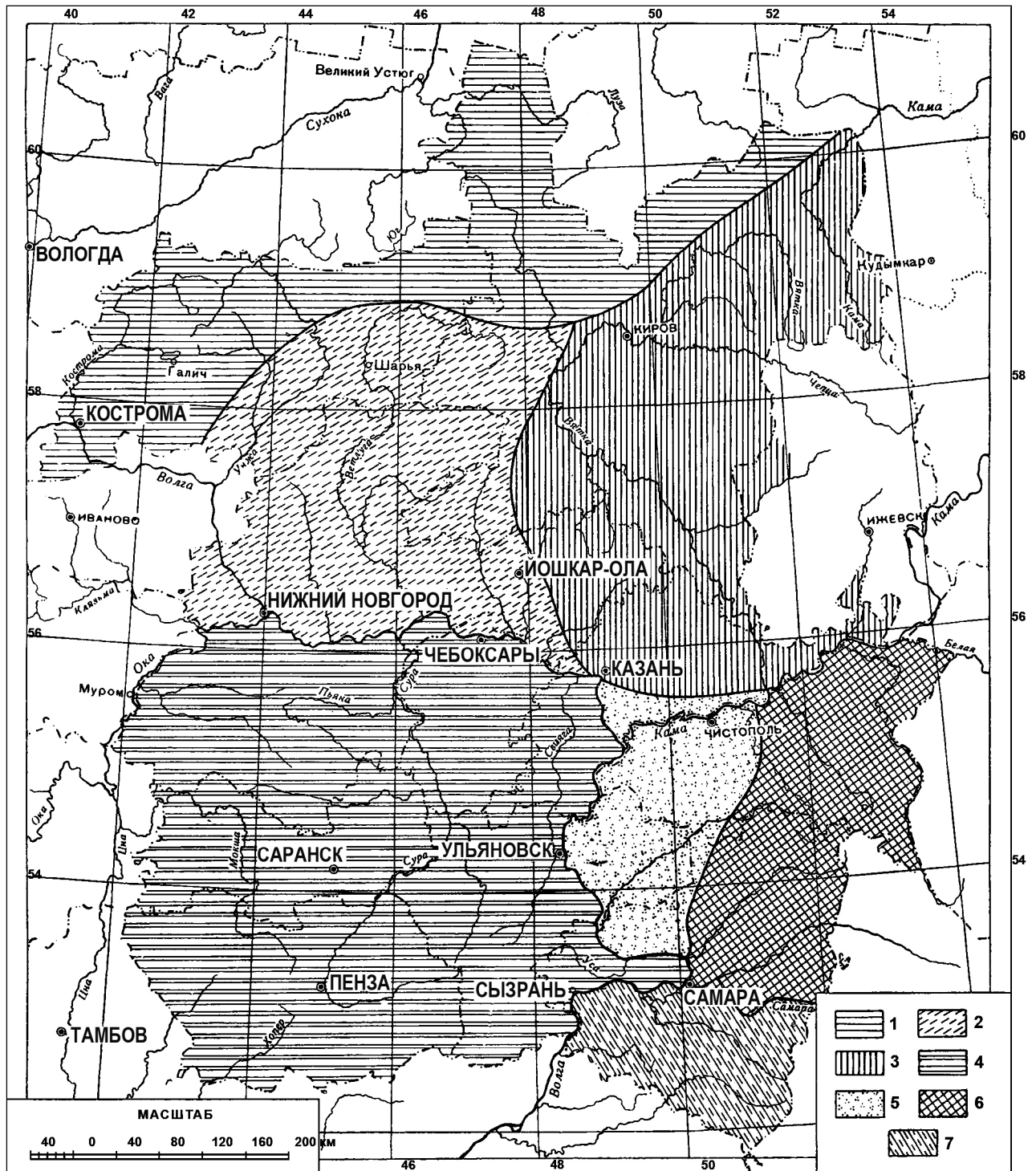

Рис. 3. Ландшафтные (физико-географические) провинции Среднего Поволжья.

Ландшафтная зона тайги: 1 – водораздельная провинция тайги Северных Увалов; 2 – провинция южной тайги Низменного Заволжья; 3 – провинция южной тайги Вятско-Камской возвышенности.

Лесостепная и степная ландшафтные зоны: 4 – лесостепная провинция Приволжской возвышенности; 5 – провинция типичной лесостепи Низменного Заволжья; 6 – лесостепная провинция Высокого Заволжья; 7 – южная лесостепная и степная провинция Низменного Заволжья

(по Милькову 1953, фиг. 33)

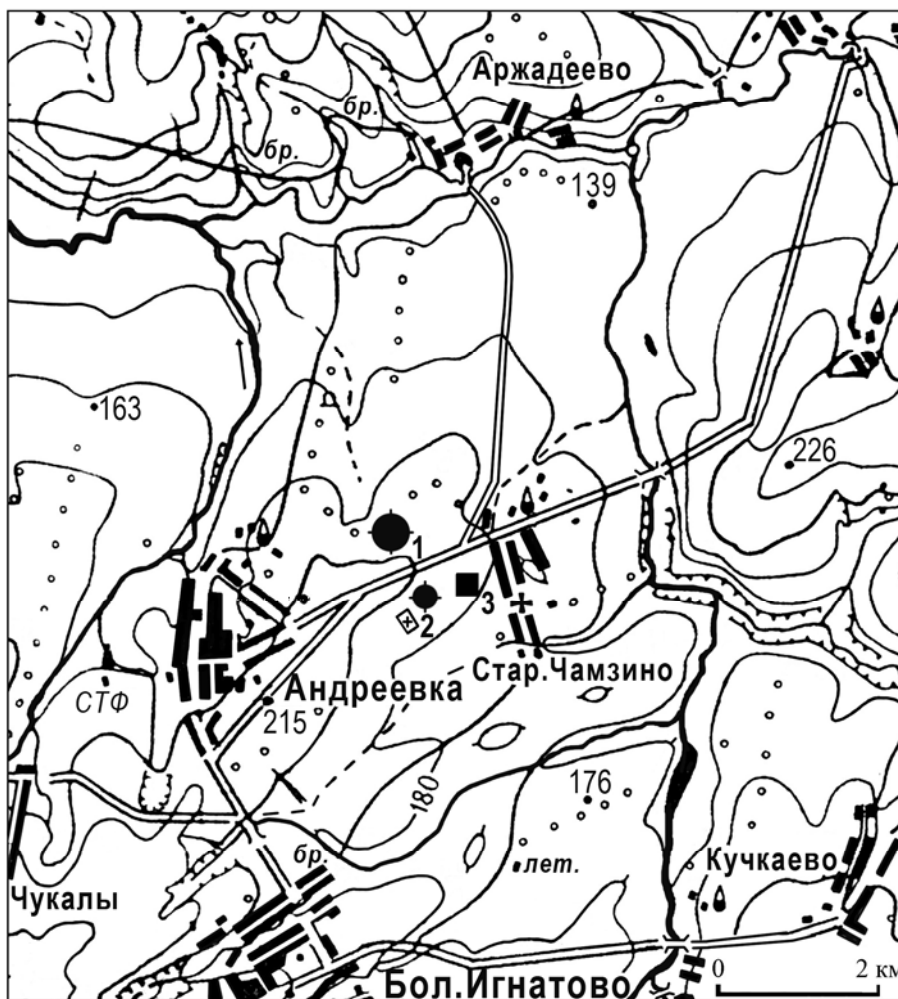

Рис. 4. План расположения курганный группы и селища у с. Андреевка.
(Большеигнатовский район, Республика Мордовия).
1 – курган № 1; 2 – курган № 2; 3 – селище

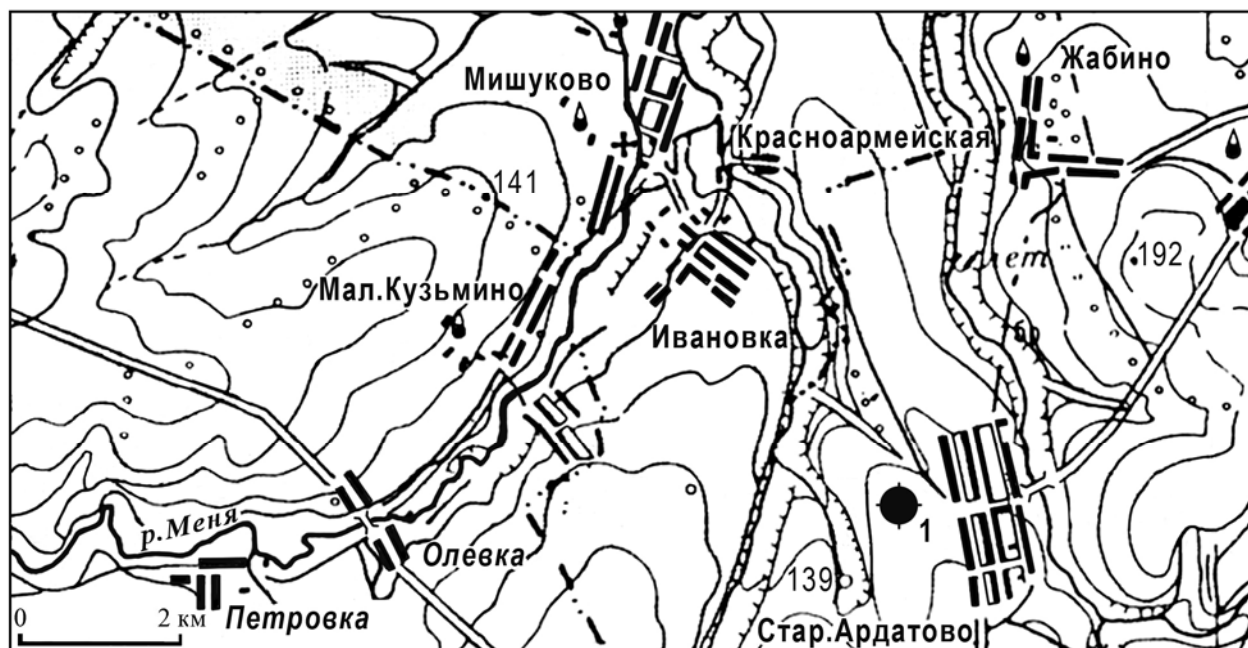
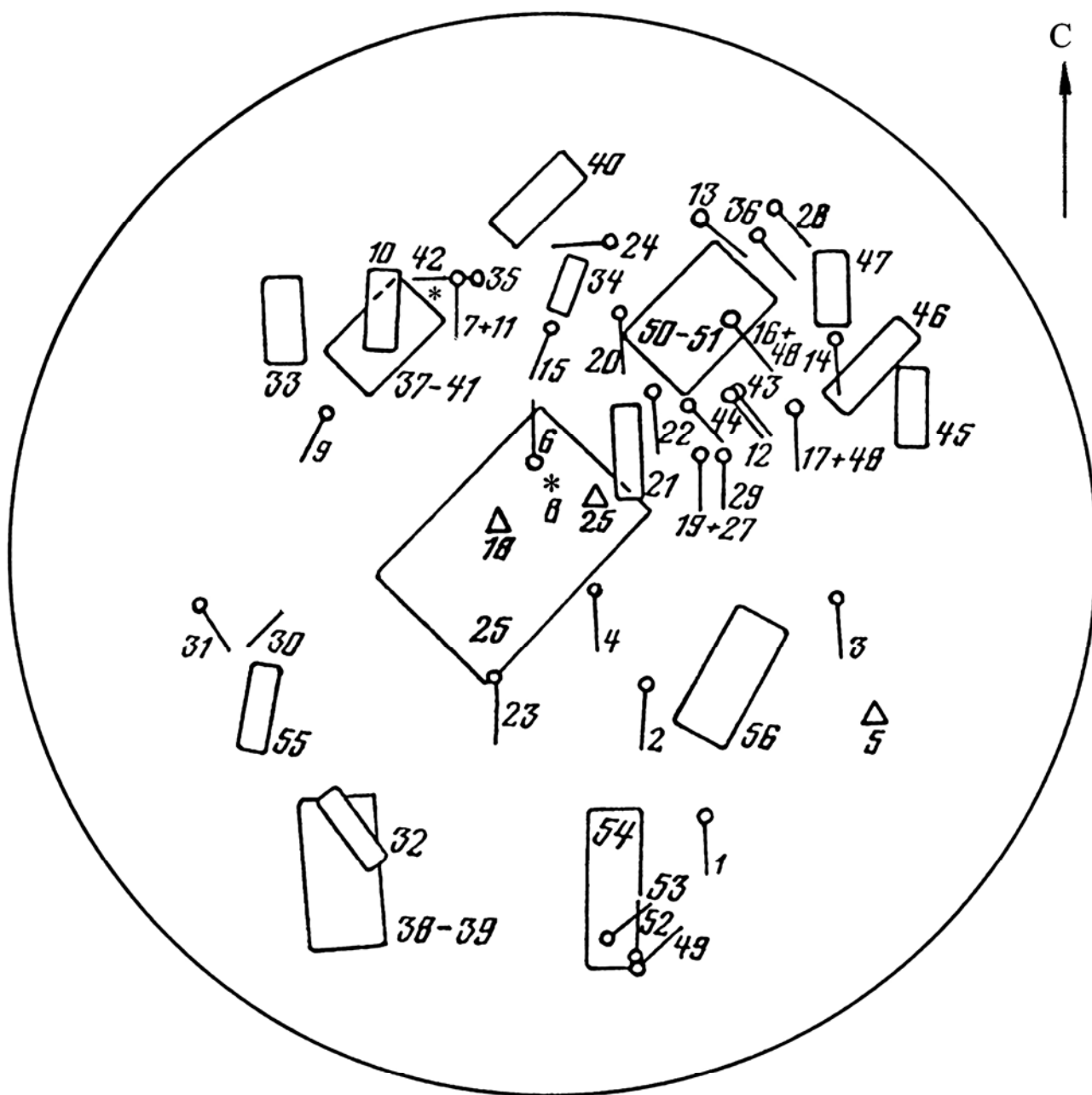
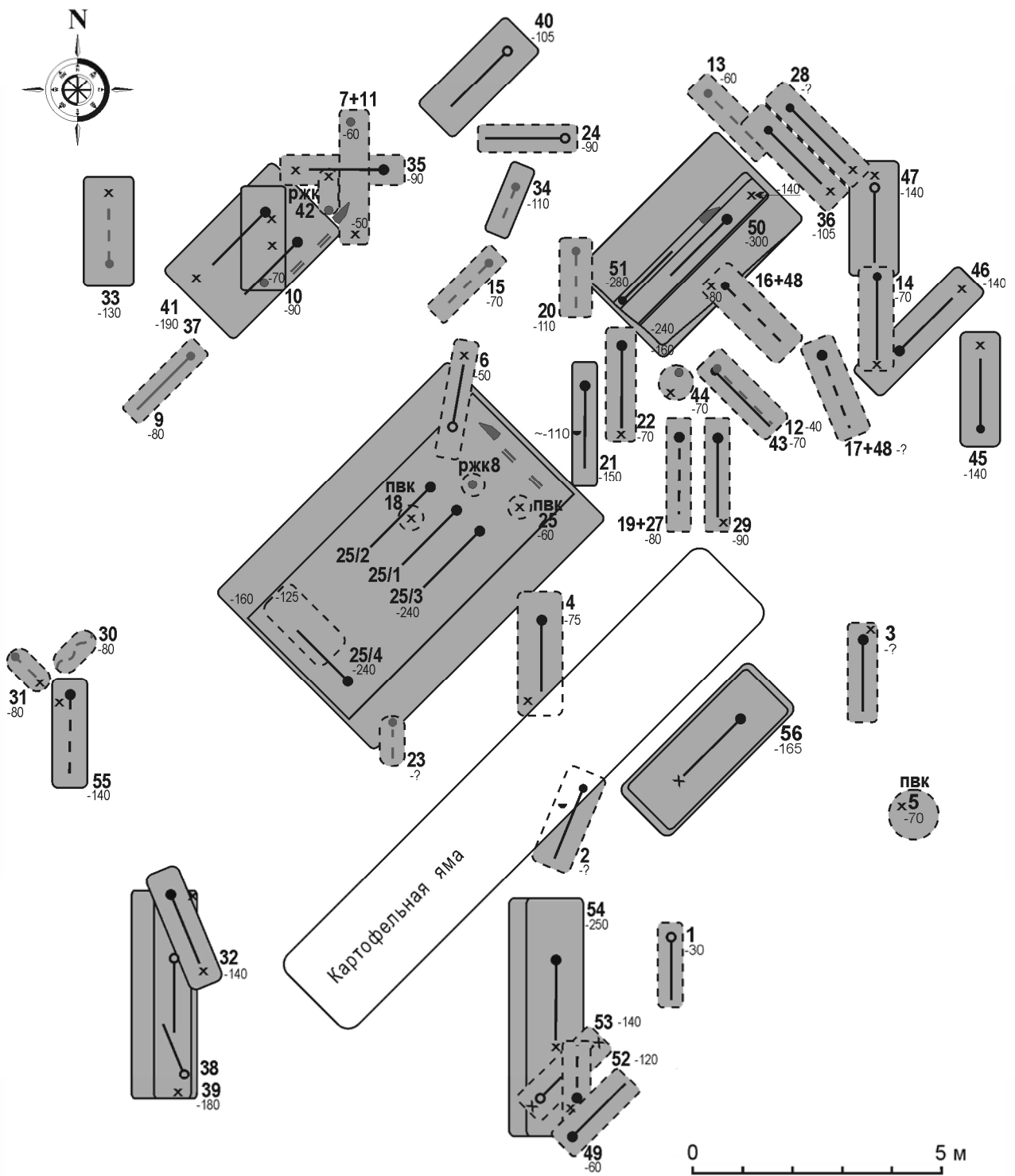

Рис. 5. План расположения кургана у с. Стар. Ардатово
(Ардатовский район, Республика Мордовия).
1 – курган № 1

- △ Погребально-вещевой комплекс
- * Ритуально-жертвенный комплекс
- Захоронение с не выявленными границами могилы, в курганной насыпи
- Захоронение с четкими границами могилы, в материковой глине

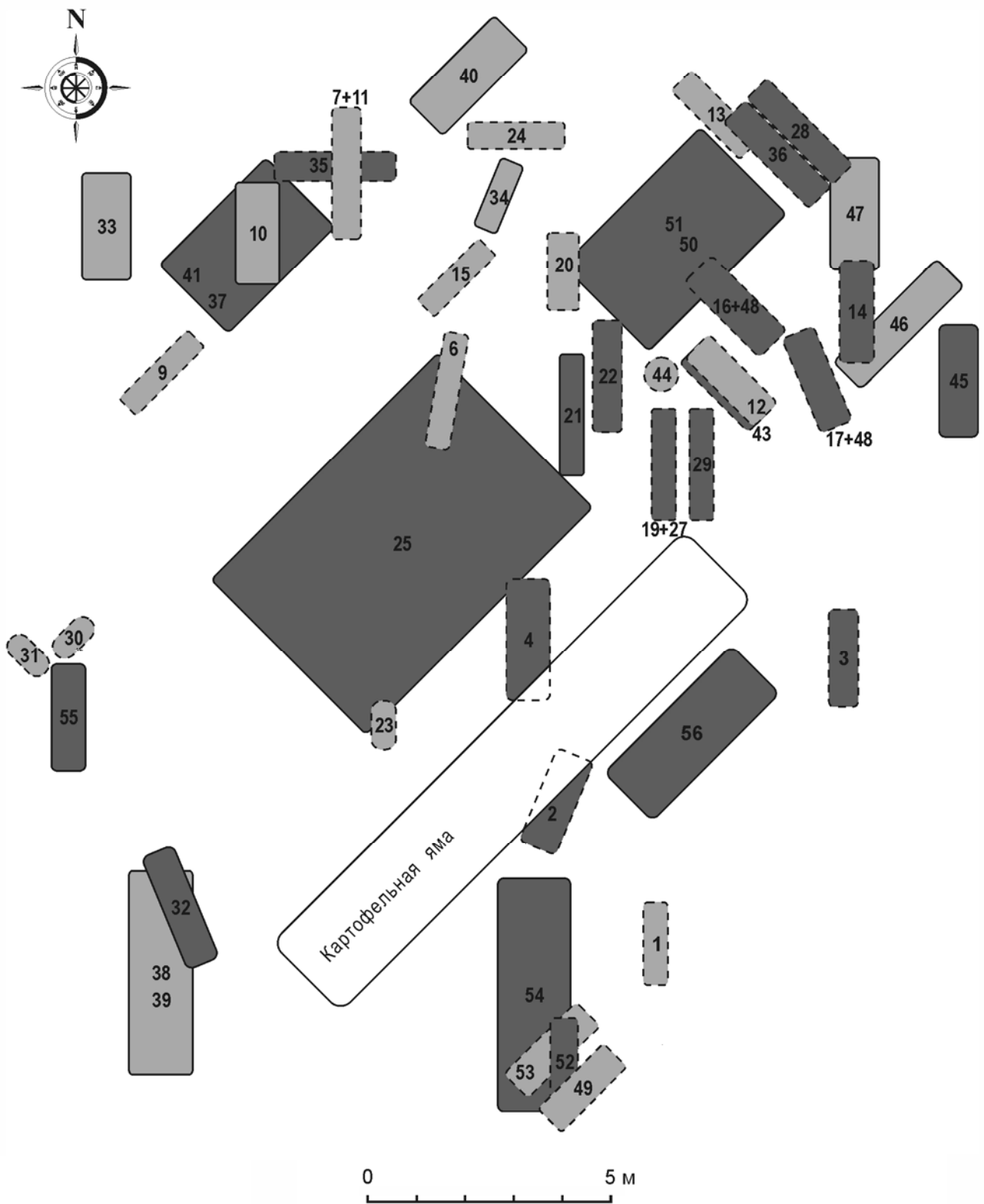
Рис. 6. Андреевский 1 курган. План-схема кургана.
(по Степанову 1980, рис. 2 с корректировкой Гришакова В.В. и Зубова С.Э.)

Условные обозначения

----- скелет не полный	● череп не определенный
● мужское	▼ металлическая посуда
○ женское	× керамическая посуда
● пол не определен	▲ = череп и конечности лошади
----- ориентировка не определена	пвк погребально-вещевой комплекс
▭ прослеженные контуры могилы	ржк ритуально-жертвенный комплекс
▭ контуры могилы не выявлены	-140 глубина от нулевой точки (верх кургана)

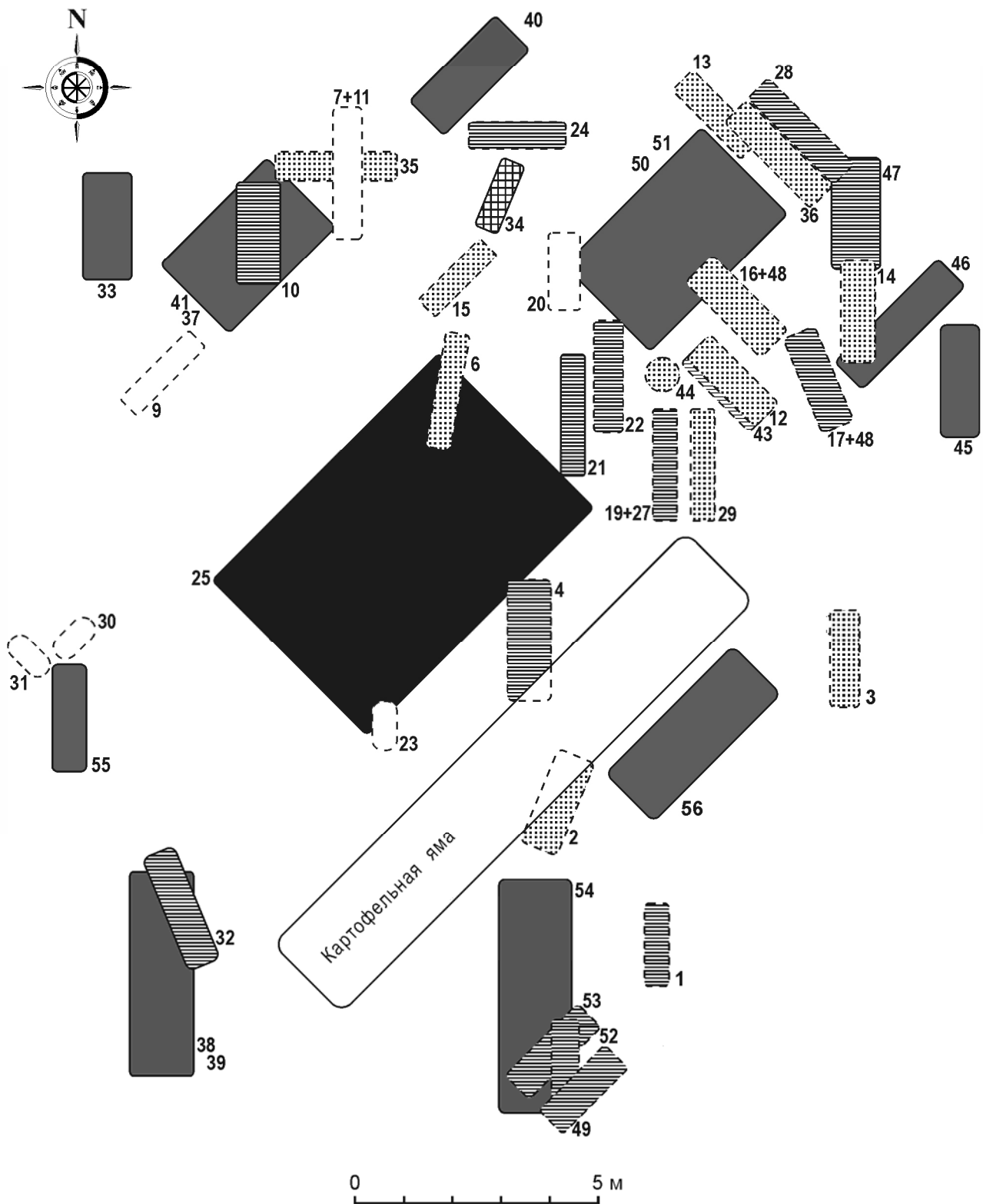
Рис. 7. Андреевский 1 курган. План-схема погребений с ориентировками захороненных и некоторыми элементами погребальной обрядности, погребально-вещевыми и ритуально-жертвенными комплексами

Условные обозначения

- воинские захоронения
- женские и неопределимые захоронения

Рис. 8. Андреевский 1 курган. Схема расположения воинских захоронений, женских и неопределимых

Условные обозначения

1-я группа	2-я группа	3-я группа	4-я группа	неопределимые

Рис. 9. Андреевский 1 курган. Схема расположения захоронений по культурно-хронологическим группам

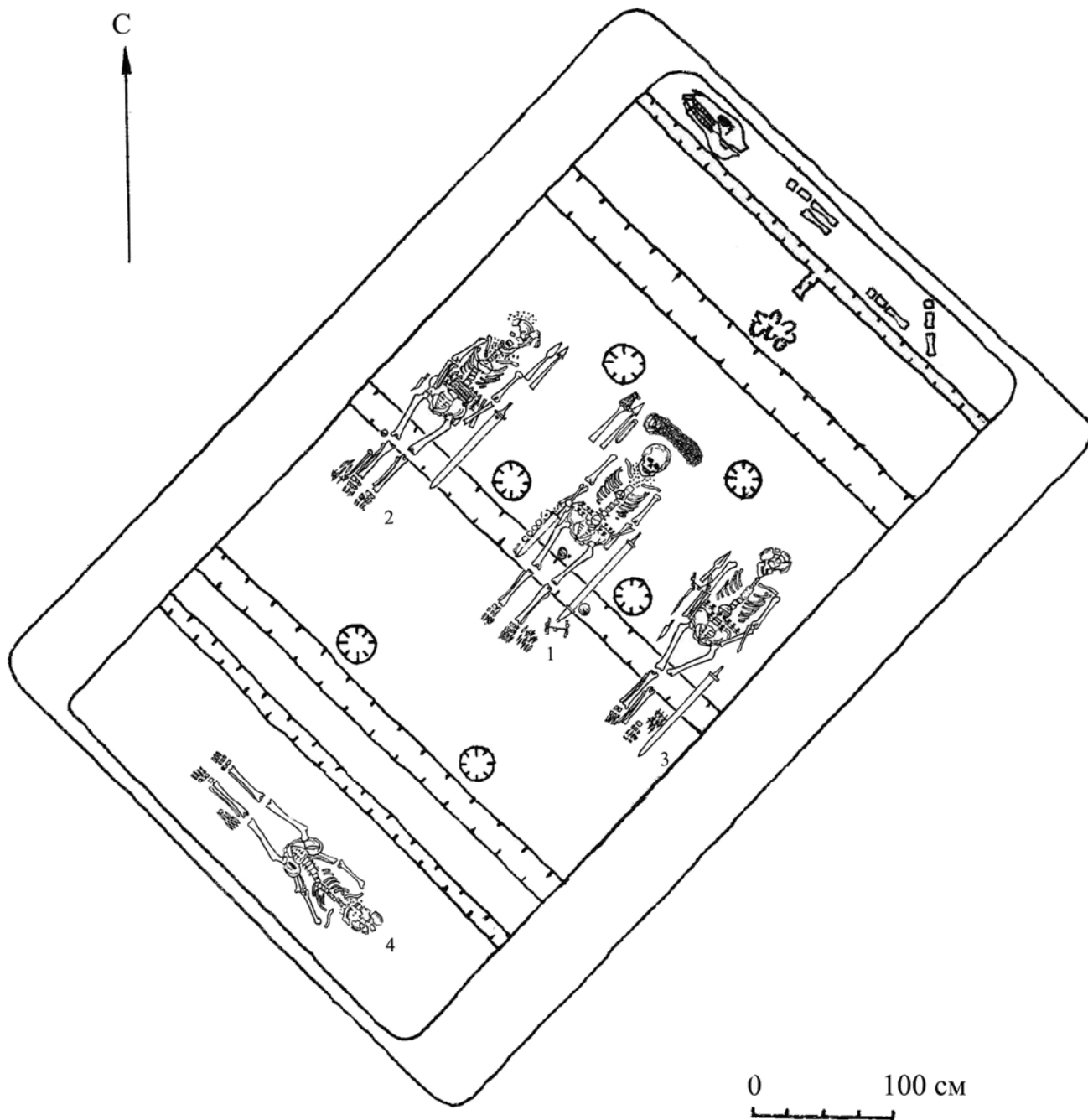

Рис. 10. Андреевский 1 курган.
План погребения 25 (костики 1-4)

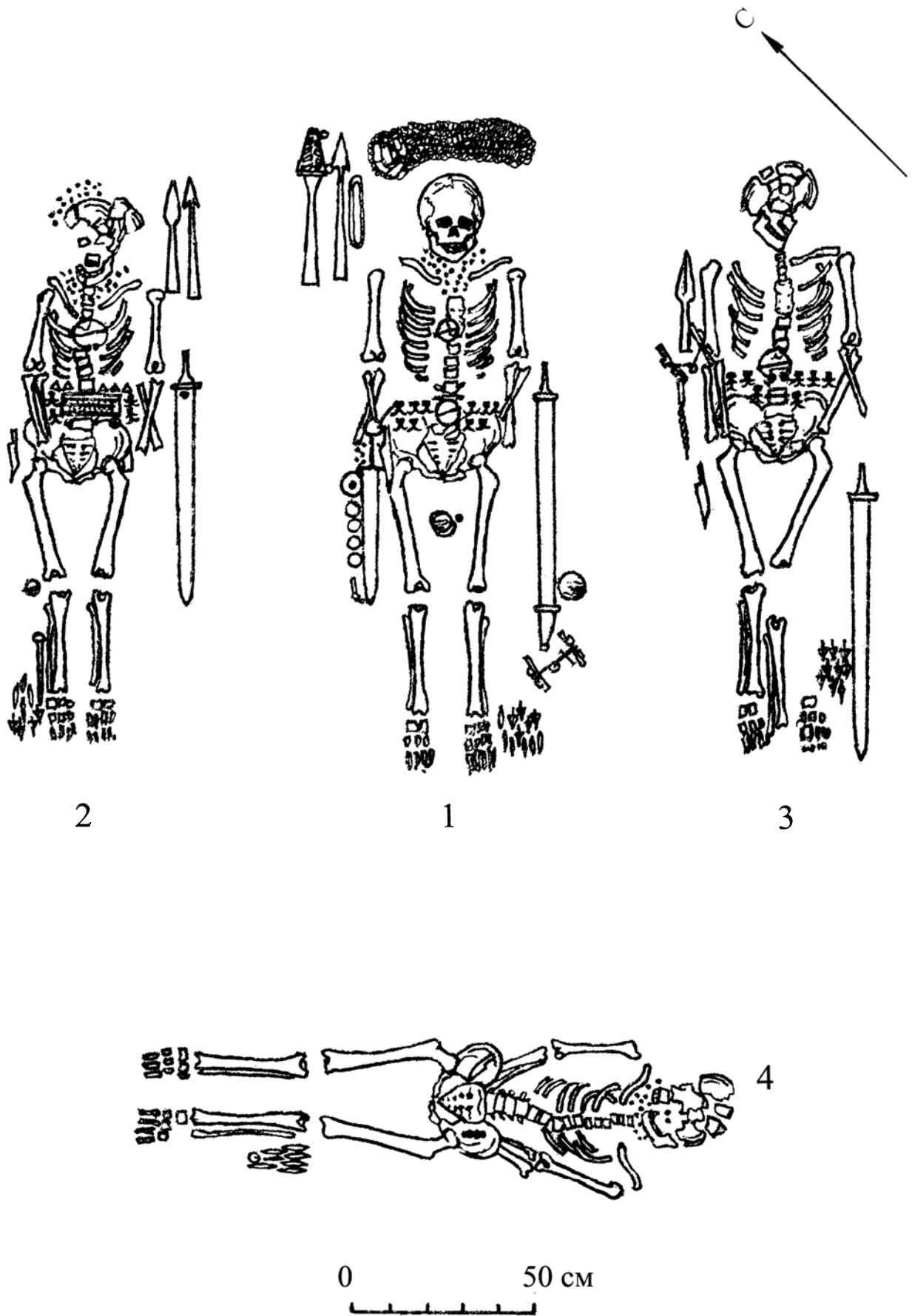

Рис. 11. Андреевский 1 курган.
План костяков 1-4 погребения 25

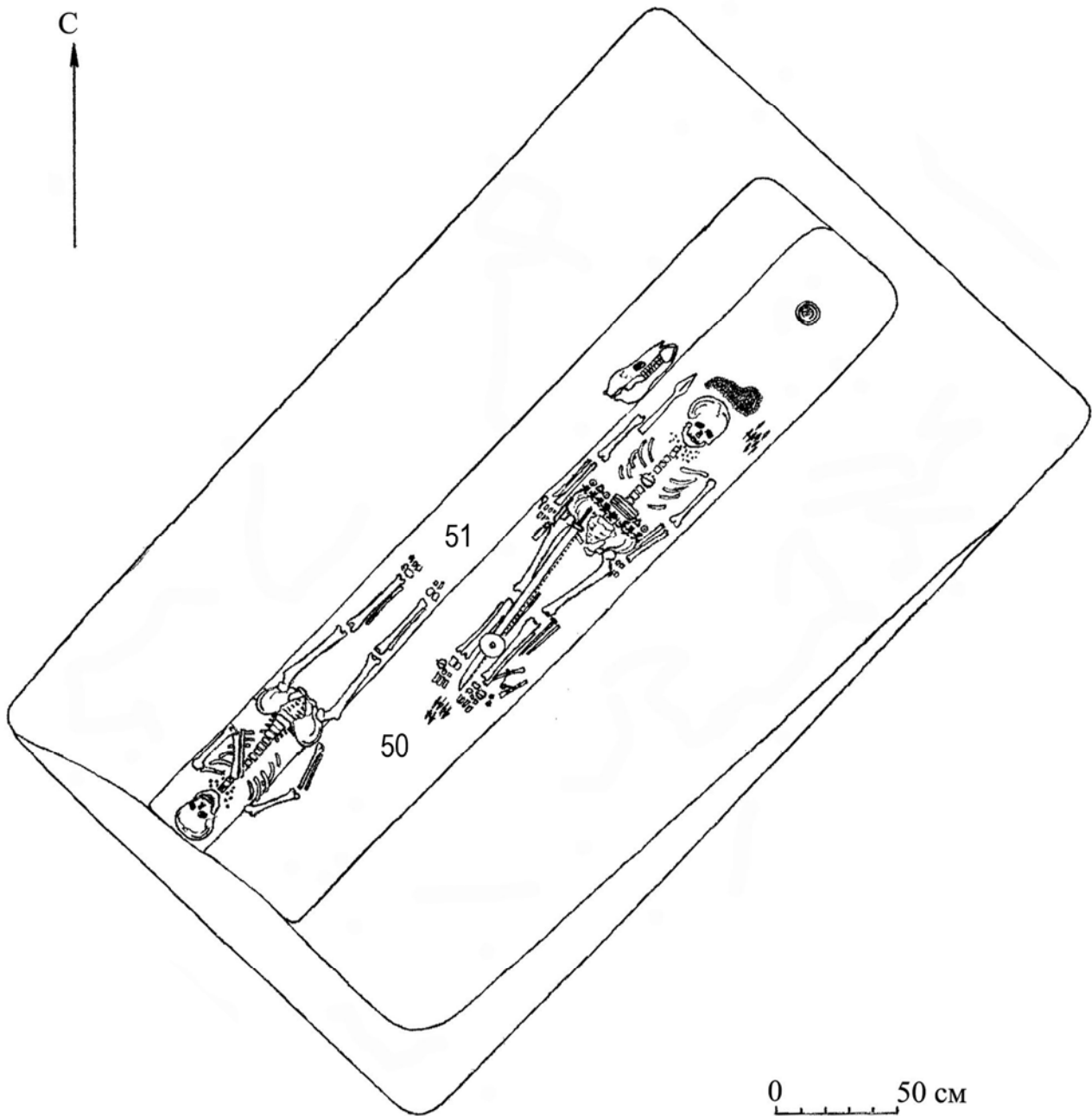

Рис. 12. Андреевский 1 курган.
План погребения 50-51

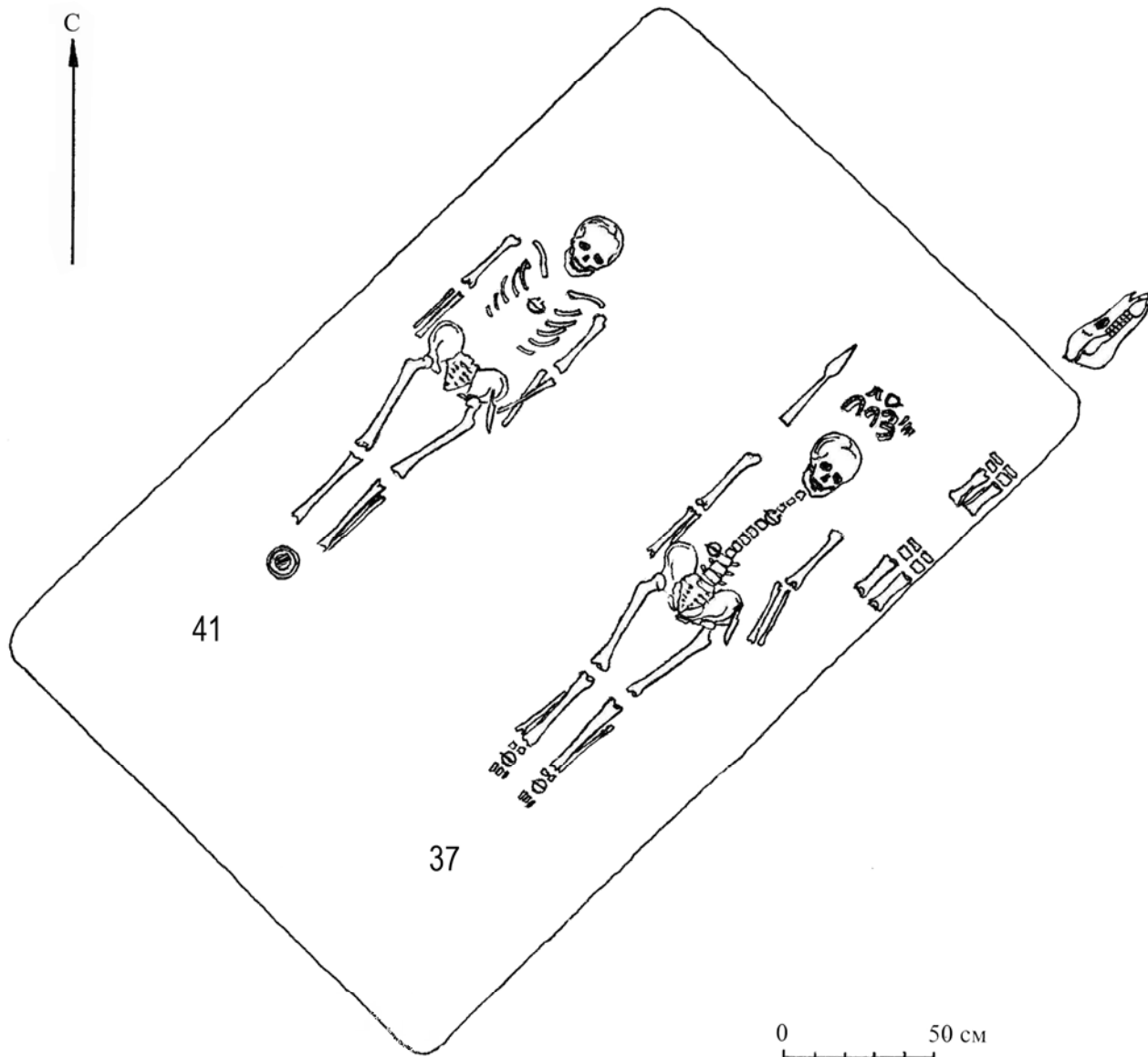

Рис. 13. Андреевский 1 курган.
План погребения 37-41

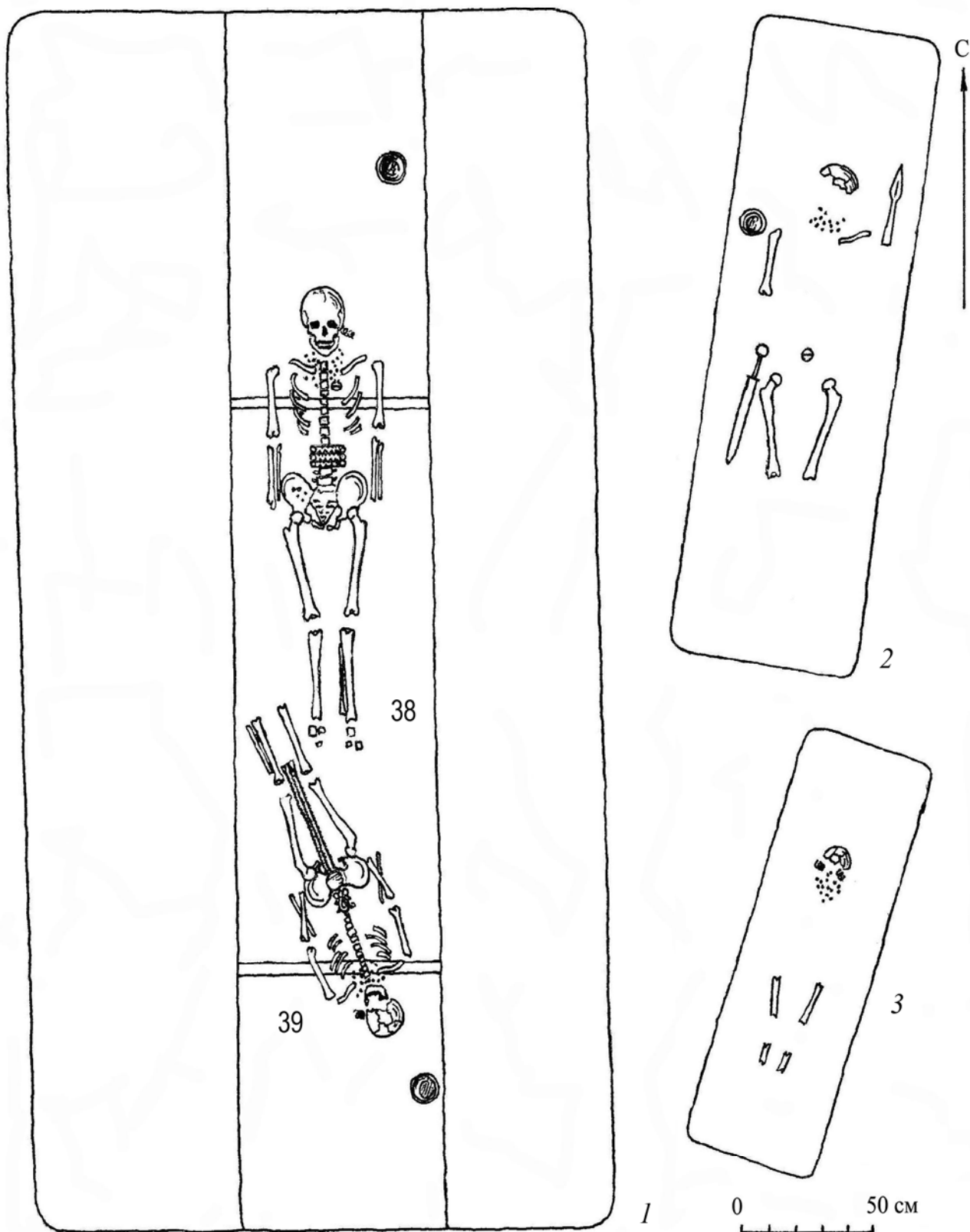

Рис. 14. Андреевский 1 курган.
 Планы погребений 38-39 (1), 55 (2) и 34 (3)

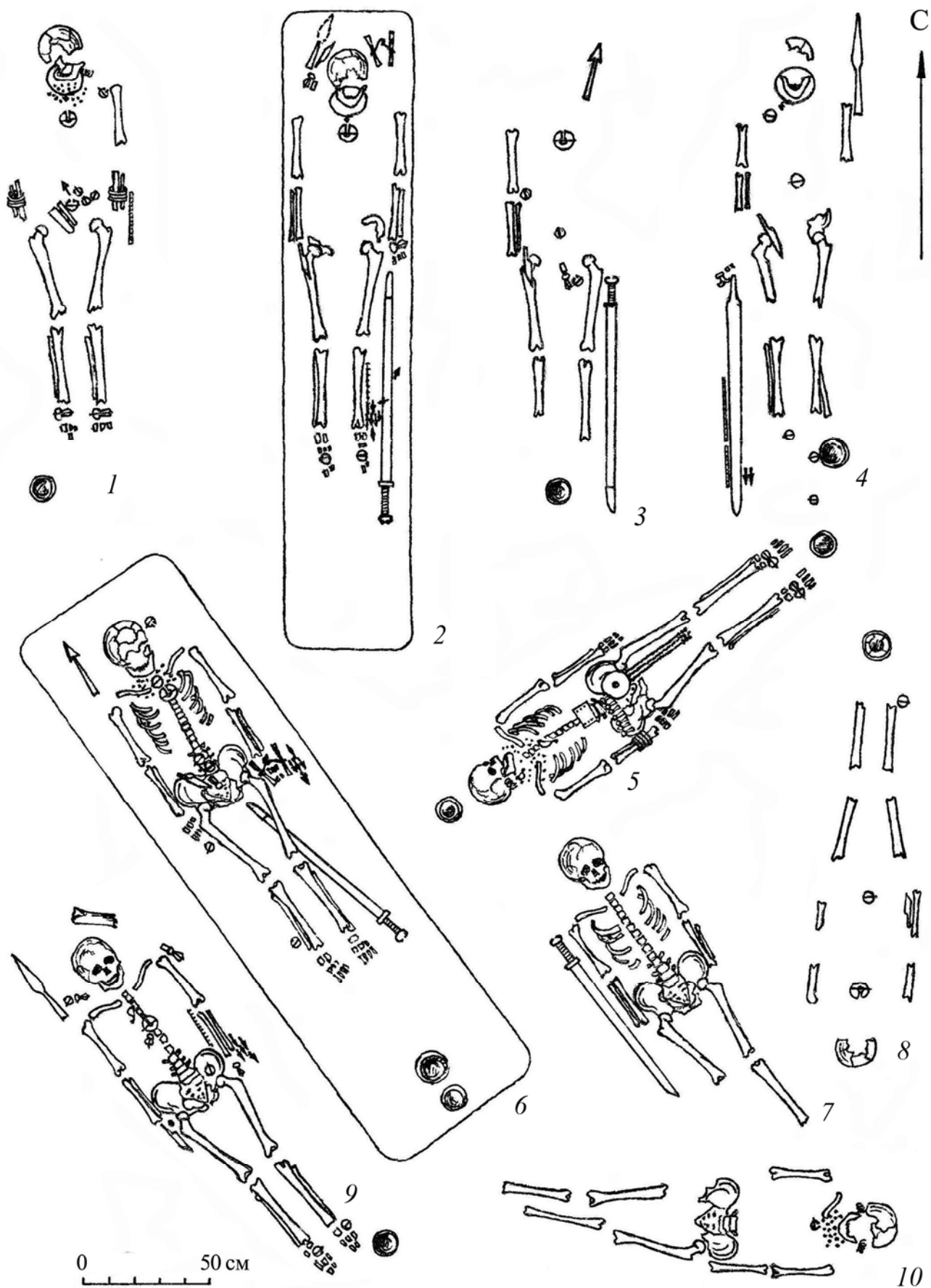

Рис. 15. Андреевский 1 курган.
 Планы погребений 4 (1), 21 (2), 22 (3), 29 (4),
 53 (5), 32 (6), 43 (7), 6 (8), 36 (9), 24 (10)

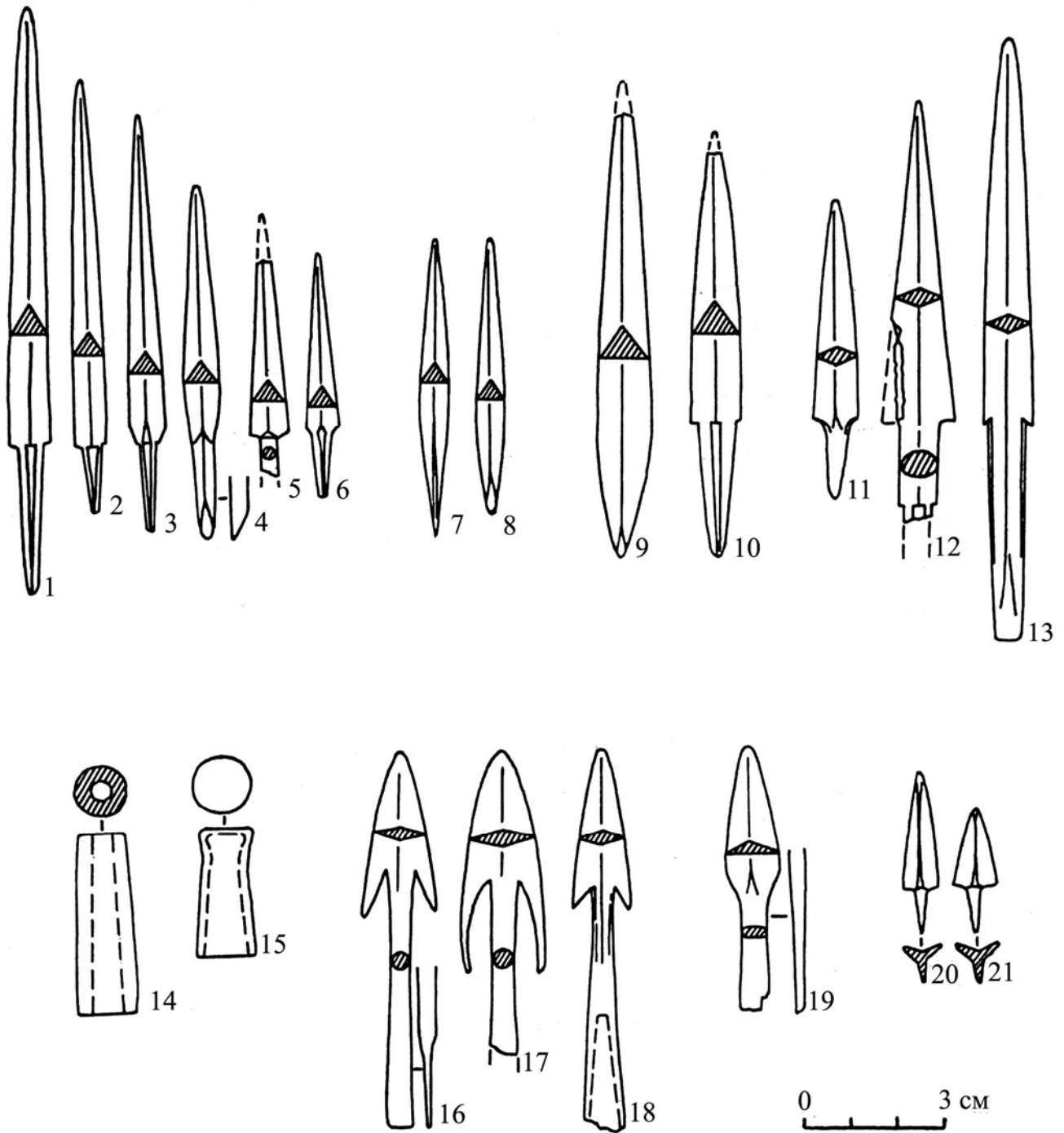

Рис. 16. Андреевский 1 курган. Наконечники стрел.
 1 – погребение 54; 2, 3, 5, 6, 8, 11 – погребение 25-1; 4 – погребение 21;
 7 – погребение 25-2; 9 – погребение 28; 10, 14 – погребение 19+27; 12,
 13 – погребение 54; 15 – погребение 50; 16, 17, 19 – погребение 21;
 18 – погребение 50; 20, 21 – погребение 50.
 (1-14 – кость; 15 – бронза; 16-21 – железо)

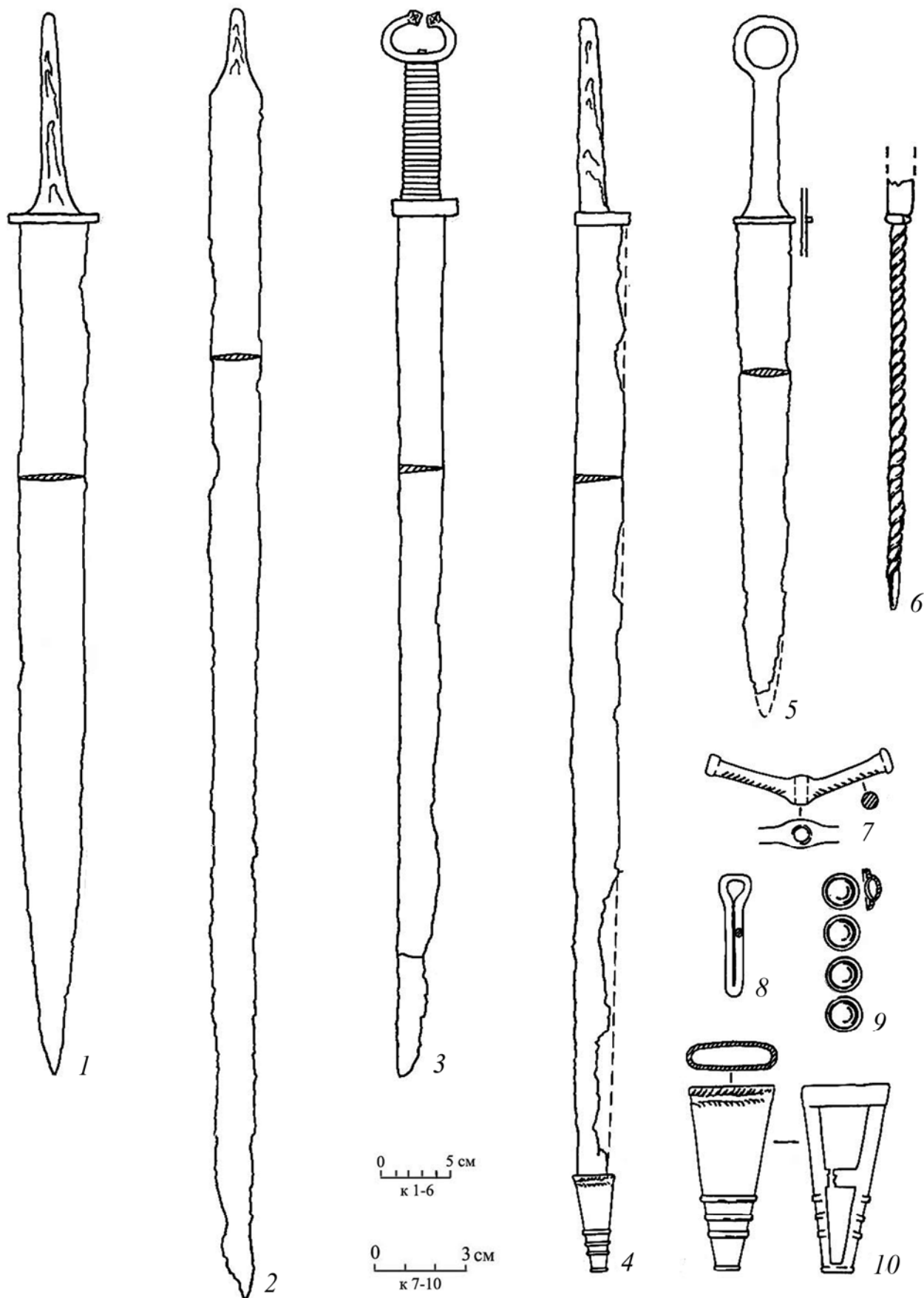

Рис. 17. Андреевский 1 курган. Клинковое оружие и украшения ножен.

1 – погребение 25-2; 2 – погребение 29; 3 – погребение 43;

4, 5, 7, 10 – погребение 25-1; 6 – погребение 25-3;

8 – погребение 54; 9 – погребение 50.

(1-6, 8 – железо; 7, 9 – бронза; 10 – белый сплав)

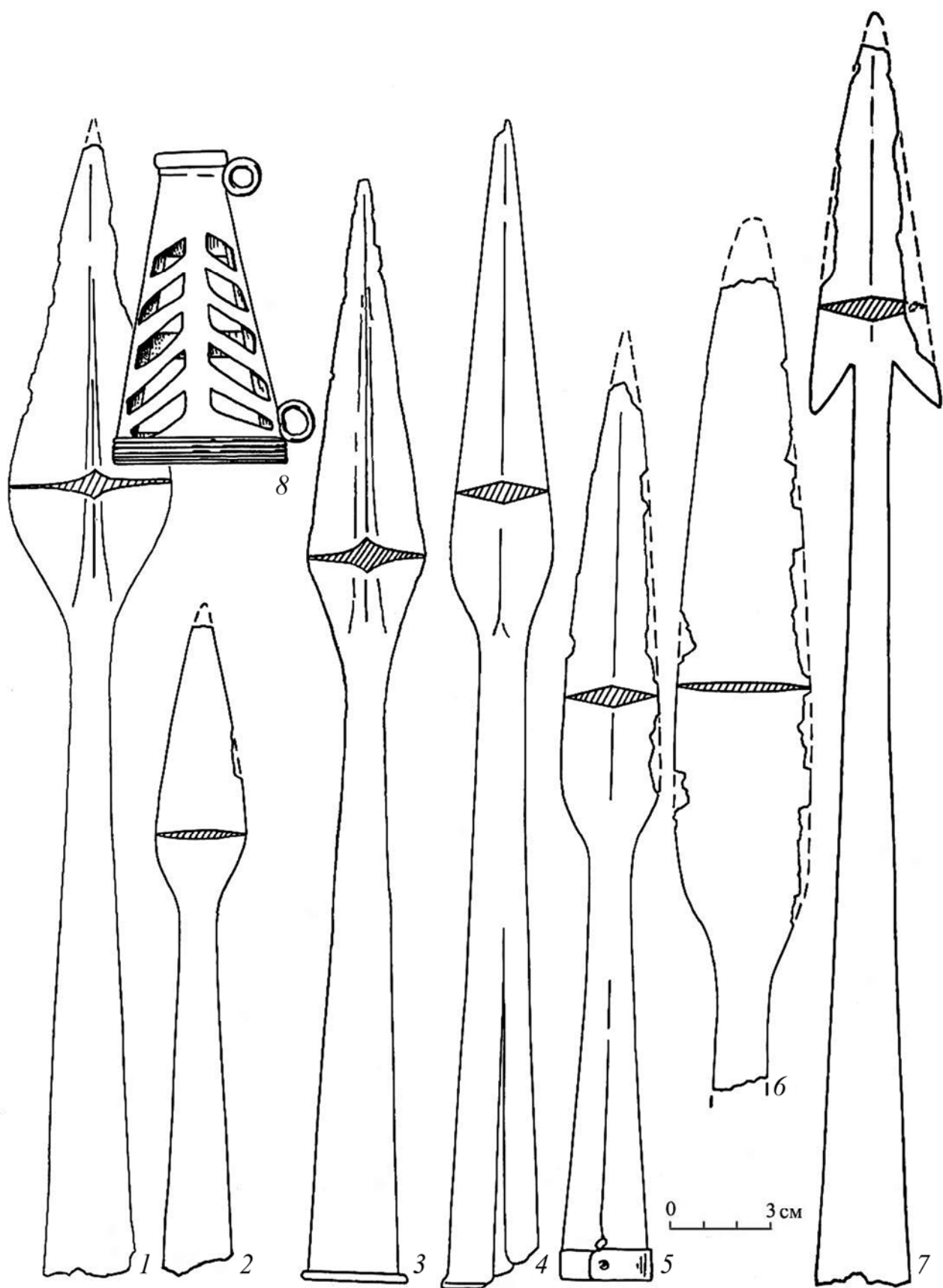

Рис. 18. Андреевский 1 курган. Наконечники и футляр копий.
 1 – погребение 56; 2 – погребение 52; 3 – разрушенное погребение;
 4 – погребение 29; 5 – погребение 17+48; 6 – погребение 19+27;
 7, 8 – погребение 25-1.
 (1-7 – железо; 8 – белый сплав)

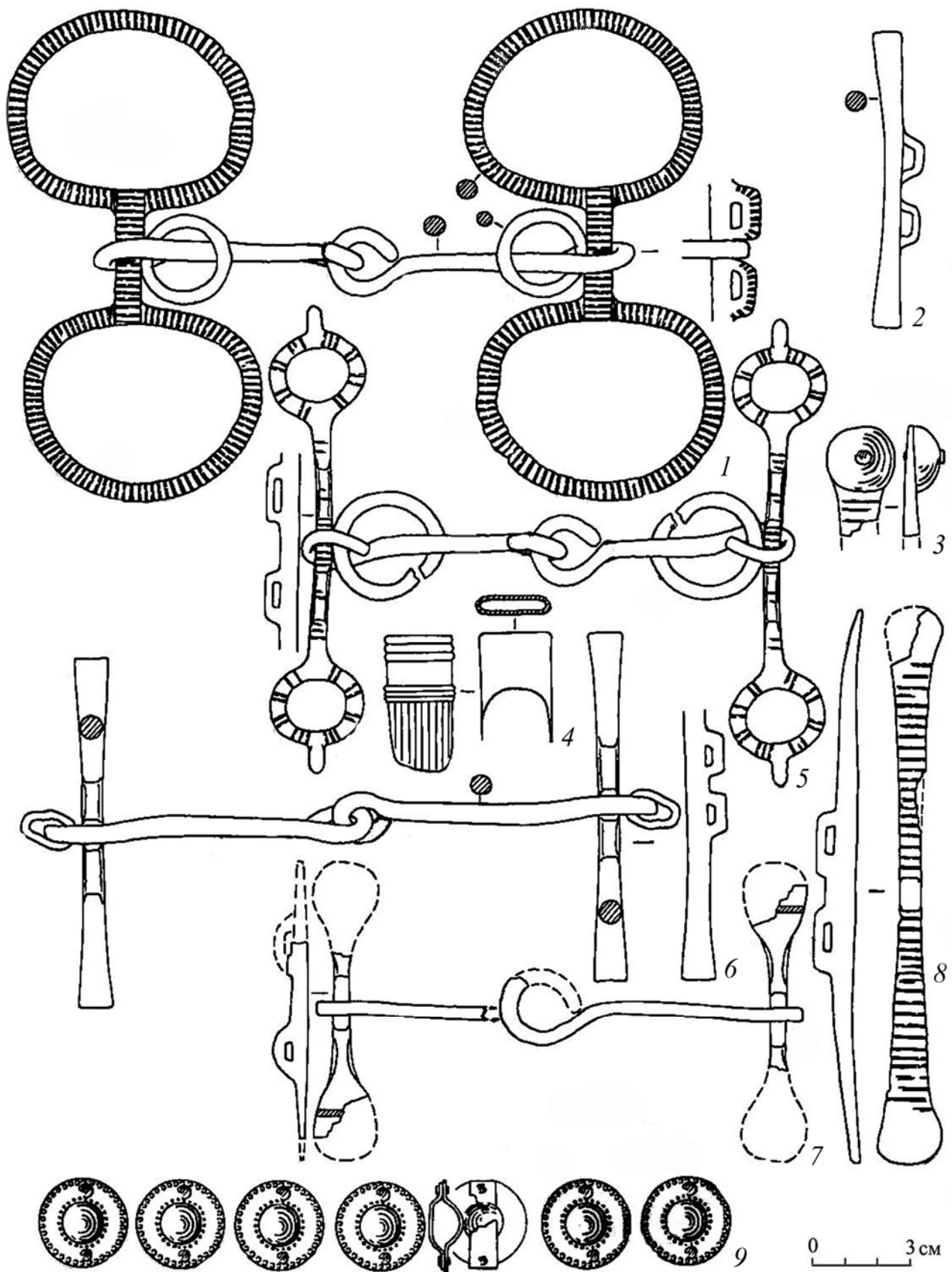

Рис. 19. Андреевский 1 курган. Предметы конского снаряжения.
 1 – погребение 21; 2 – разрушенное погребение; 3, 8 – погребение 50;
 4 – погребение 32; 5 – погребение 28; 6 – погребение 25-1;
 7 – погребение 16+48; 9 – погребение 54.
 (1, 3, 8 – железо, бронза; 2, 4, 9 – бронза; 5 – железо, золото; 6, 7 – железо)

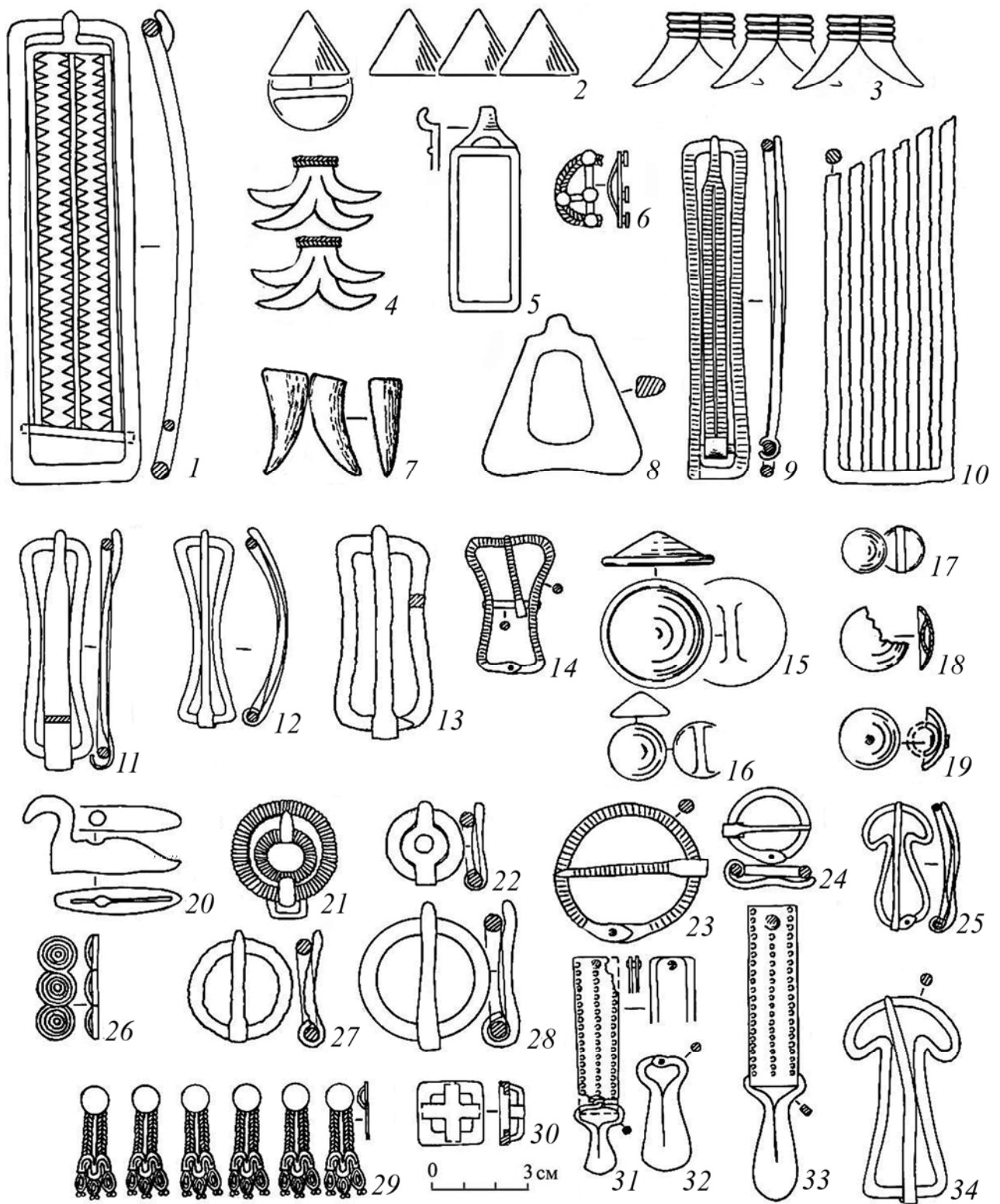

Рис. 20. Андреевский I курган. Пряжки и ременная гарнитура.

- 1, 2, 6 - погребение 25-2; 3, 28 - погребение 25-1; 4, 10, 12 - погребение 50;
 5 - погребение 40; 7, 8, 21 - погребение 37 / 37-41; 9, 16, 19 - погребение 56;
 11, 20, 22 - погребение 54; 13 - погребение 25-3; 14, 15 - погребение 36;
 17, 26 - погребение 25-4; 18 - погребение 16+48; 23, 25 - погребение 4;
 24, 27 - погребение 21; 29 - погребение 53; 30 - погребение 49;
 31 - погребение 3; 32 - погребение 2; 33 - погребение 22;
 34 - разрушенное погребение.
 (1-6, 9, 11, 12, 14-18, 20-26, 28-34 - бронза; 7, 8 - кость; 10, 13, 19, 27 - железо)

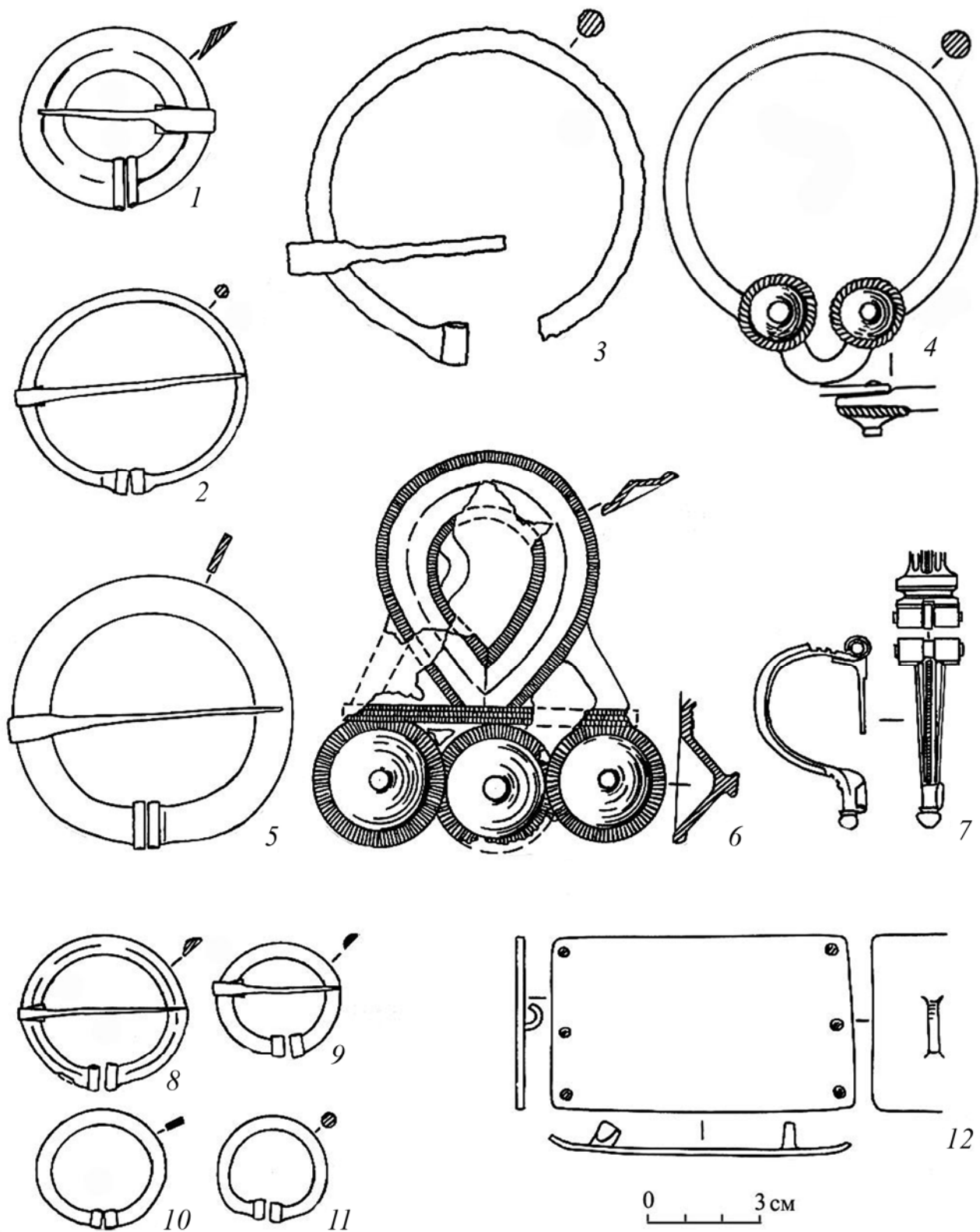

Рис. 21. Андреевский 1 курган. Сюльгамы, фибулы, броши.
 1 – погребение 6; 2 – погребение 22; 3 – погребение 25-2; 4 – погребение 25-3;
 5 – погребение 13; 6 – погребение 39 / 38-39; 7 – погребение 36;
 8 – погребение 7; 9 - погребение 24; 10 – погребение 45;
 11 – погребение 37; 12 – погребение 53.
 (1, 2, 4-12 – бронза; 3 – железо)

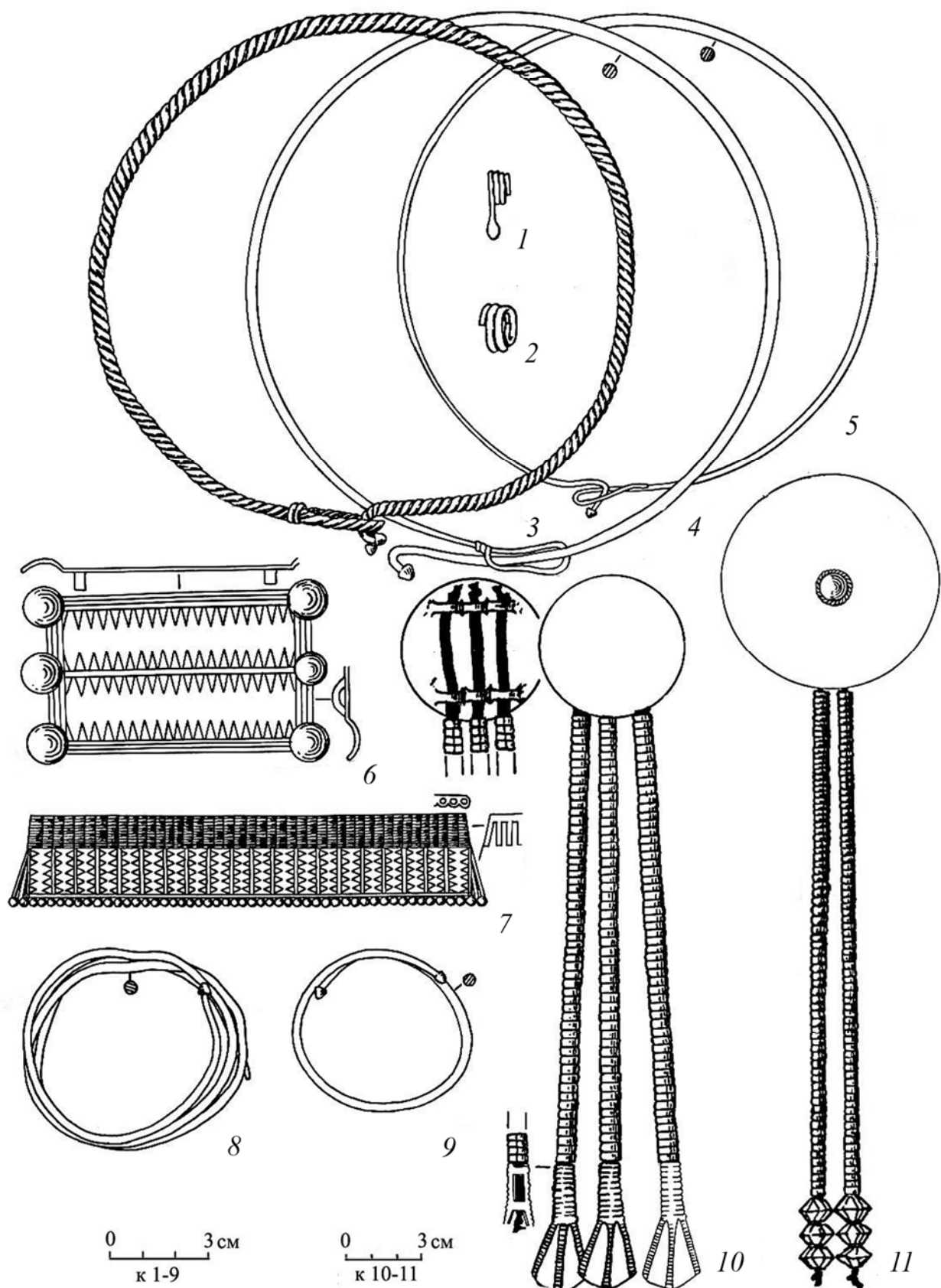

Рис. 22. Андреевский 1 курган. Элементы и украшения женского и мужского костюмов.

1 – погребение 40; 2 – погребение 34; 3, 8 – погребение 13; 4 – погребение 29;
 5 – погребение 21; 6 – погребение 38 / 38-39; 7 – пвк 5; 9 – разрушенное погребение;
 10 – погребение 39 / 38-39; 11 – погребение 53
 (1-2 – золото; 3-10 – бронза; 11 – бронза, кожа, стекло).

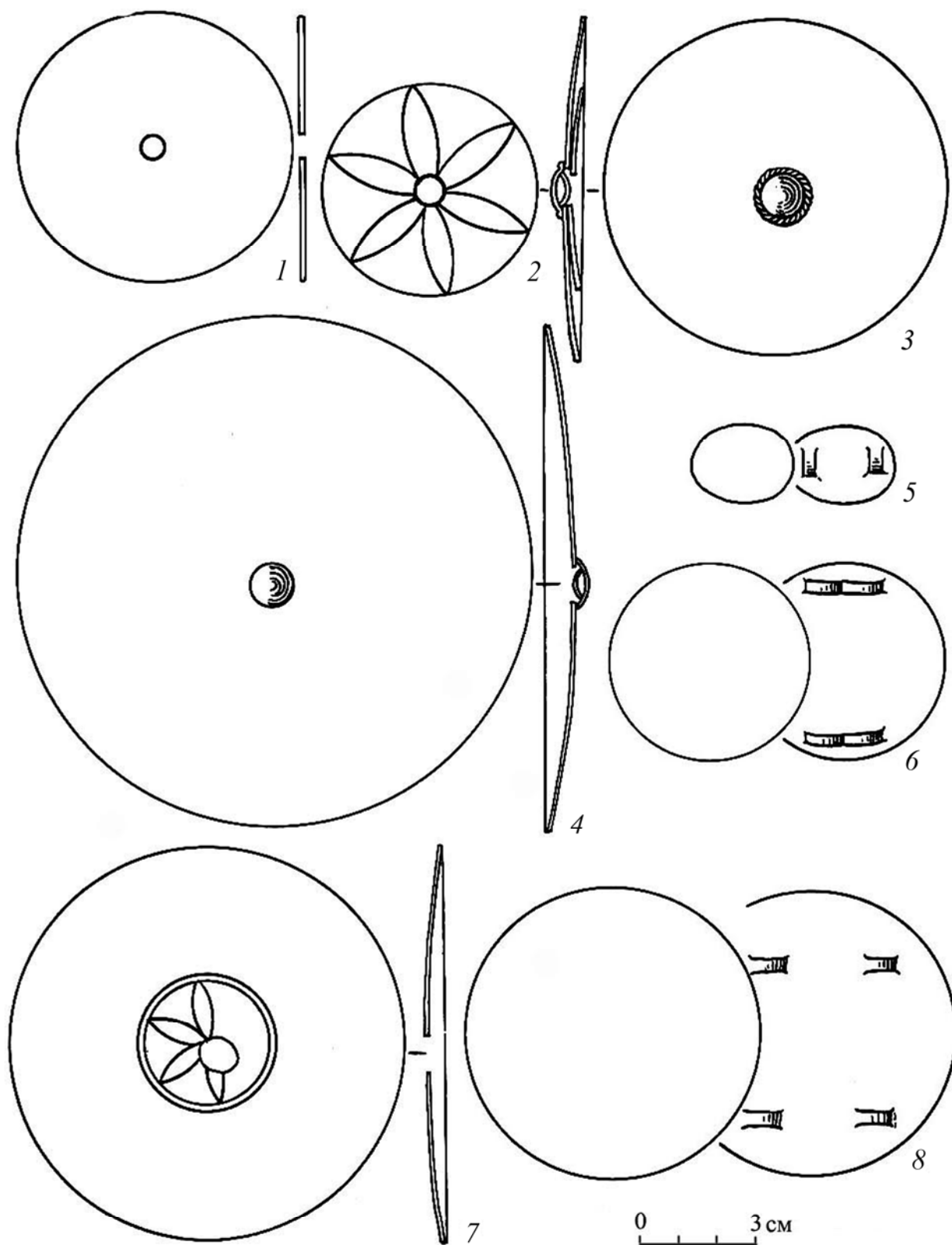

Рис. 23. Андреевский I курган. Полированные бляхи.
 1, 5, 6, 8 – погребение 25-1; 2, 3 – погребение 53;
 4 – погребение 50; 7 – разрушенное погребение.
 (1-8 – бронза)

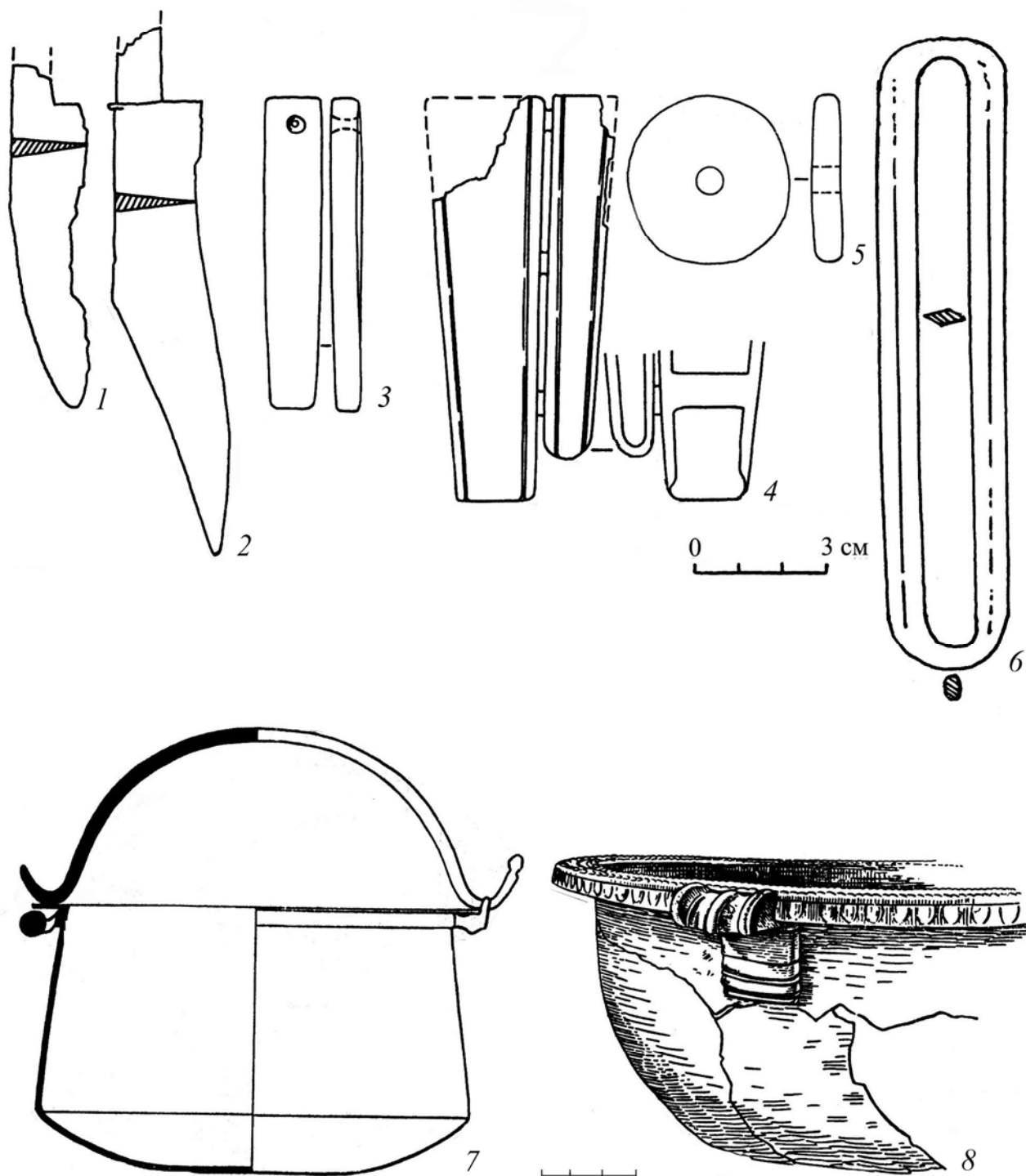

Рис. 24. Андреевский 1 курган.

Орудия труда и обихода (1-6). Металлическая посуда (7-8).

1 – погребение 2; 2 – погребение 21; 3 – погребение 25-2; 4 – погребение 4;
5 – пвк 5; 6 – погребение 25-1; 7 – погребение 21 (по В.В. Кропоткину);

8 – разрушенное погребение (по В.П. Шилову).

(1, 2, 6 – железо; 3 – камень, 4, 8 – бронза; 5 – глина, 7 – бронза, железо)

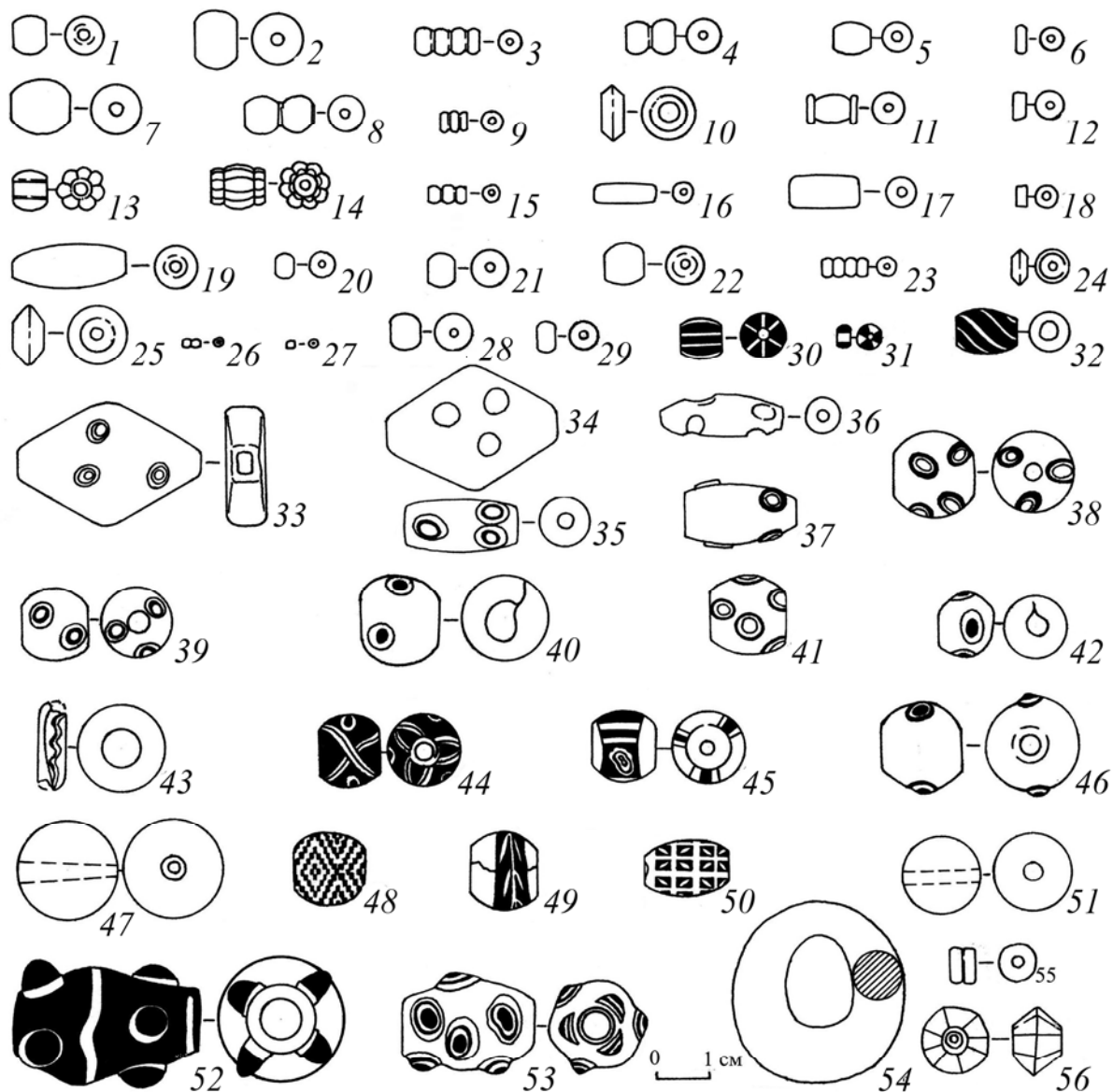

Рис. 25. Андреевский 1 курган. Бусы и подвески:

золоченые трехслойные (1-11, 13, 14, 46, 55), монохромные краснопастовые (12, 15-17, 19), синие (18, 20-25), желтые (26-27), зеленые (28), темно-лиловые (29), бесцветные (56), полихромные (30-45, 48-50, 52, 53), сердоликовая (47), хрустальная (51) и янтарная (54).

- 1 – погребение 25-2; 2 – погребение 19+27 (тип 16); 3 – погребение 25-4;
 4 – погребение 10; 5 - погребение 4; 6 – погребение 15; 7 – погребение 46;
 8 – погребение 34; 9 – погребение 53; 10 – погребение 25-1; 11 – погребение 4;
 12 – погребение 24; 13 – погребение 55; 14 – погребение 23; 15 – погребение 8;
 16, 17 – погребение 24; 18 – погребение 25-4; 19 – погребение 53;
 20 – погребение 8; 21 – погребение 39; 22 – погребение 10; 23 – погребение 47;
 24 – погребение 38; 25 – погребение 24; 26, 27 - погребение 53;
 28 – погребение 47; 29 – погребение 25-4; 30 – погребение 50;
 31 – погребение 15; 32 - погребение 50; 33-37 – погребение 53;
 38 – погребение 50; 39 – погребение 53; 40 – погребение 47; 41 – погребение 24;
 42 – погребение 3; 43 – погребение 46; 44 – погребение 32; 45 – погребение 24;
 46 – погребение 50; 47 – погребение 33; 48 – погребение 12; 49 – погребение 47;
 50 – погребение 34; 51 – погребение 39; 52 – погребение 25-1;
 53 – погребение 32; 54 – погребение 54; 55 – погребение 10; 56 – погребение 53

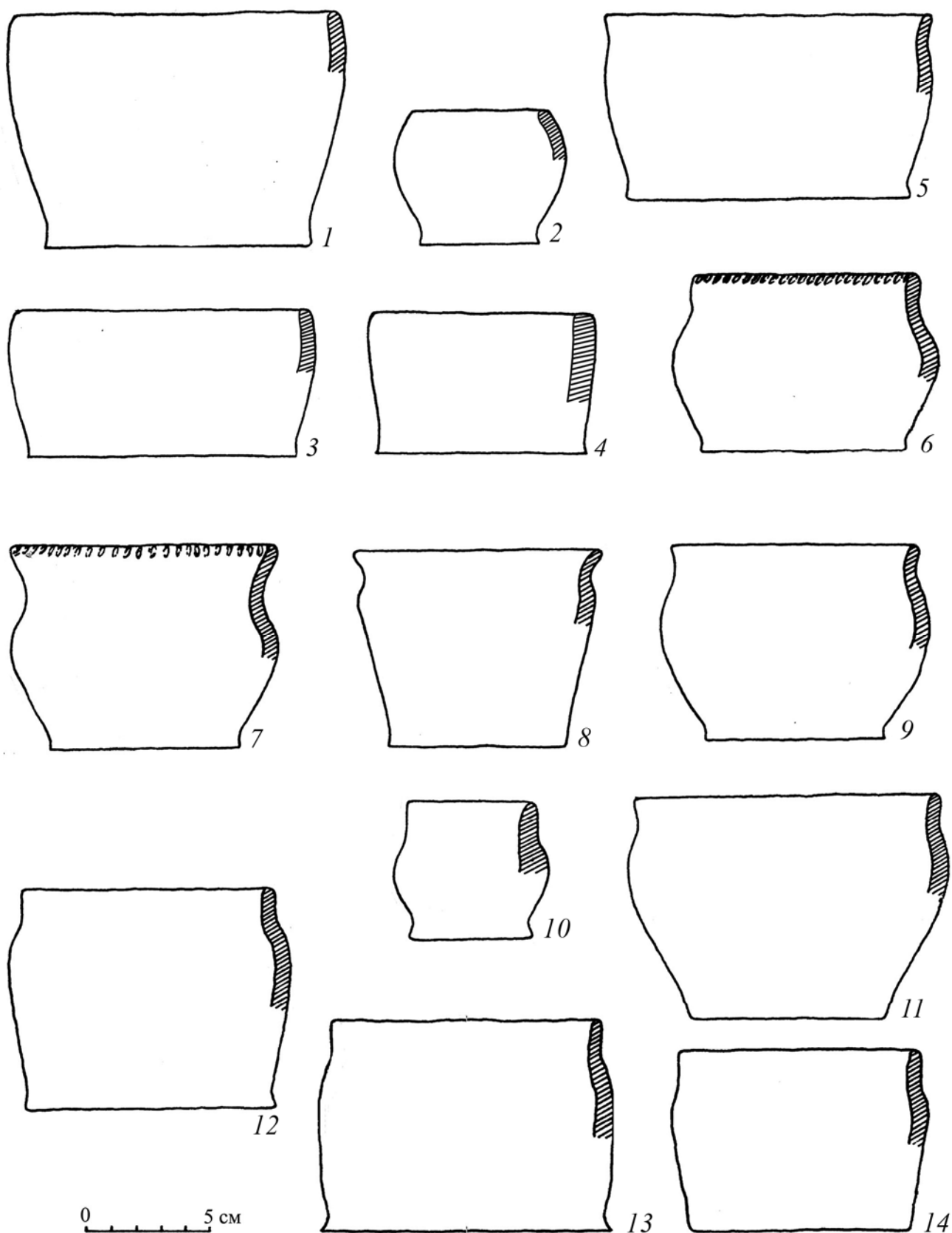

Рис. 26. Андреевский 1 курган. Глиняная посуда.

1 – погребение 8; 2 - погребение 3; 3 – погребение пвк 5; 4 – погребение 39;
 5 – погребение 10; 6 – погребение 32; 7 – пвк 18; 8 – погребение 1;
 9 – погребение 2; 10 - погребение 42; 11 – погребение 54; 12 – погребение 3;
 13 – погребение 31; 14 – погребение 10

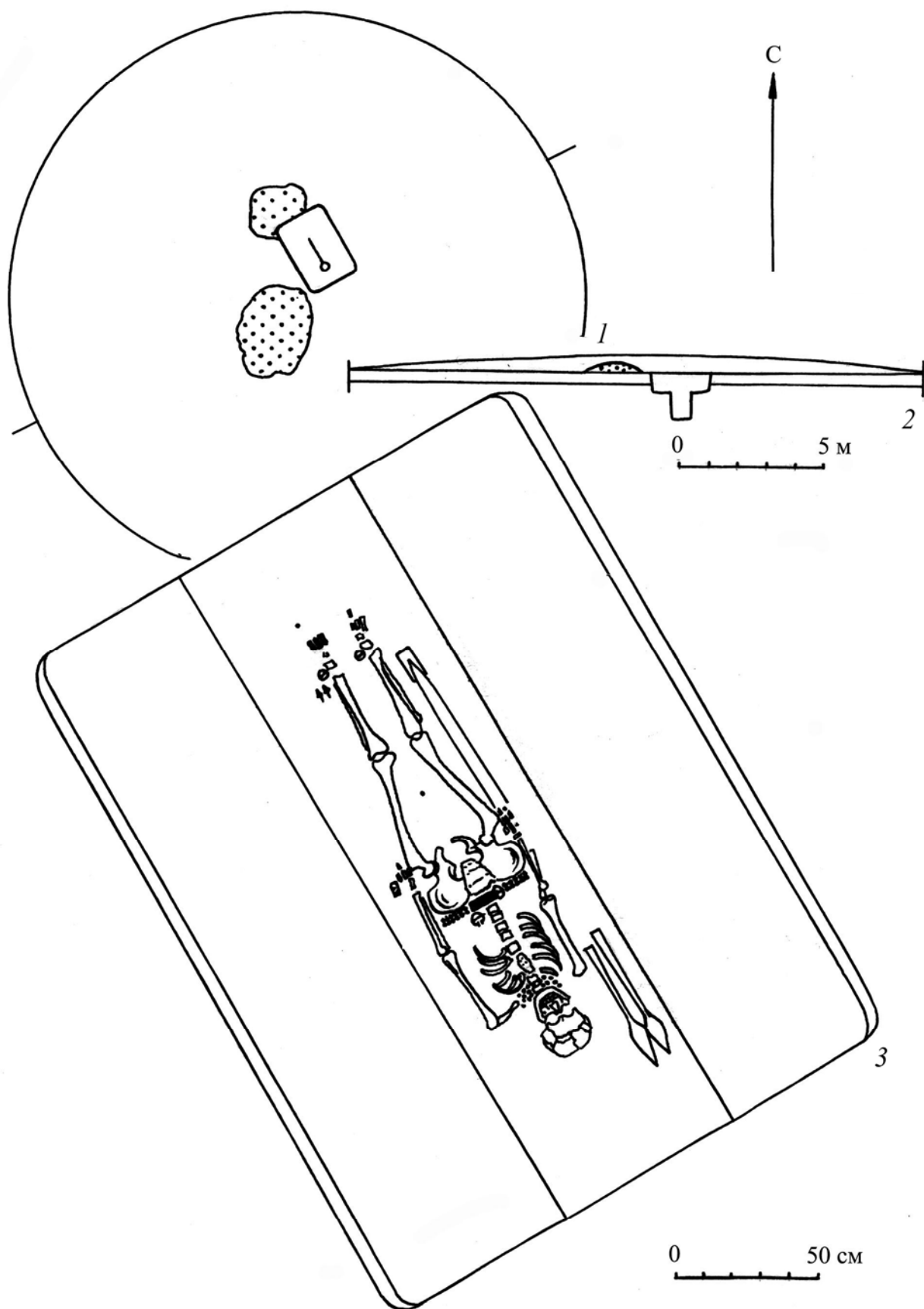

Рис. 27. Староардатовский 1 курган.
 1 – план кургана; 2 – профиль бровки, 3 – план погребения

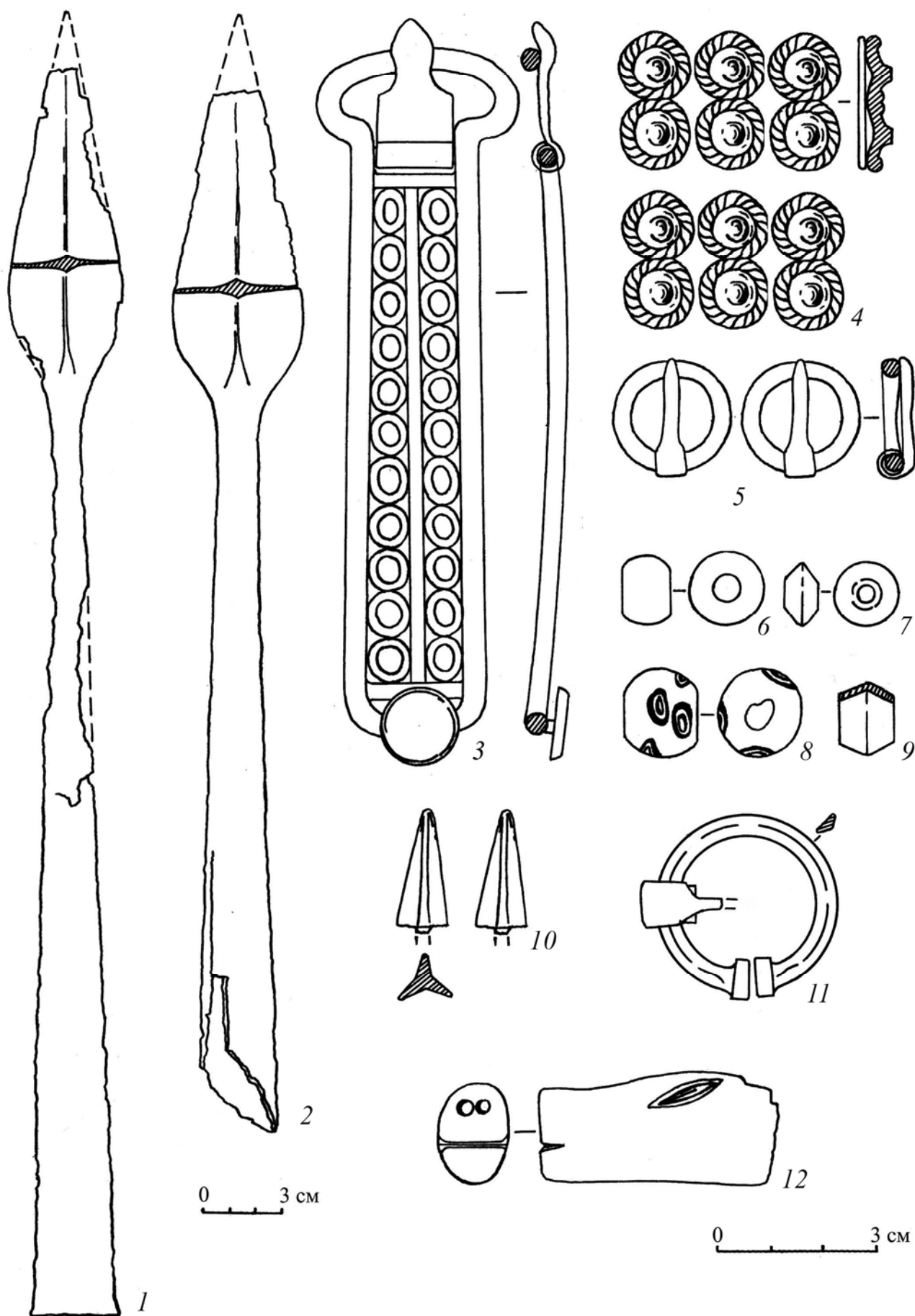

Рис. 28. Староардатовский 1 курган.
 Погребальный инвентарь погребения.
 (1, 2, 10 – железо; 3-5, 9, 11 – бронза; 6-8 – стекло; 12 – кость)

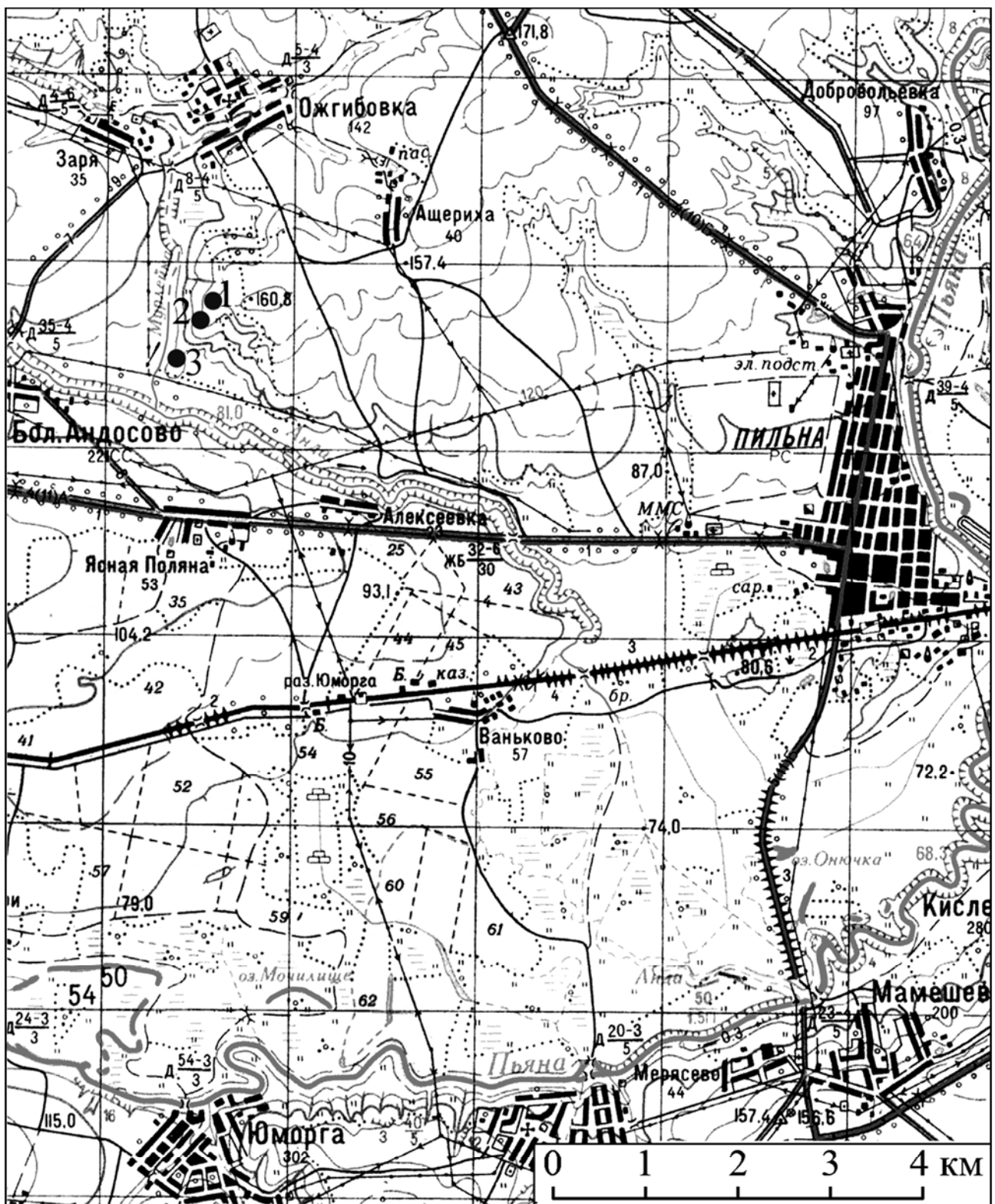

Рис. 29. План расположения Пильнинских археологических объектов.
(Пильнинский район, Нижегородская область).

- 1 – Пильнинский I грунтовый могильник; 2 – эскарпированная площадка;
3 – Пильнинский II грунтовый могильник

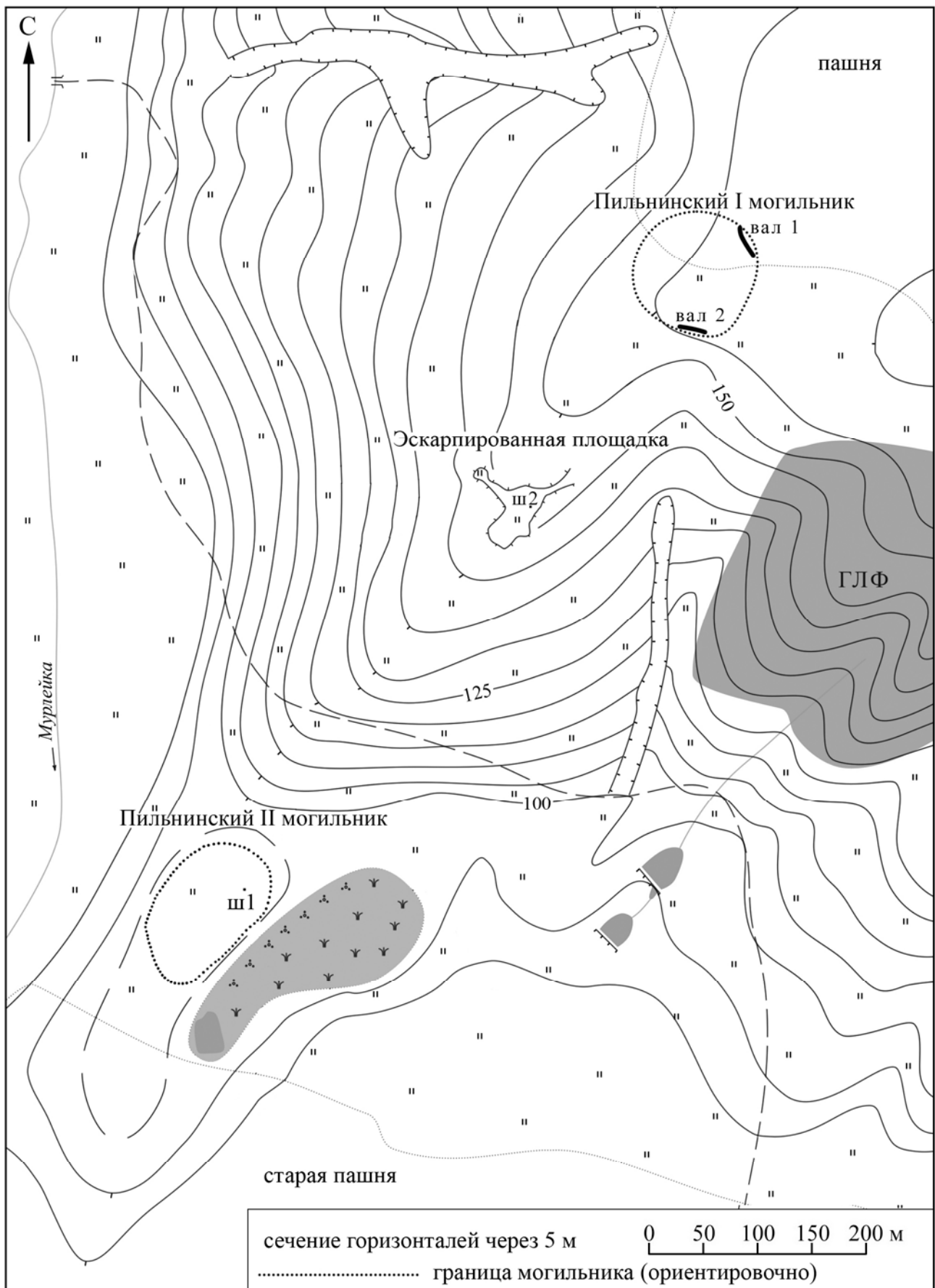

Рис. 30. Топографический план местности с расположением Пильнинского I грунтового могильника, и Пильнинского II грунтового могильника и эскарпированной площадки. (Пильнинский район, Нижегородская область)

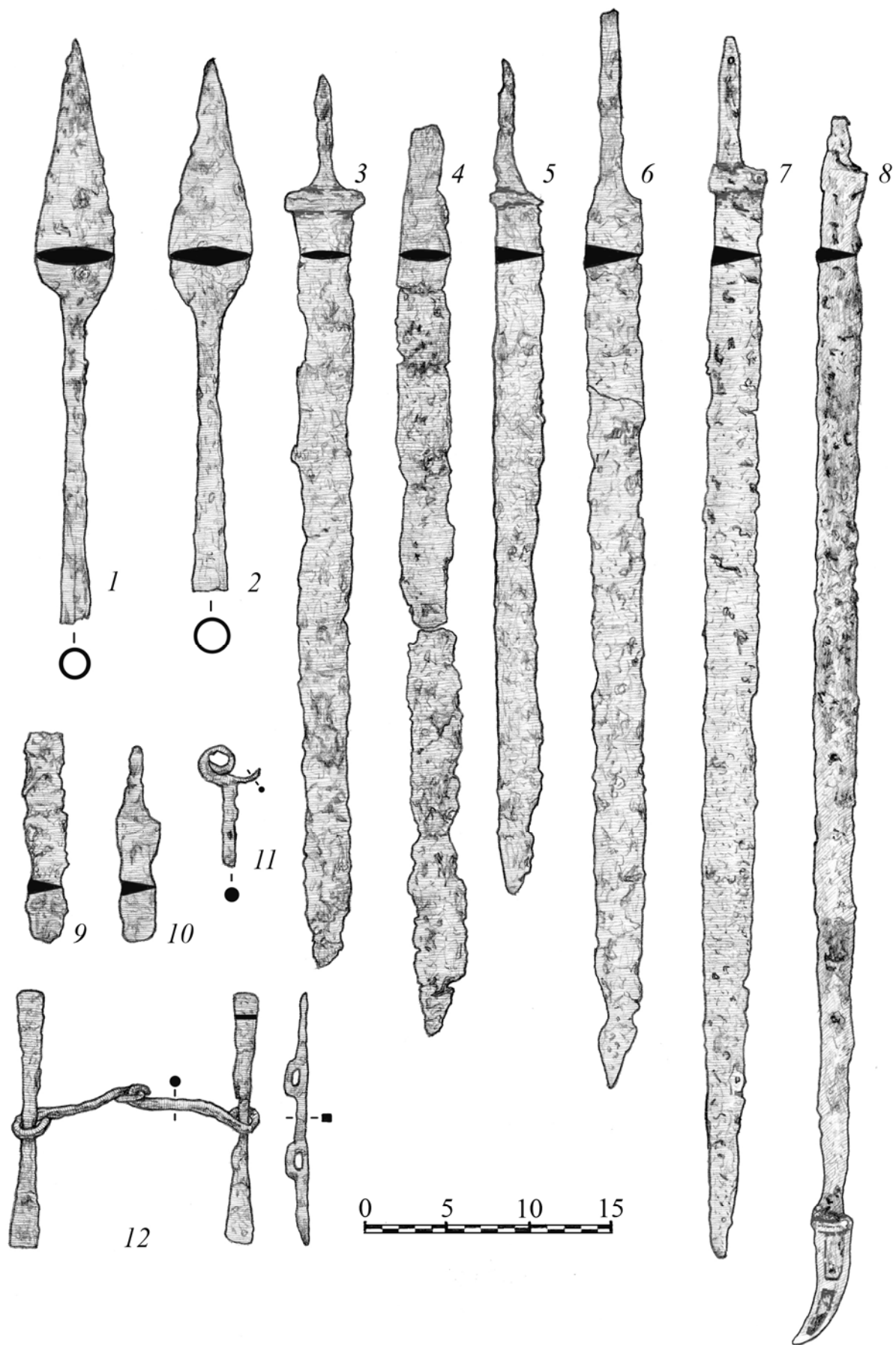

Рис. 31. Пильнинские I и II могильники.
 Древяное и клинковое оружие (1-11). Предметы конского снаряжения (12)
 1-3, 5-12 – из разрушенных погребений Пильнинского I могильника,
 4 – случайная находка на территории Пильнинского II могильника

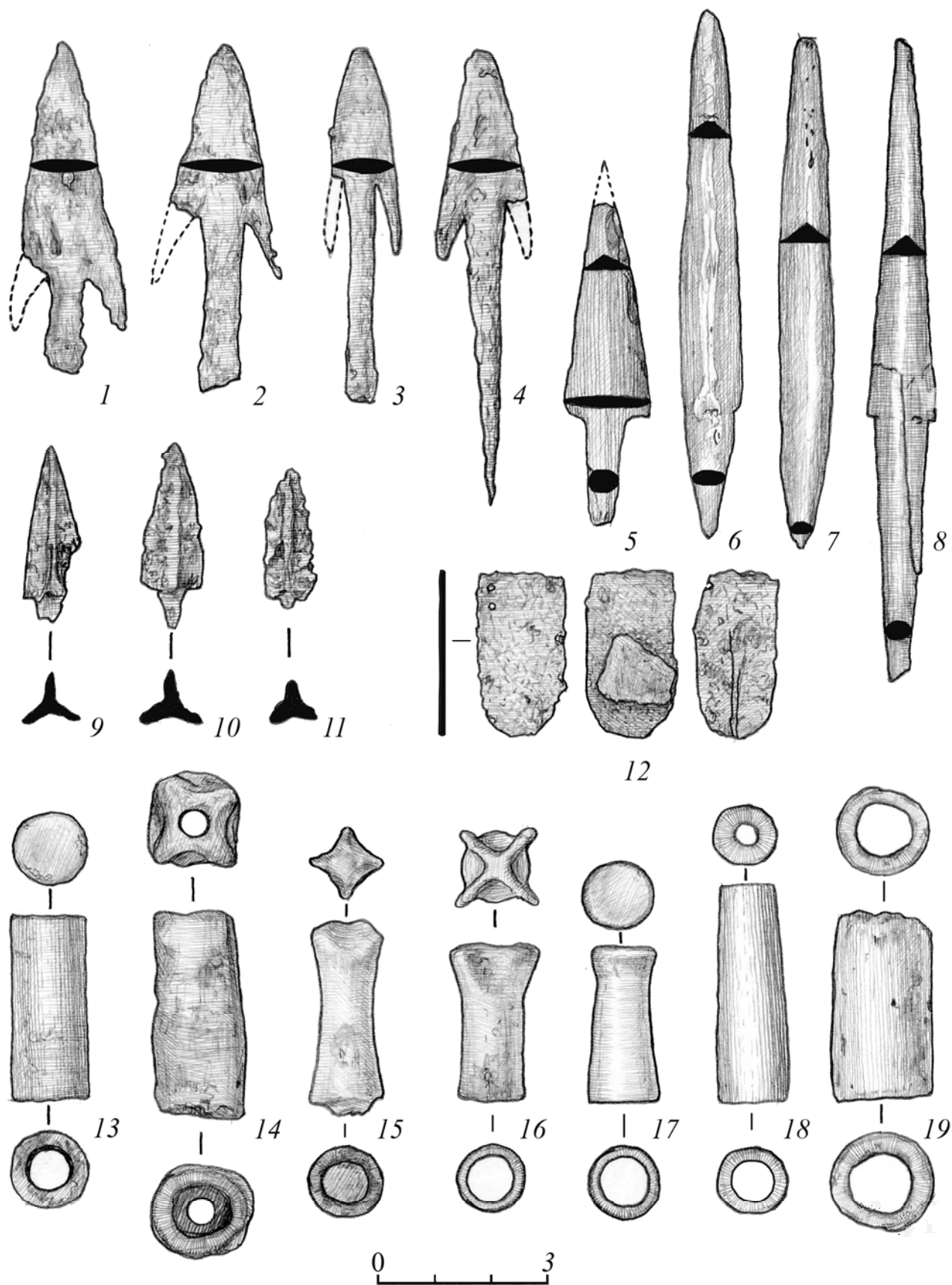

Рис. 32. Пильнинские I и II могильники.

Наконечники стрел (1-11, 13-19). Предметы защитного снаряжения (12)
 1-13, 15, 16, 19 – Пильнинский I могильник; 14 – погр. 1 Пильнинского II
 могильника; 17, 18 – Андреевский курган, погр. 19+27, 50.
 (1-4, 9-12, 15 – железо; 5-8, 13, 14, 18, 19 – кость; 16, 17 – бронза)

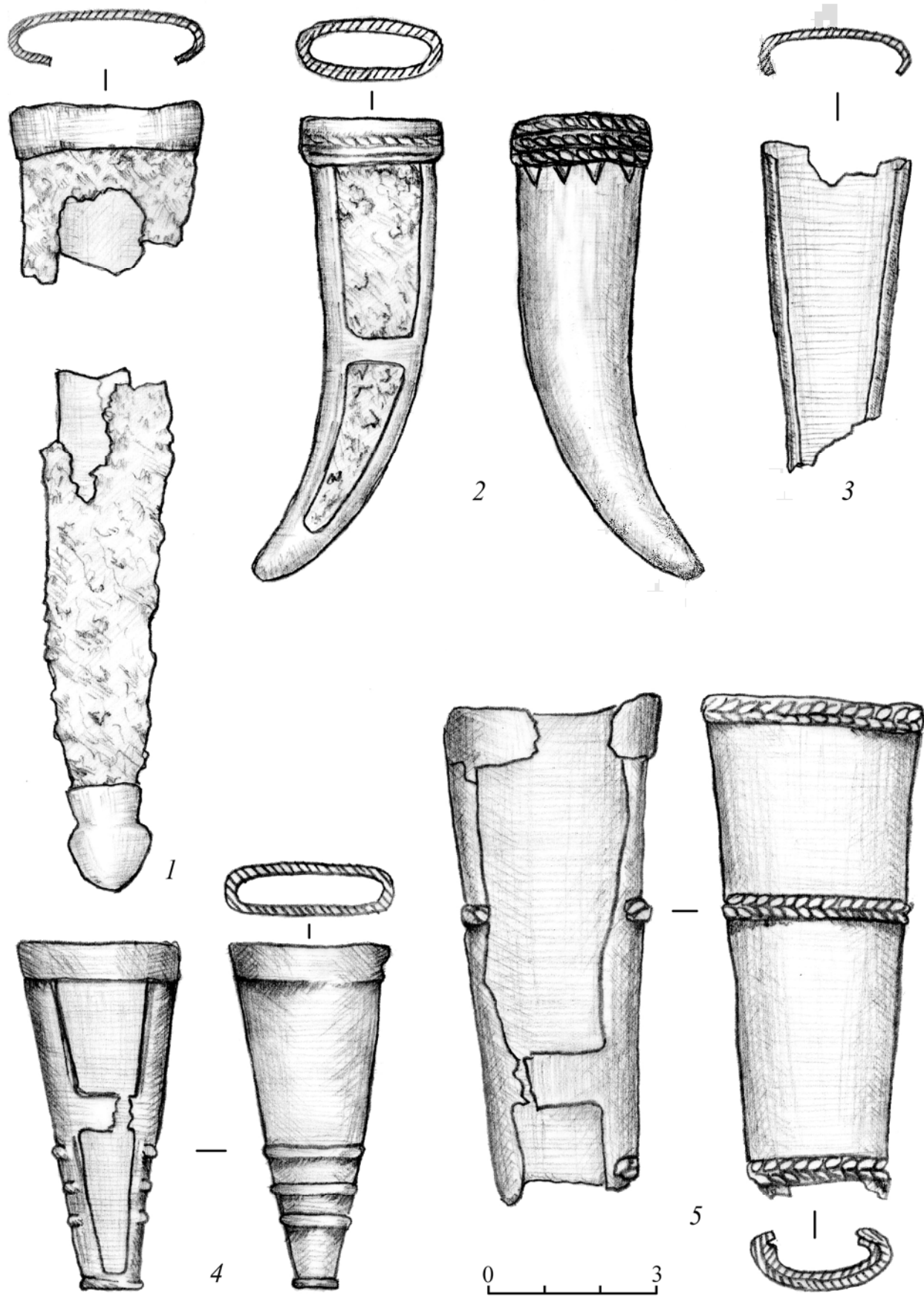

Рис. 33. Бронзовые наконечники ножен клинкового оружия.
 1-3 – Пильнинский I могильник; 4 – Андреевский курган, погр. 25-1;
 6 – Климкинский могильник, к. 1, погр. 18

Рис. 34. Пильнинский I могильник.
Металлический шлем типа «Шпангенхельм»

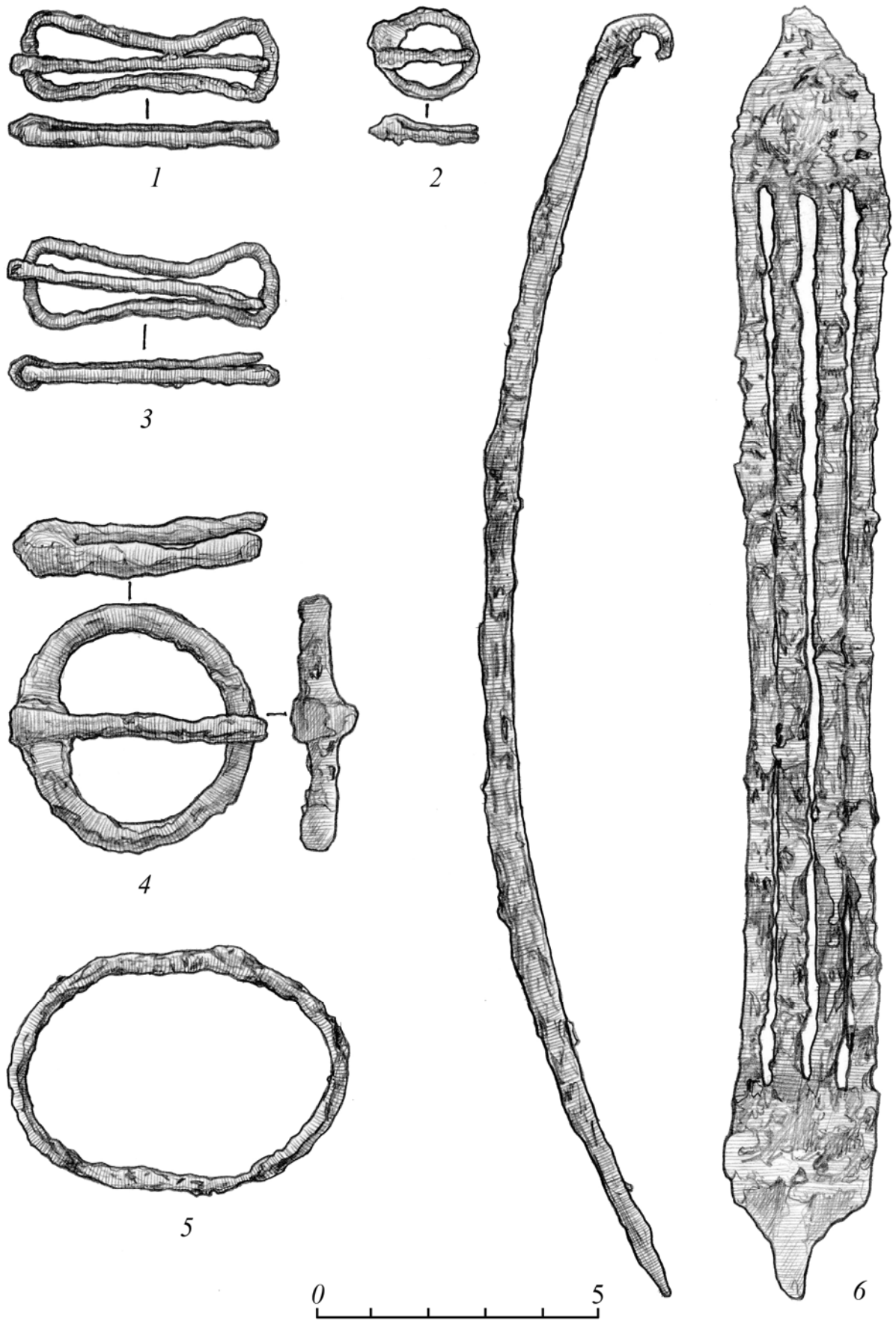

Рис. 35. Пильнинский I могильник.
Железные пряжки

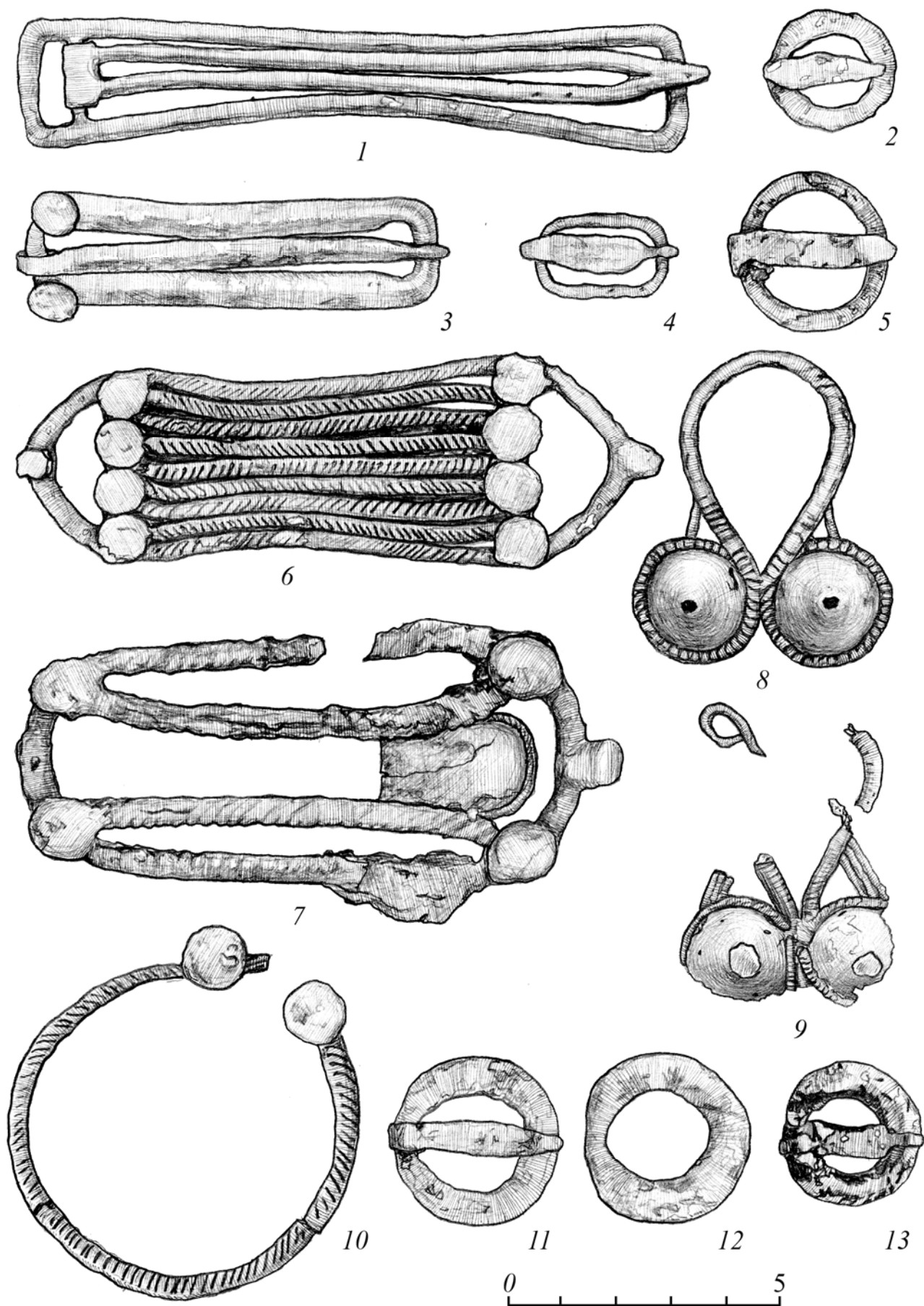

Рис. 36. Пильнинский I могильник.
 Бронзовые пряжки, застежки, сьюльгамы

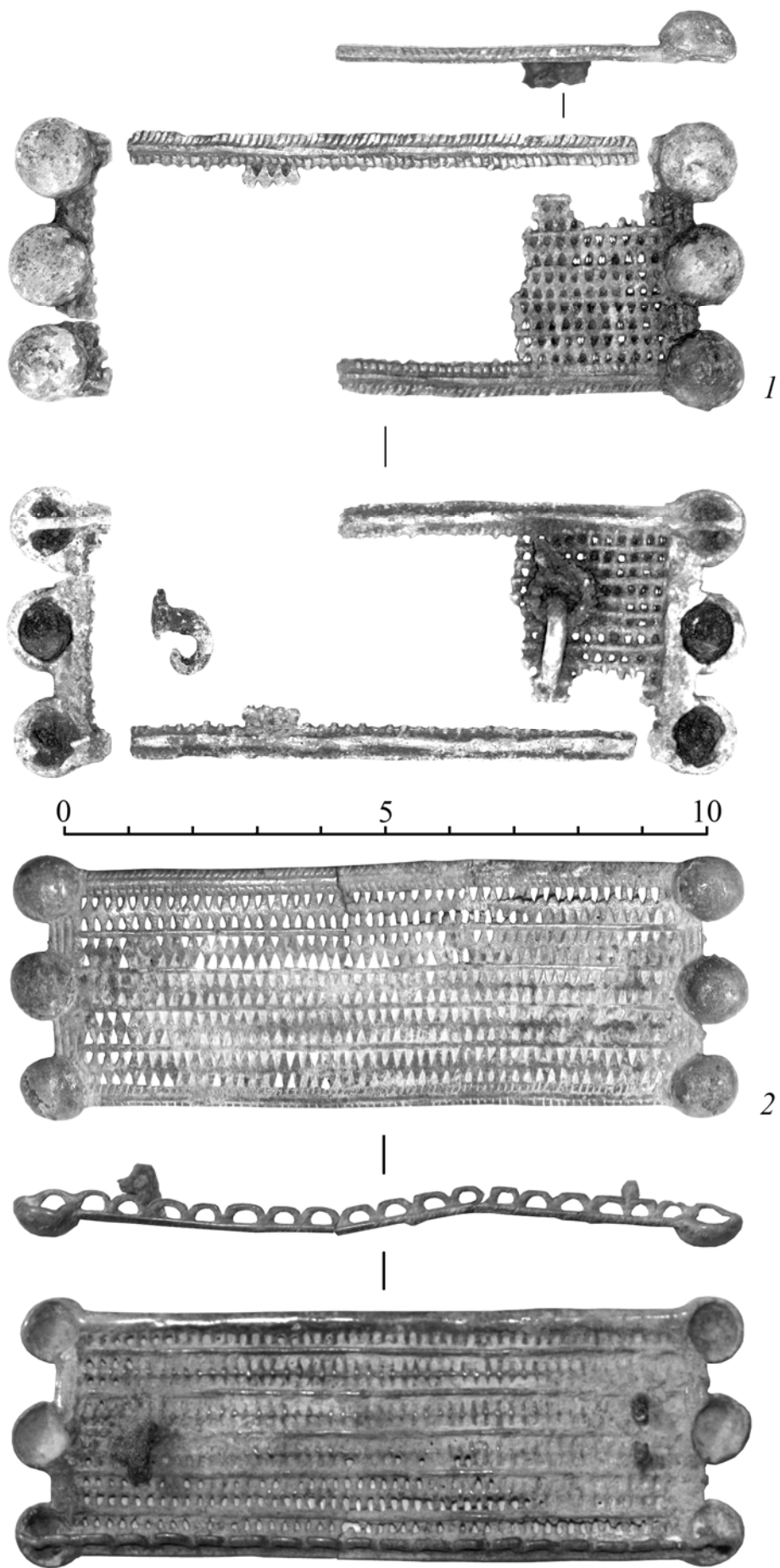

Рис. 37. Пильнинский I могильник.
Бронзовые броши с железными иглами

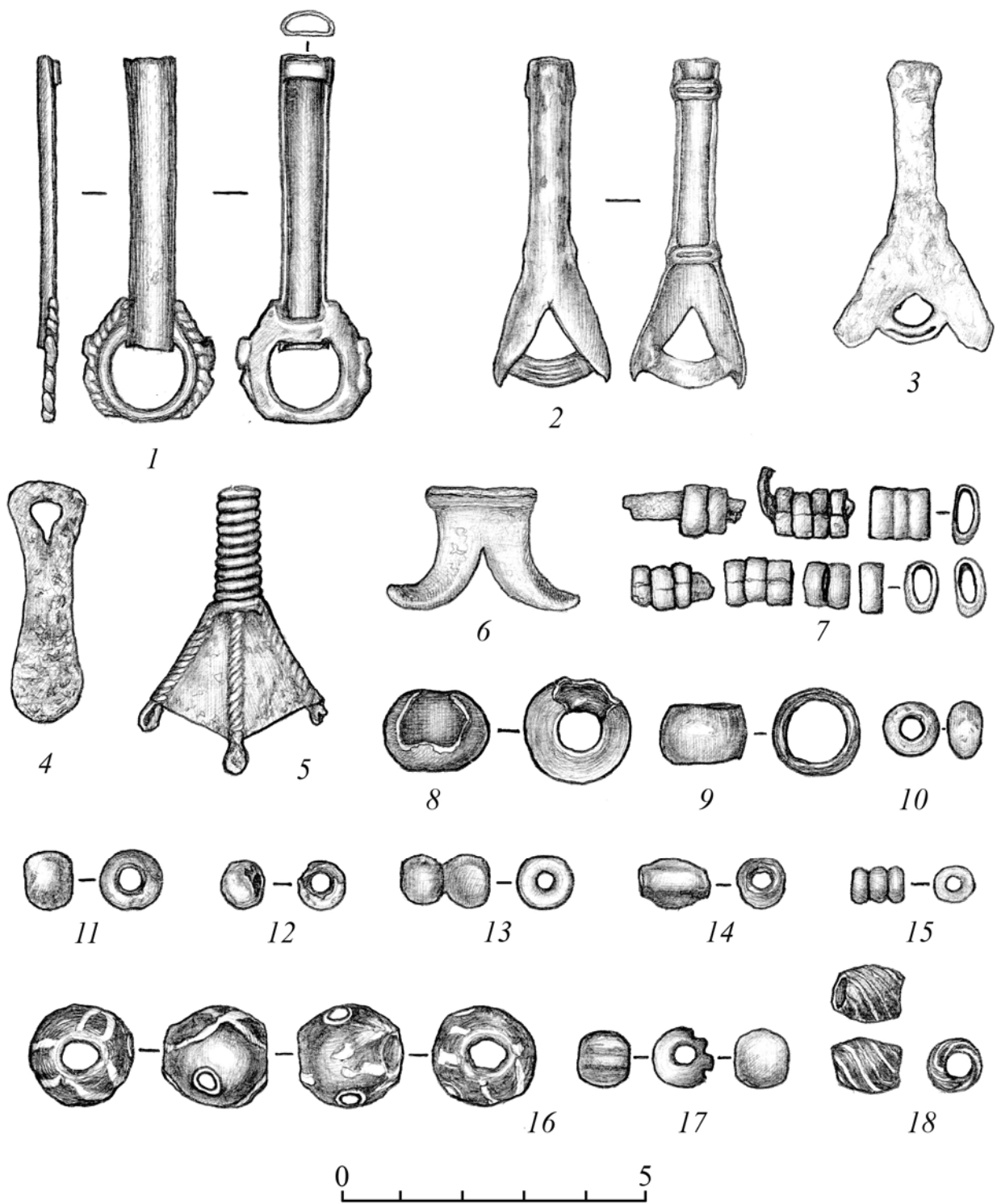

Рис. 38. Пильнинский I могильник.
 Бронзовые подвески (1-6), пронижи (7, 9). Бусы (8, 10-18).
 (1-6, 8, 10 – бронза; 7 – бронза, кожа; 11-18 – стекло)

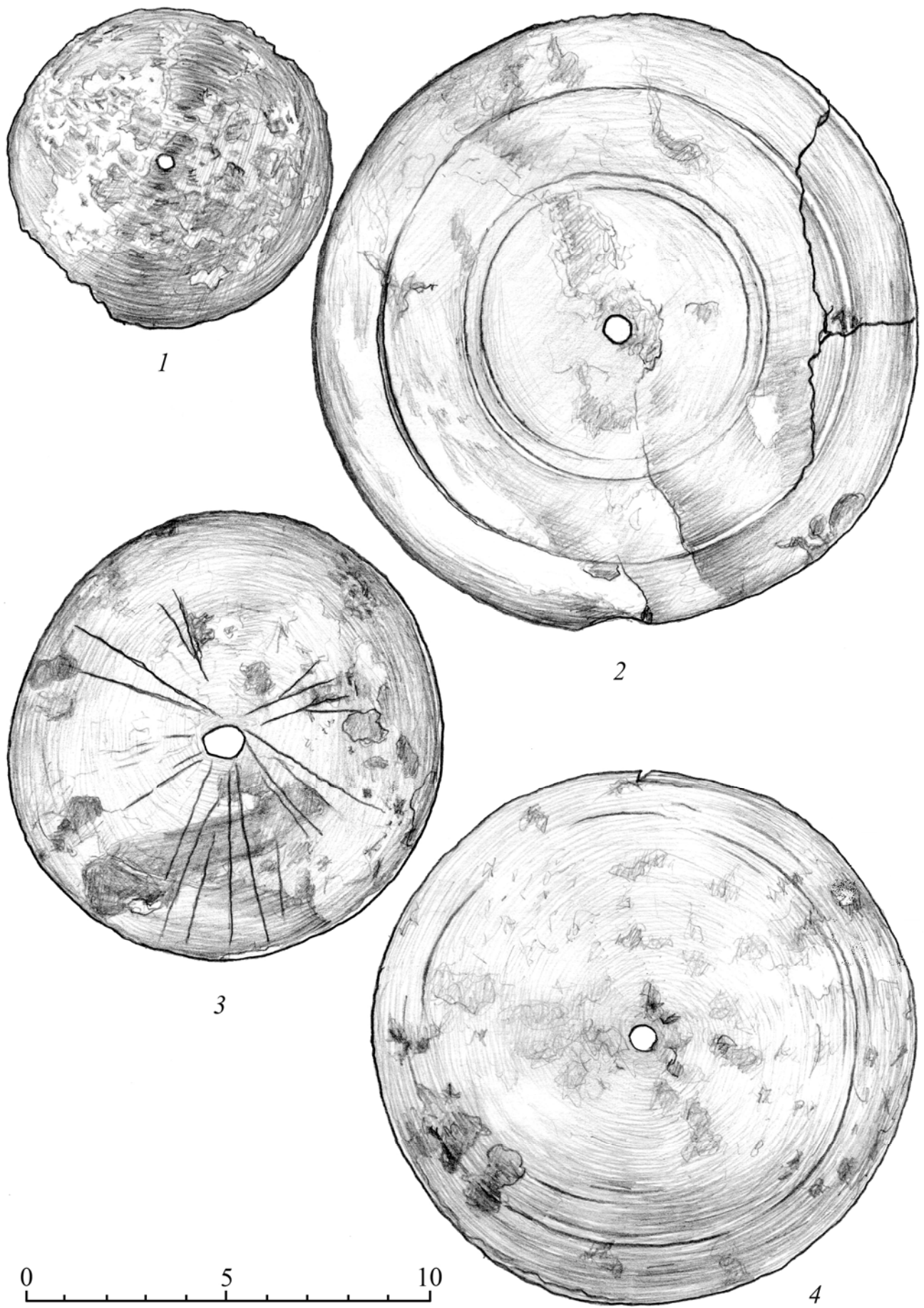

Рис. 39. Пильнинский I могильник.
Бронзовые крупные бляхи

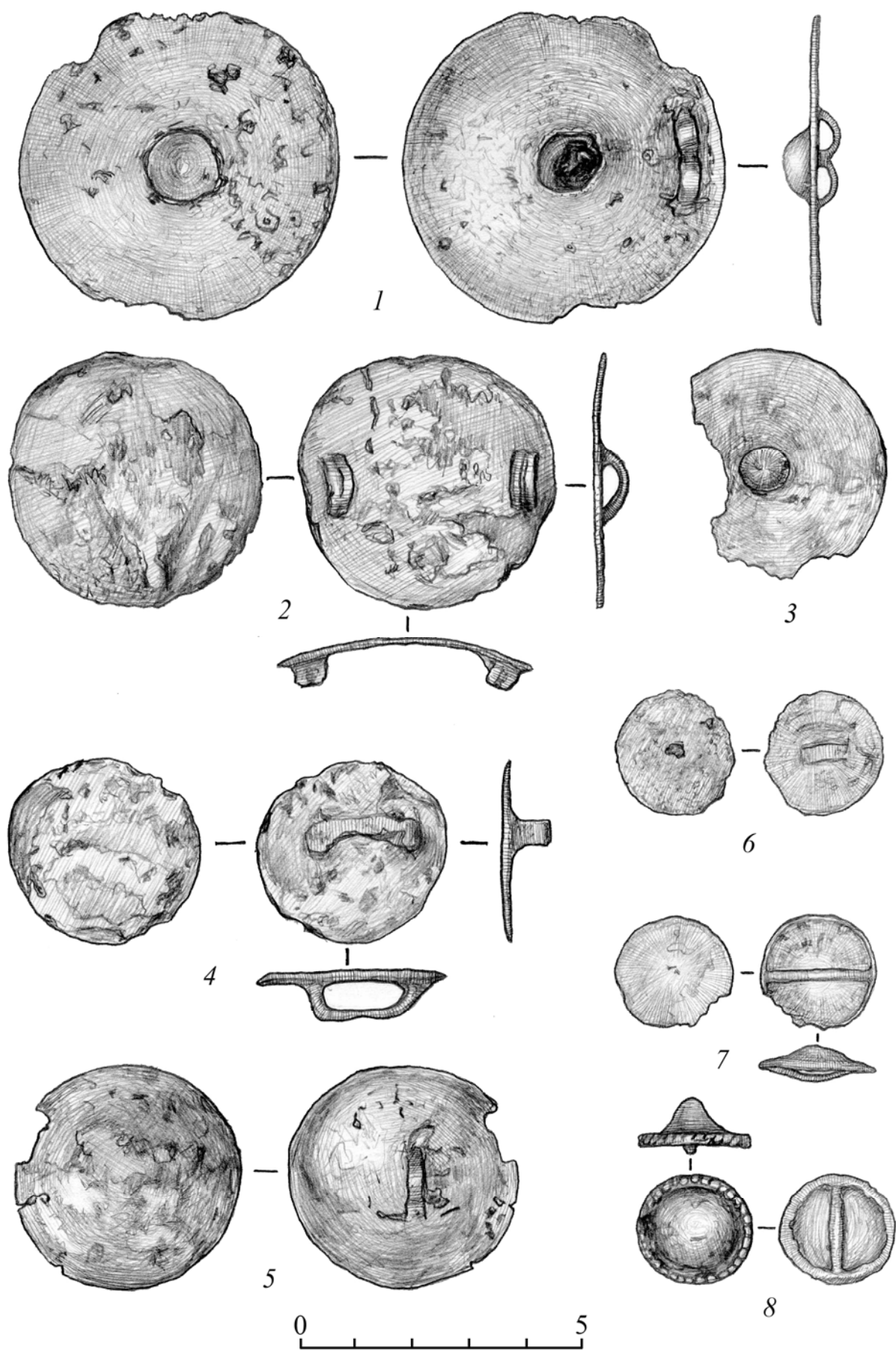

Рис. 40. Пильнинский I могильник.
Бронзовые средние бляхи и мелкие бляшки

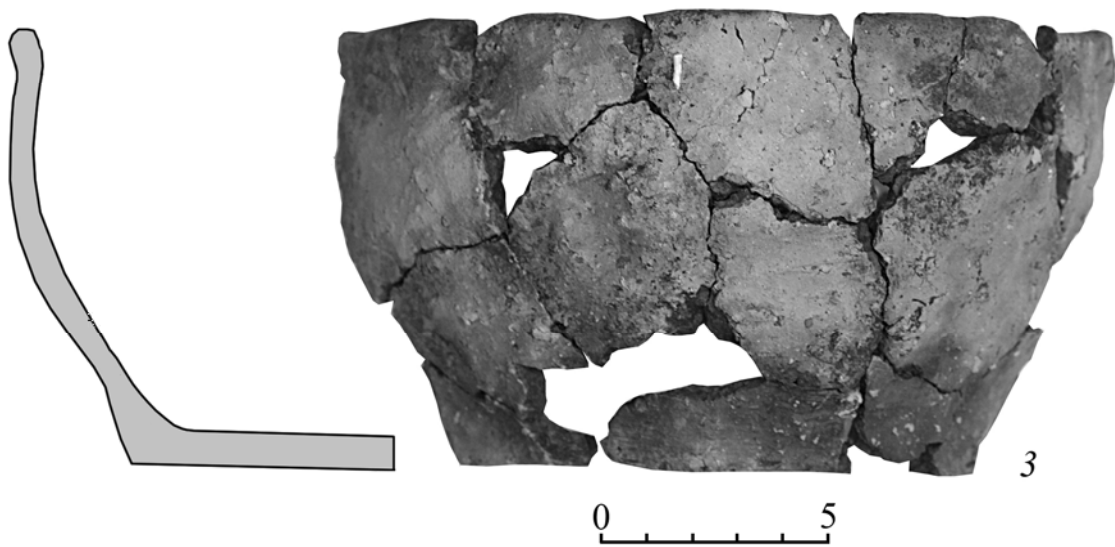
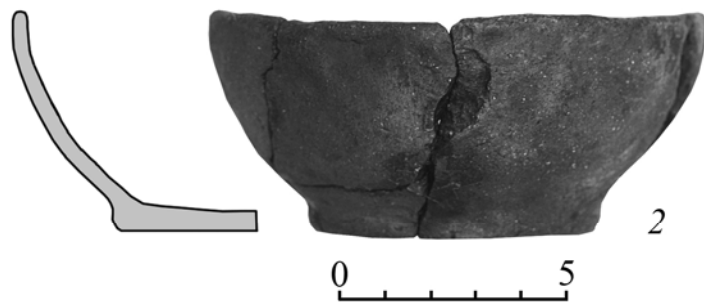
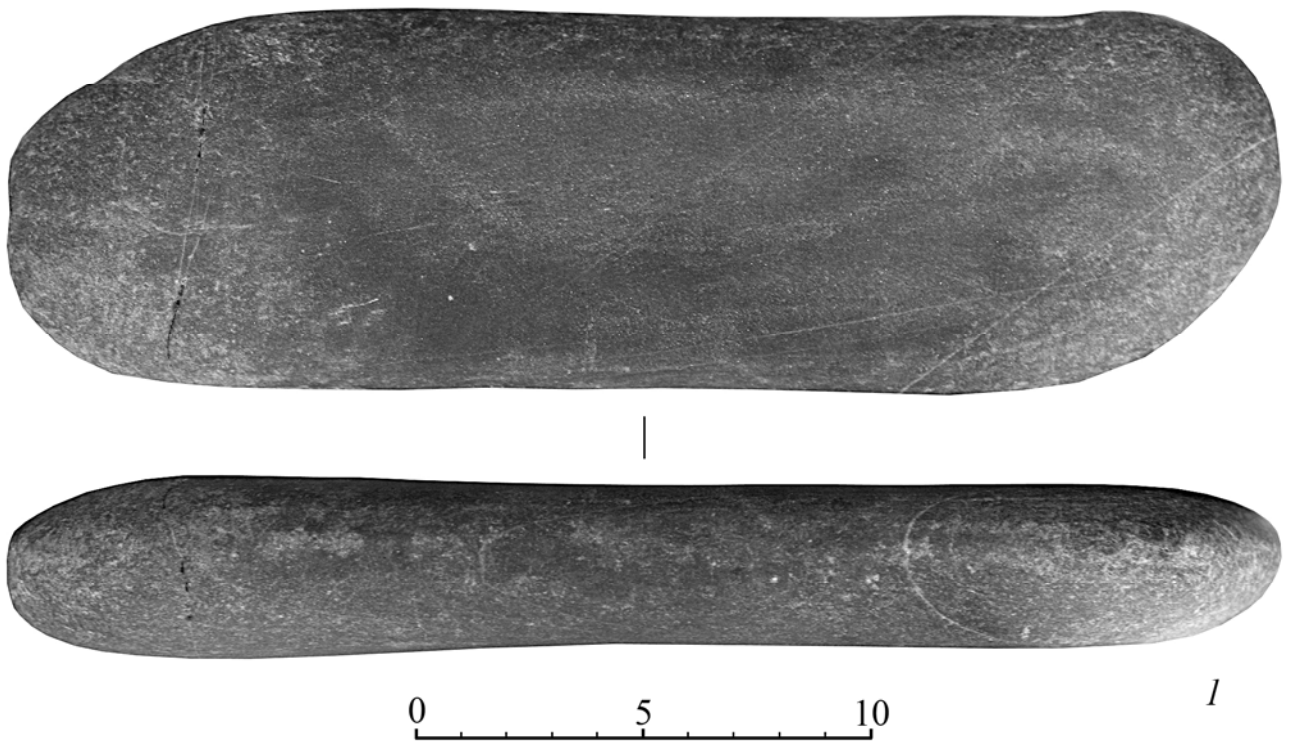

Рис. 41. Пильнинский I могильник.
Точильный камень (1). Керамическая посуда (2, 3)

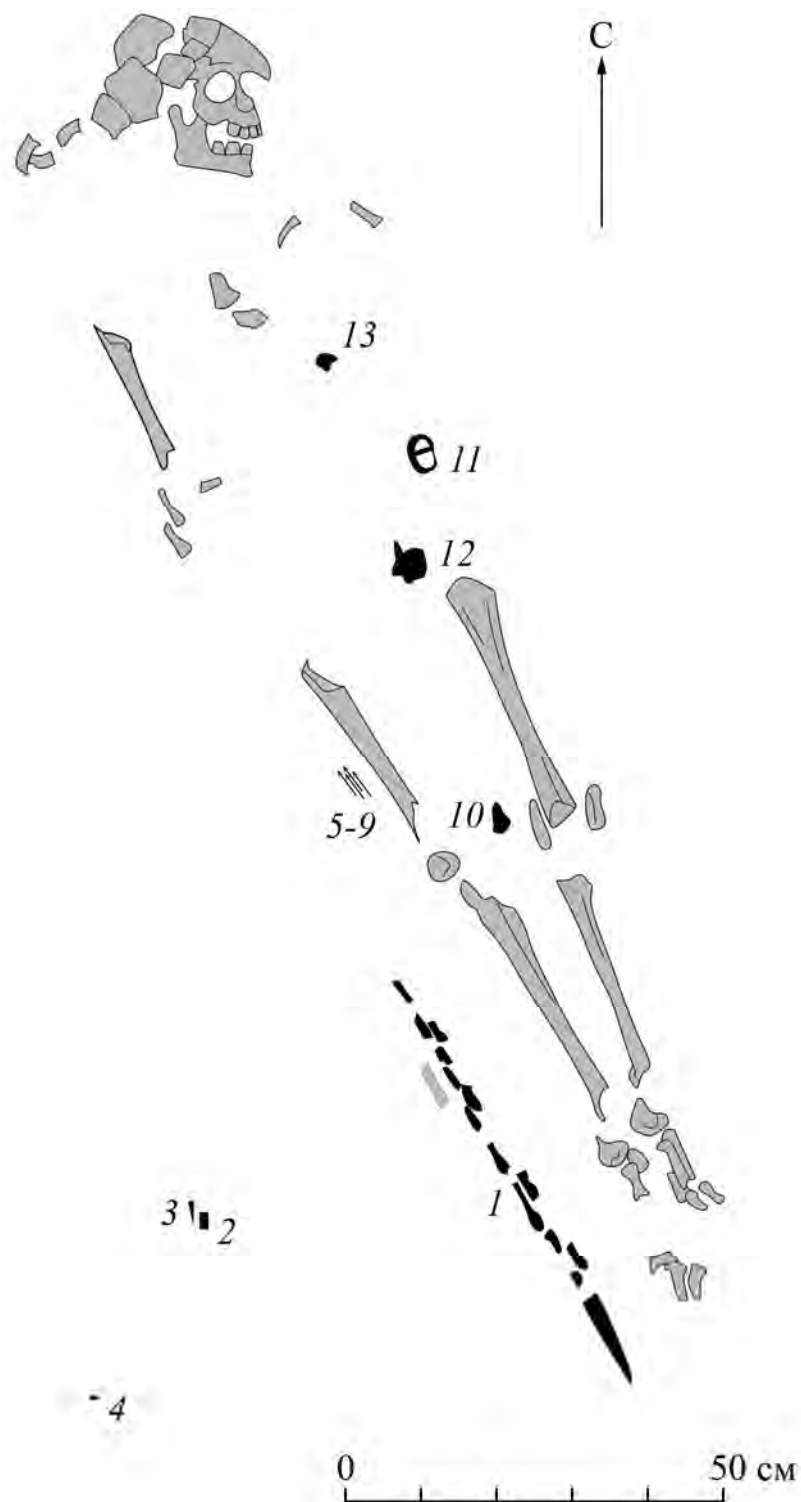

Рис. 42. Пильнинский II могильник. План погребения 1.
 1 – железный меч; 2 – втульчатый наконечник стрелы, 3 – острие костяного трехгранного наконечника стрелы; 4 – стеклянная бусина «с внутренним серебрением»; 5-9 – железные черешковые двушипные наконечники стрел; 10 – венчик лепного керамического сосуда; 11 – бронзовая пряжка с железным язычком; 12 – фрагментированная железная круглая пряжка; 13 – неопределимый фрагмент железного изделия

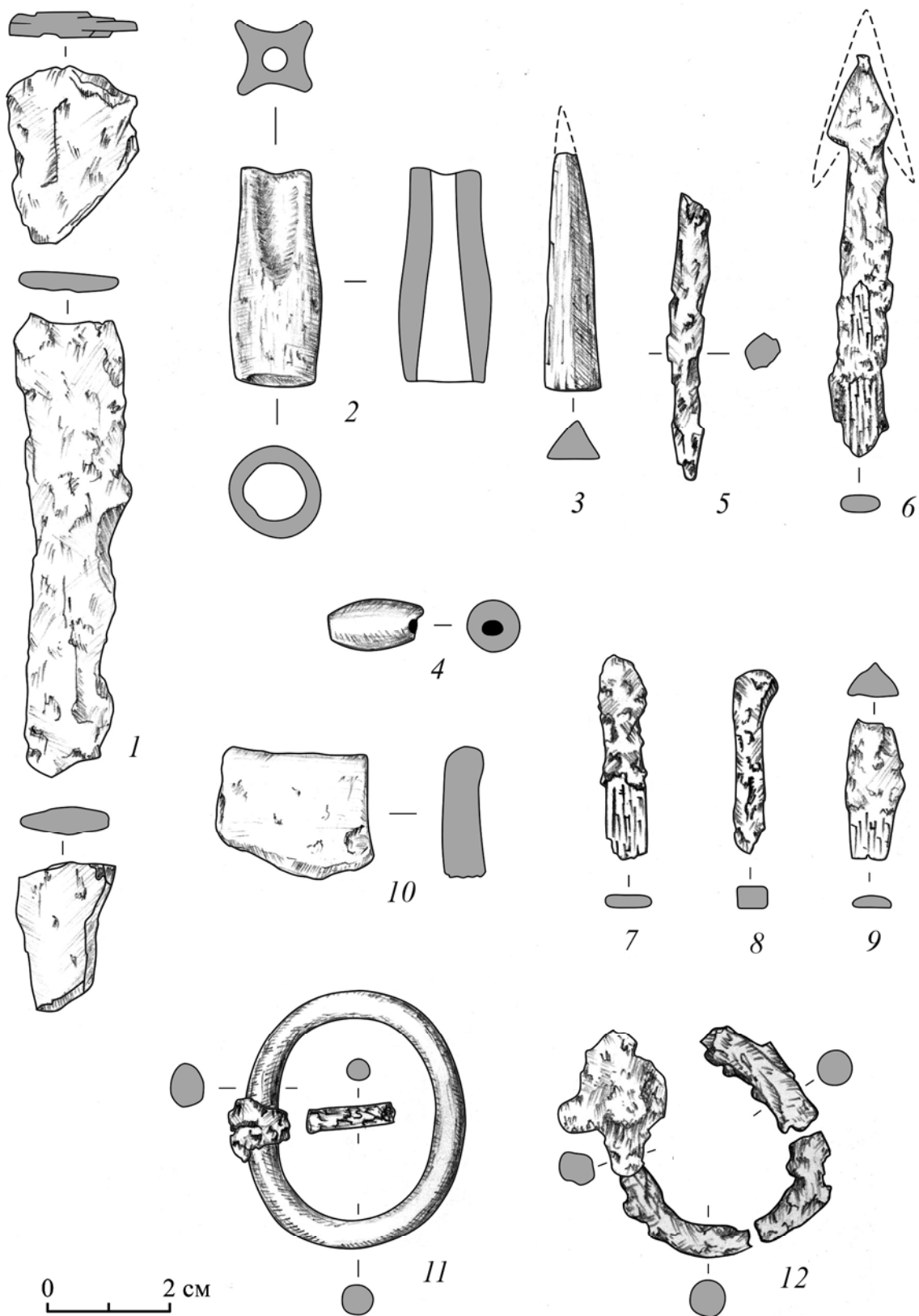

Рис. 43. Пильнинский II могильник. Погребальный инвентарь погребения 1.
 Нумерация вещей соответствует номерам на рис. 42.
 (1, 5-9, 12 – железо; 2, 3 – кость; 4 – стекло; 10 – керамики; 11 – бронза, железо)

Рис. 44. План-схема расположения Писеральского и Климкинского курганных могильников (Горномарийский район, Республика Марий Эл)

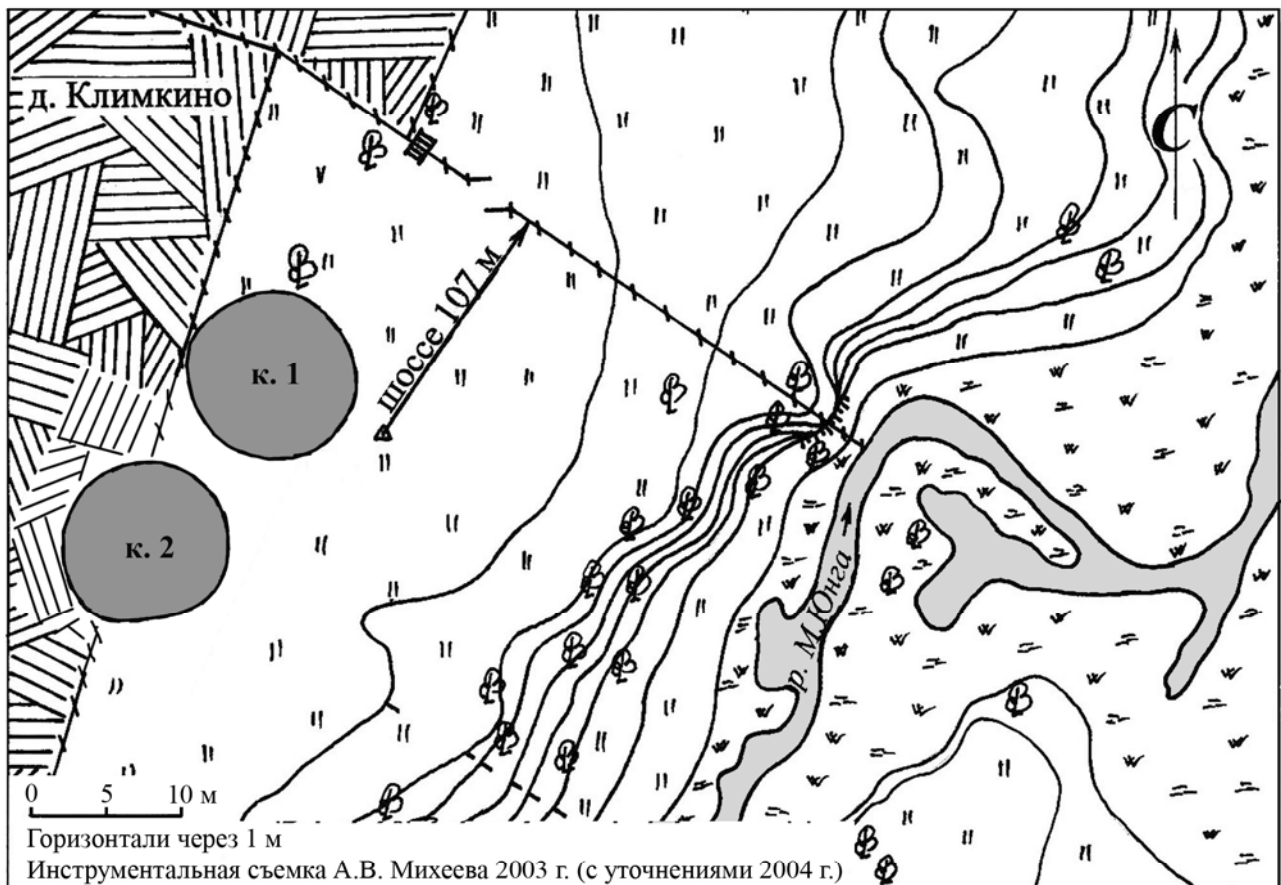

Рис. 45. Топографический план Климкинского курганного могильника

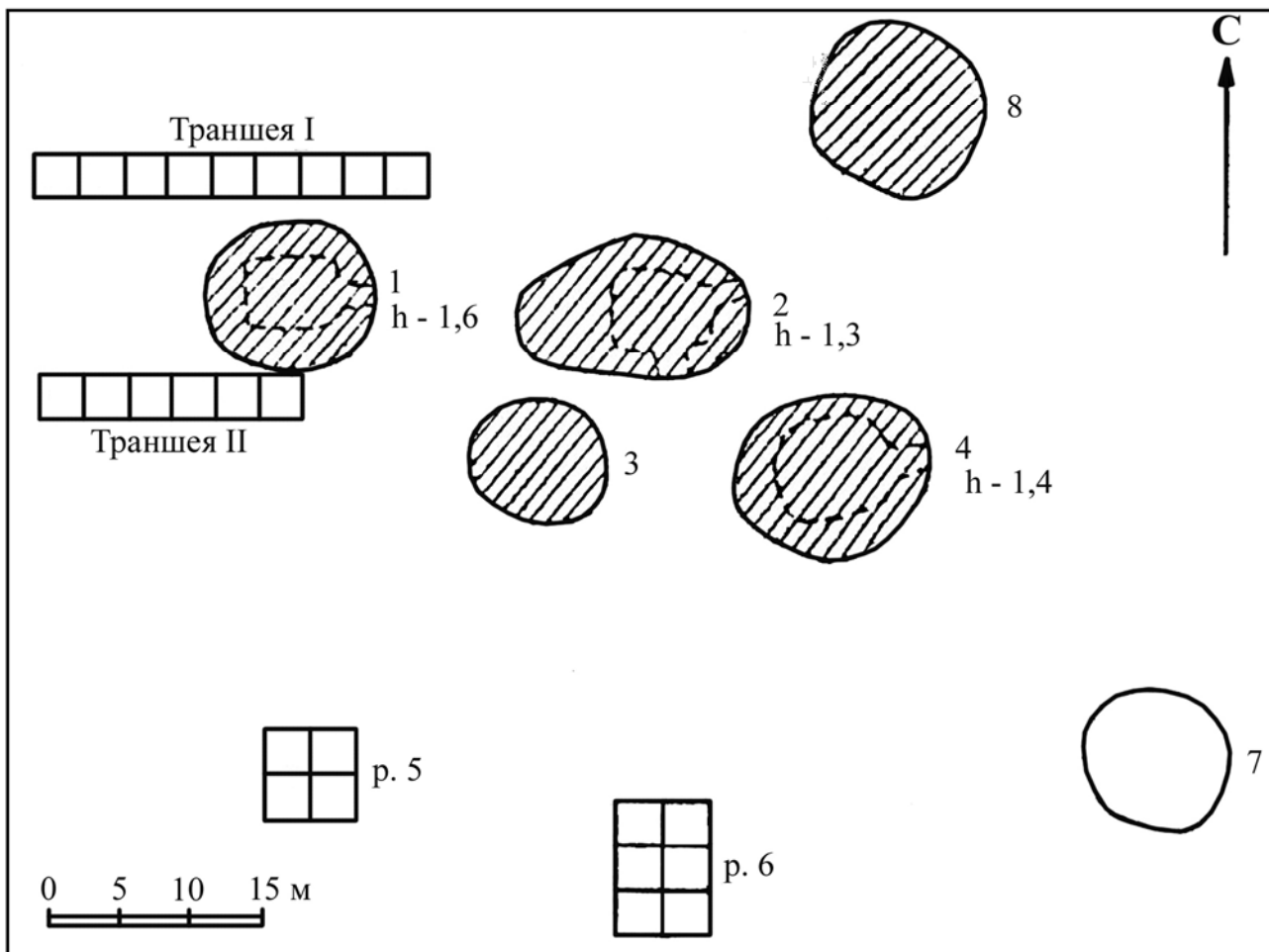

Рис. 46. План-схема расположения исследованных курганов Писеральского могильника (по Халикову 1962, рис. 39)

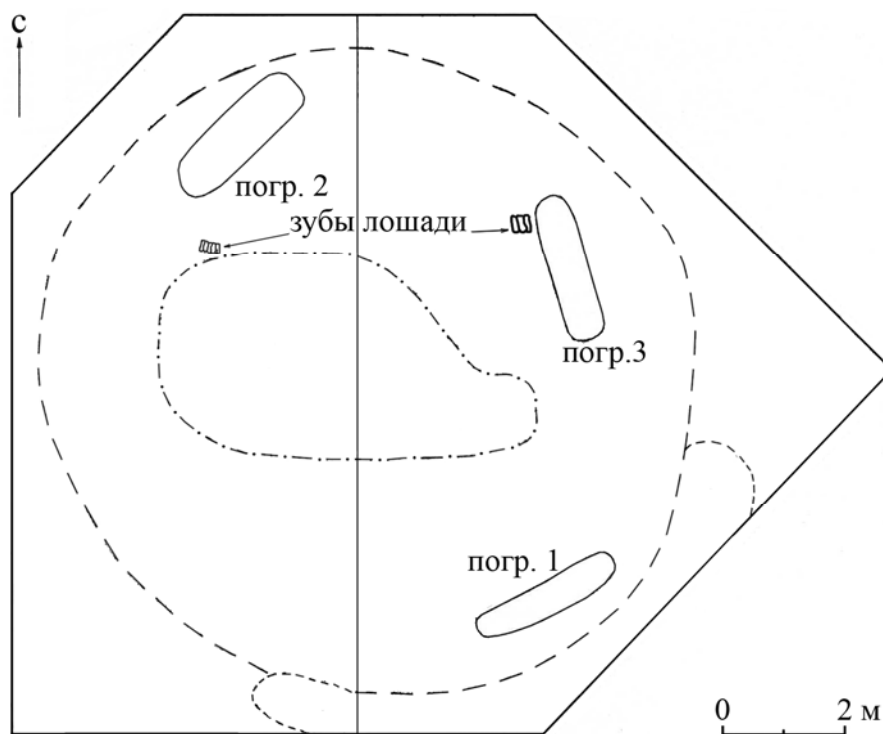

Рис. 47. Писеральский могильник.
План кургана 4

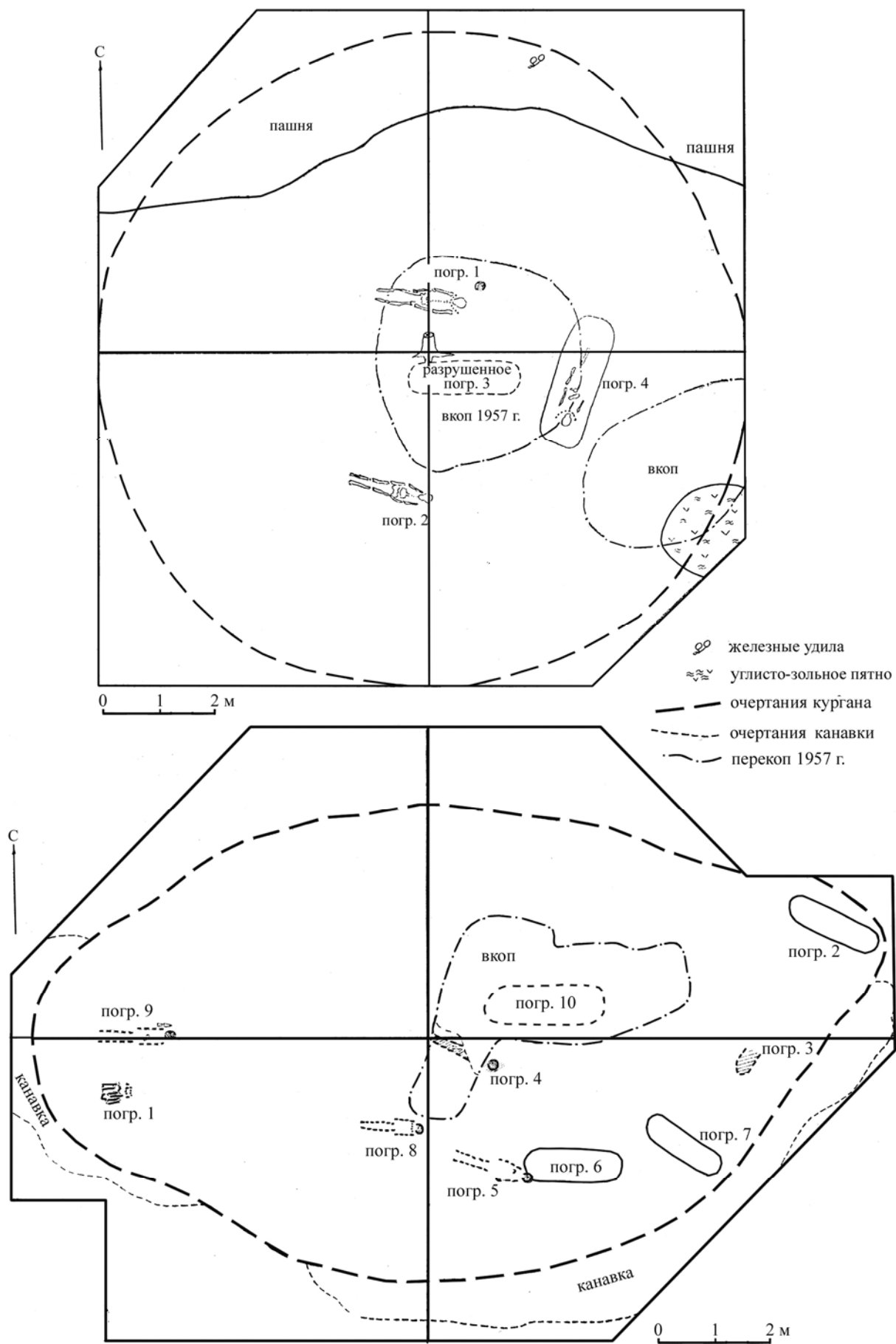

Рис. 48. Писеральский могильник.
 А – план кургана 1; Б – план кургана 2

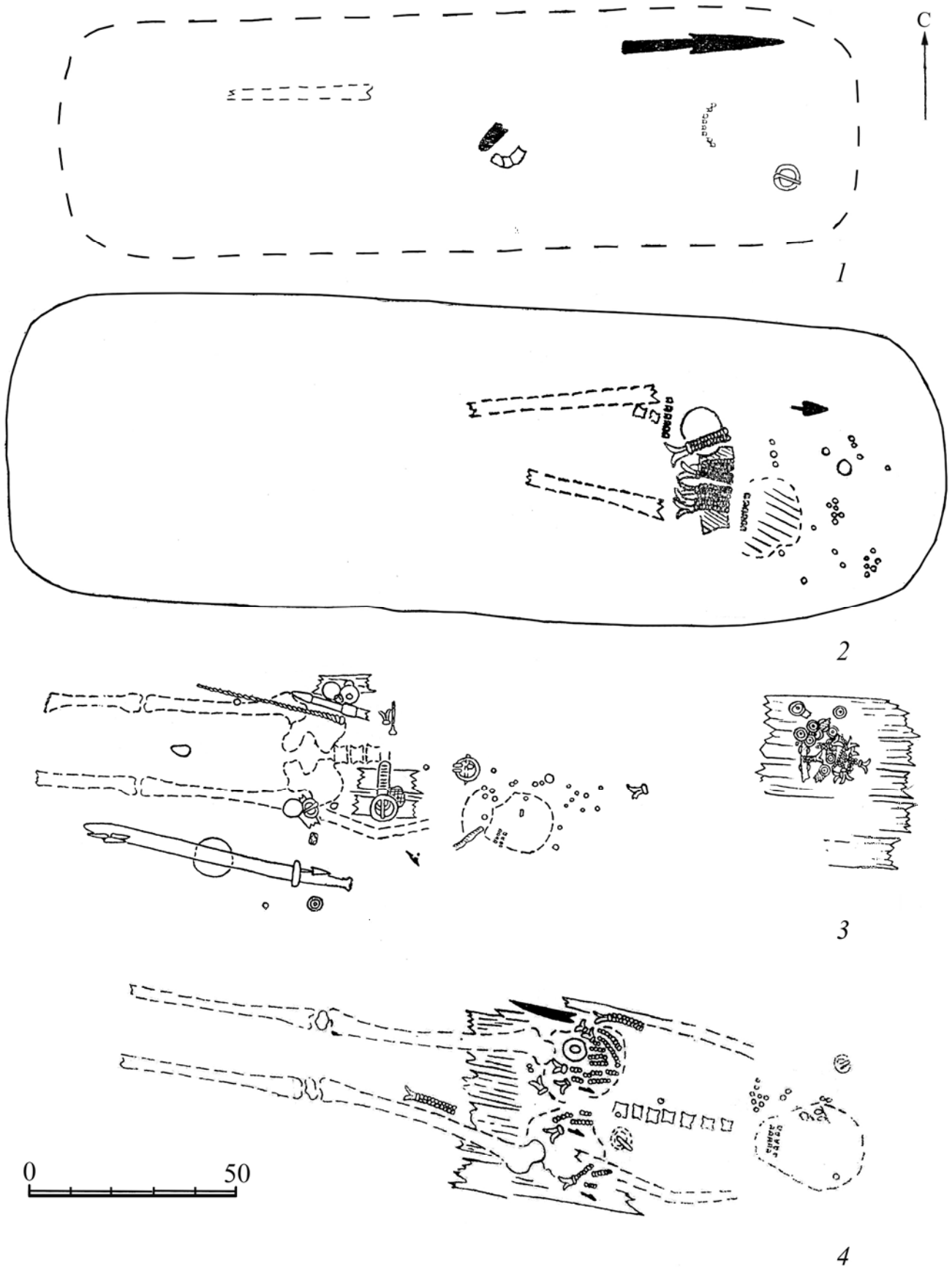

Рис. 49. Писеральский могильник.
Планы погребений.

1 – к. 2, погр. 9; 2 – к. 2, погр. 6; 3 – к. 1, погр. 1; 4 – к. 1, погр. 2

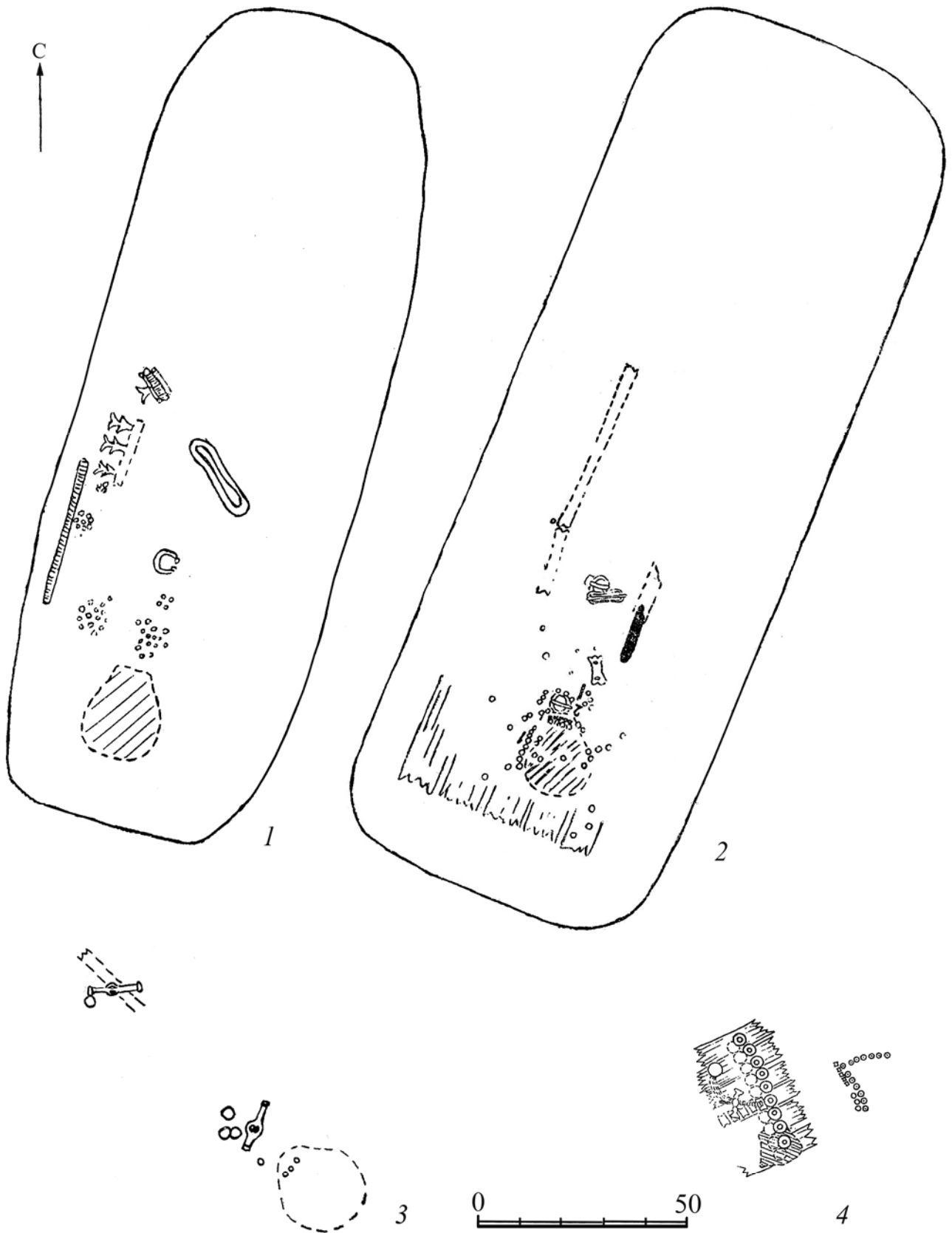

Рис. 50. Писеральский могильник.

Планы погребений.

1 – к. 8, погр. 2; 2 – к. 1, погр. 4; 3 – к.8, погр. 1; 4 – к. 2, погр. 1

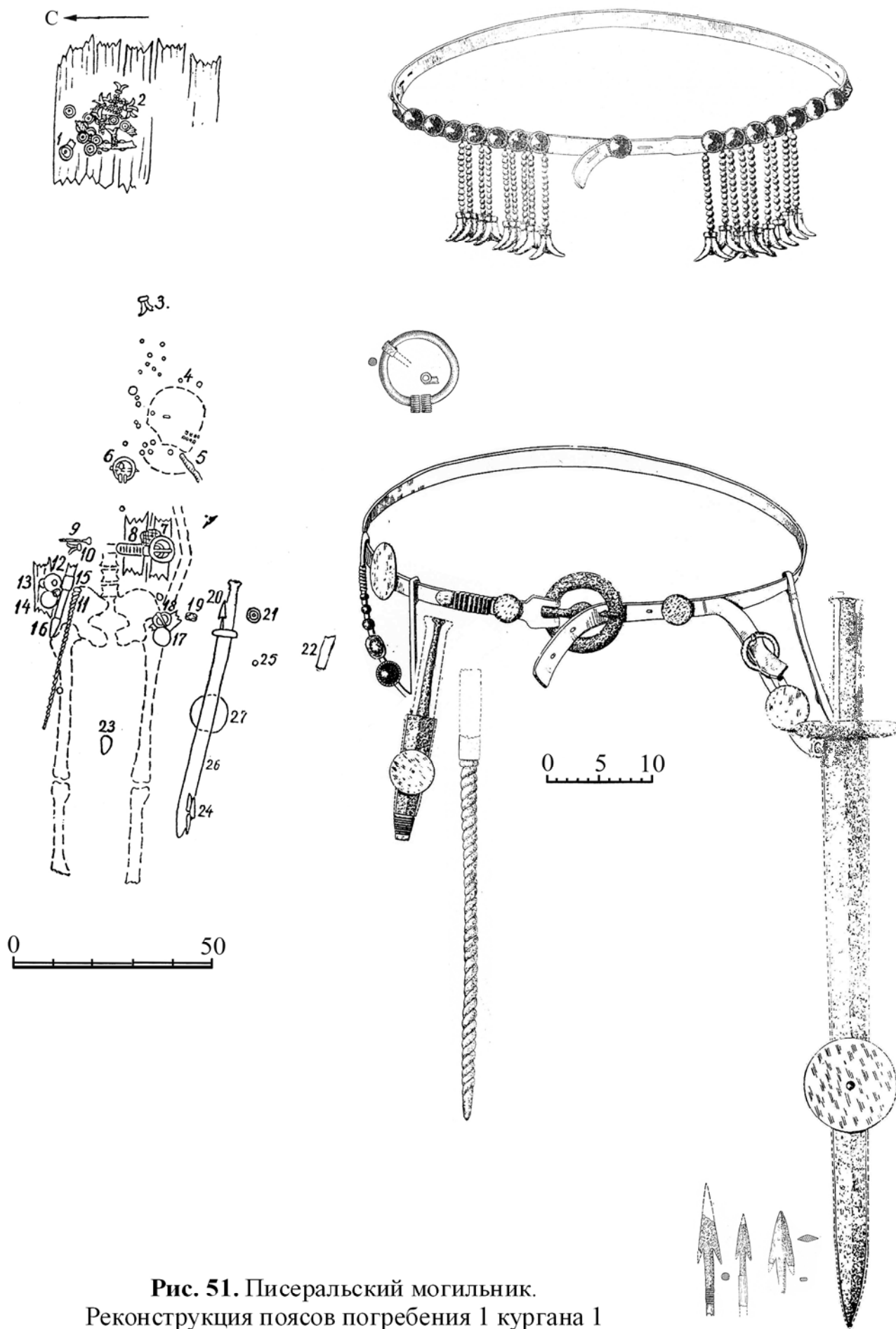

Рис. 51. Писеральский могильник.
 Реконструкция поясов погребения 1 кургана 1
 (по Халикову 1962, табл. XXIII-1, 3)

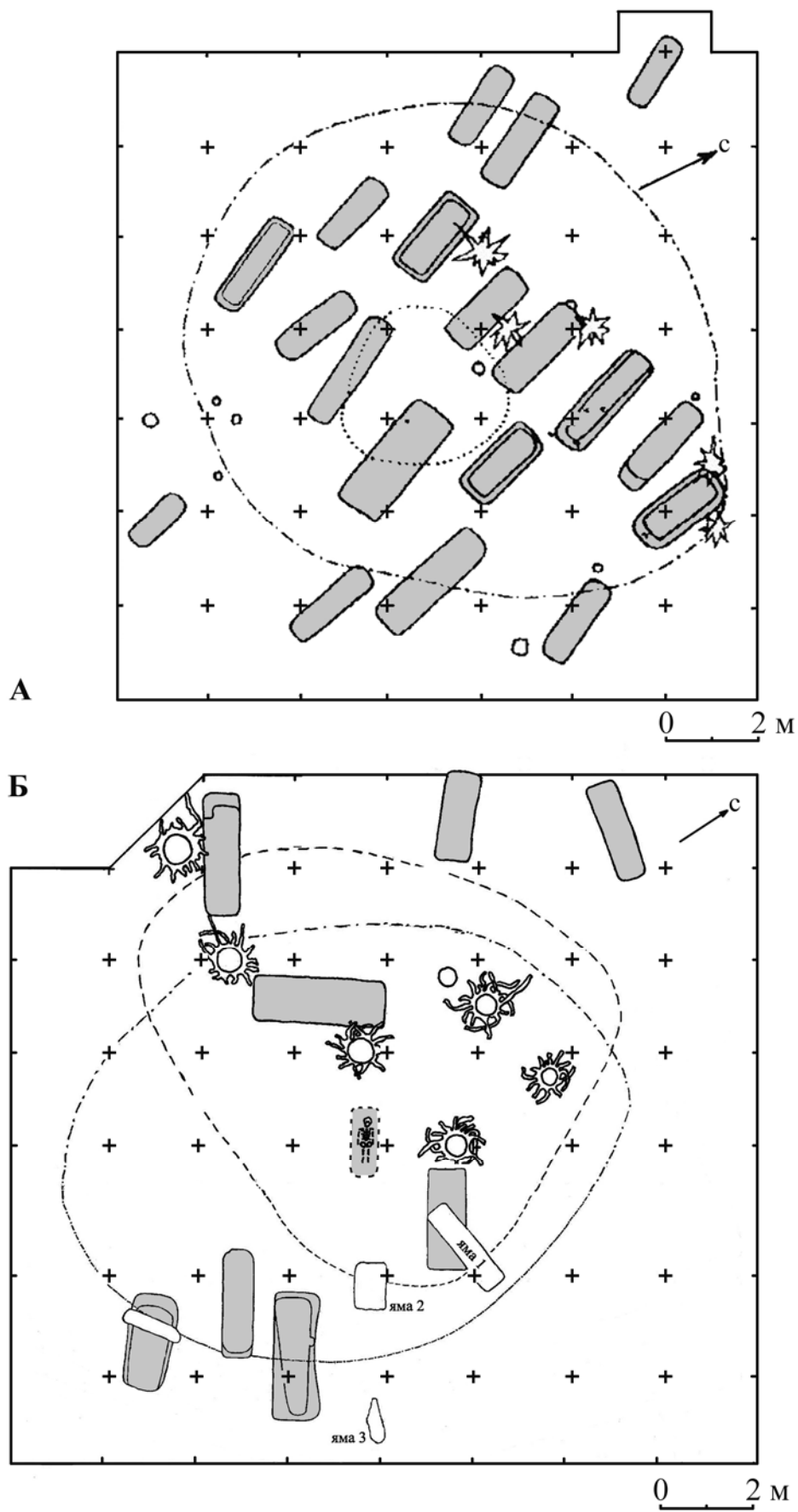

Рис. 52. Планы раскопов Климкинского курганного могильника.
 А – курган 1 (по Архипову, Шадрину 1995, рис. 2);
 Б – курган 2 (по Михееву 2005, рис. 45)

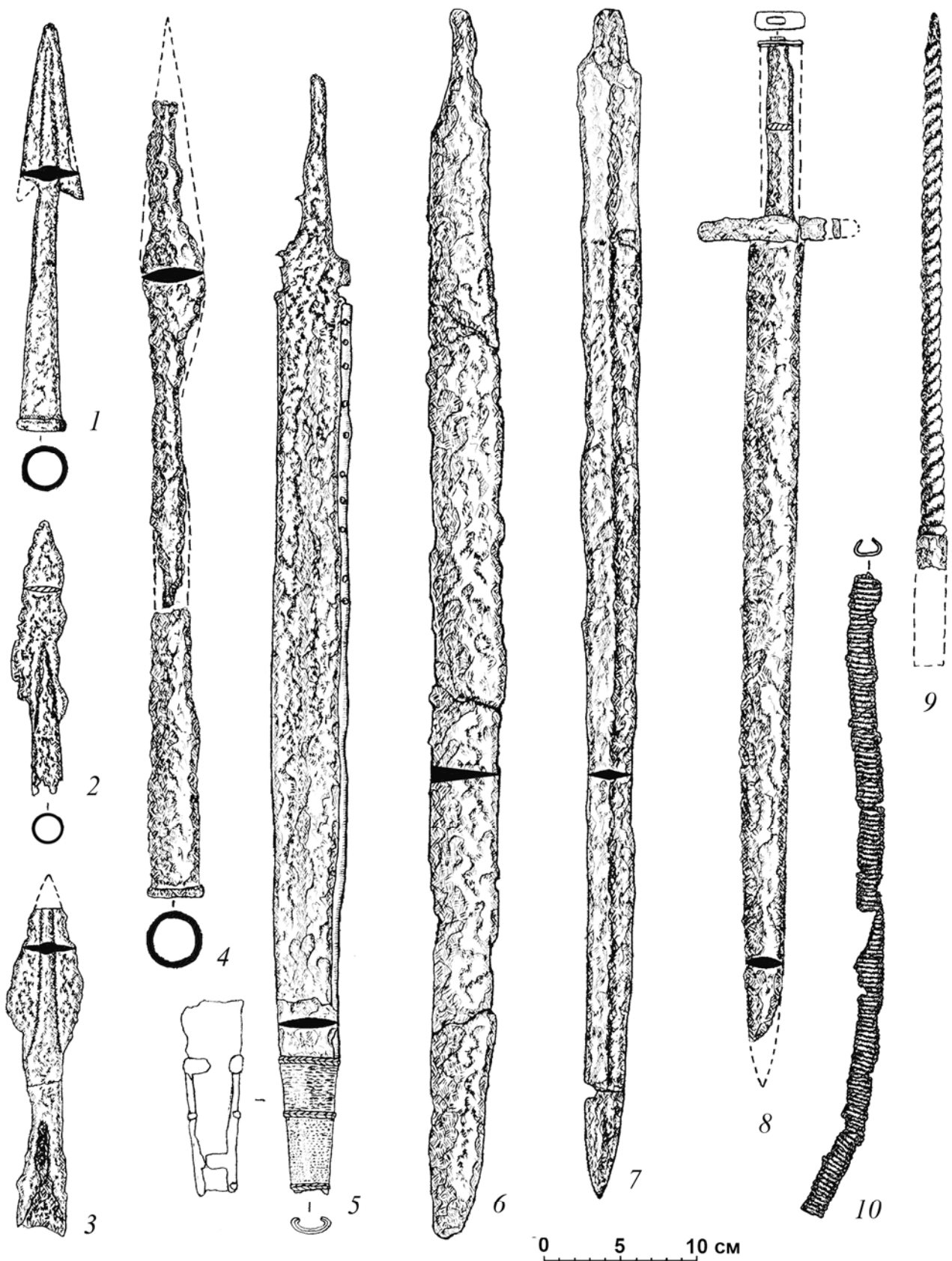

Рис. 53. Писеральский и Климкинский курганные могильники.

Клинковое и древковое оружие.

- 1 – Писералы, к.2, погр. 9; 2 – Климкино, к.2, насыпь; 3 – Климкино, к.1, погр 5;
 4, 7 – Писералы, к. 2, погр. 10; 5 – Климкино, к. 1, погр. 18; 6 – Климкино, к. 1,
 погр. 13; 8, 9 – Писералы, к.1, п.1; 10 – Климкино, к.2, погр. 5.
 (1-4, 6-8 – железо; 5 – железо, бронза; 9 – железо, кость; 10 – бронза)

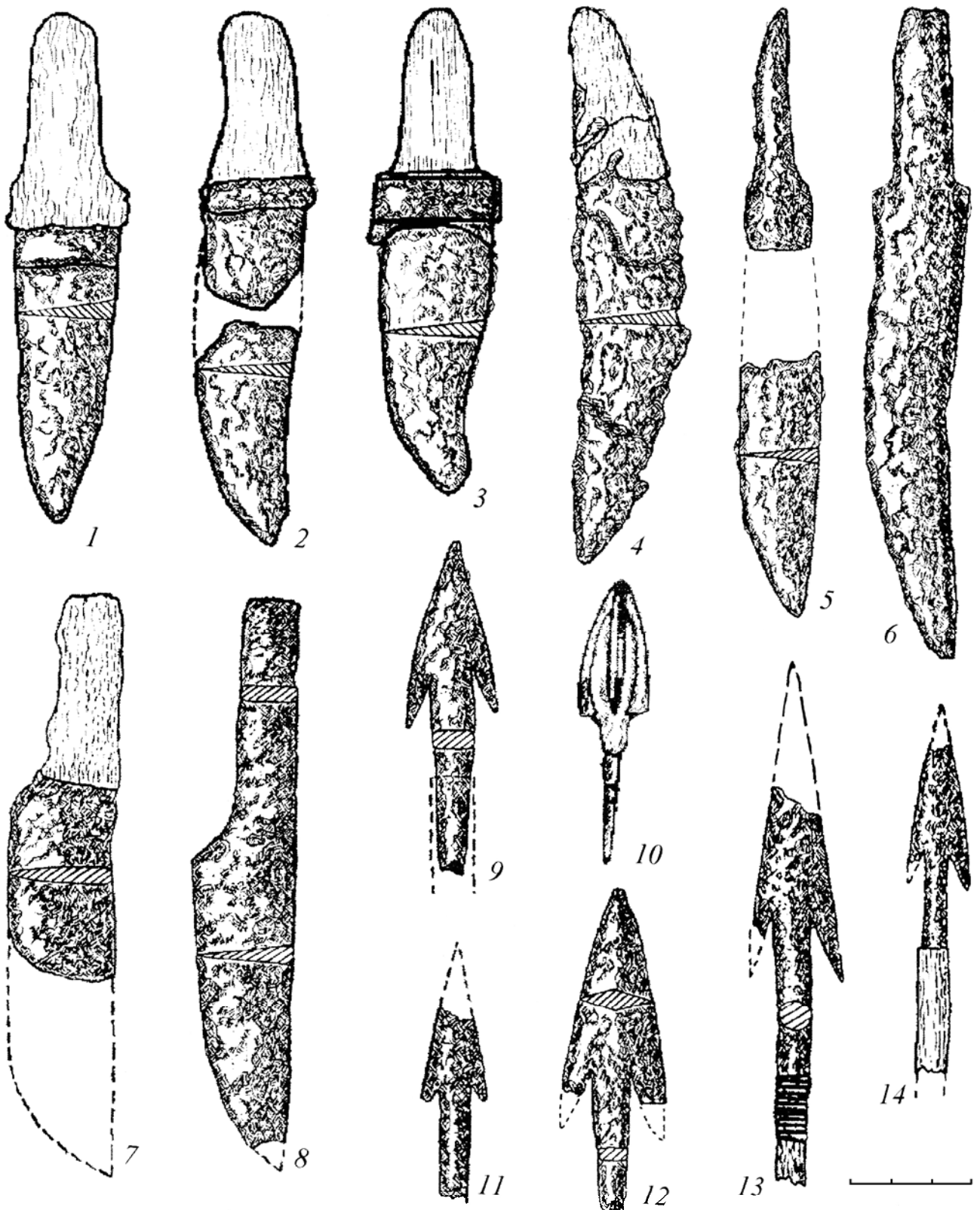

Рис. 54. Писеральский и Климкинский курганные могильники.

Ножи, железные наконечники стрел.

- 1, 10 – Климкино, к. 1, погр. 5; 2 – Климкино, к. 1, погр. 3; 3 – Климкино, к. 1, погр. 2; 4 – Климкино, к. 2, погр. 4; 5 – Климкино, к. 1, п. 13; 6 – Писералы, к. 1, погр. 4; 7, 9 – Писералы, к. 4, погр. 3; 8 – Писералы, к. 4, погр. 1; 11, 13, 14 – Писералы, к. 1, погр. 1; 12 – Писералы, к. 2, погр. 6

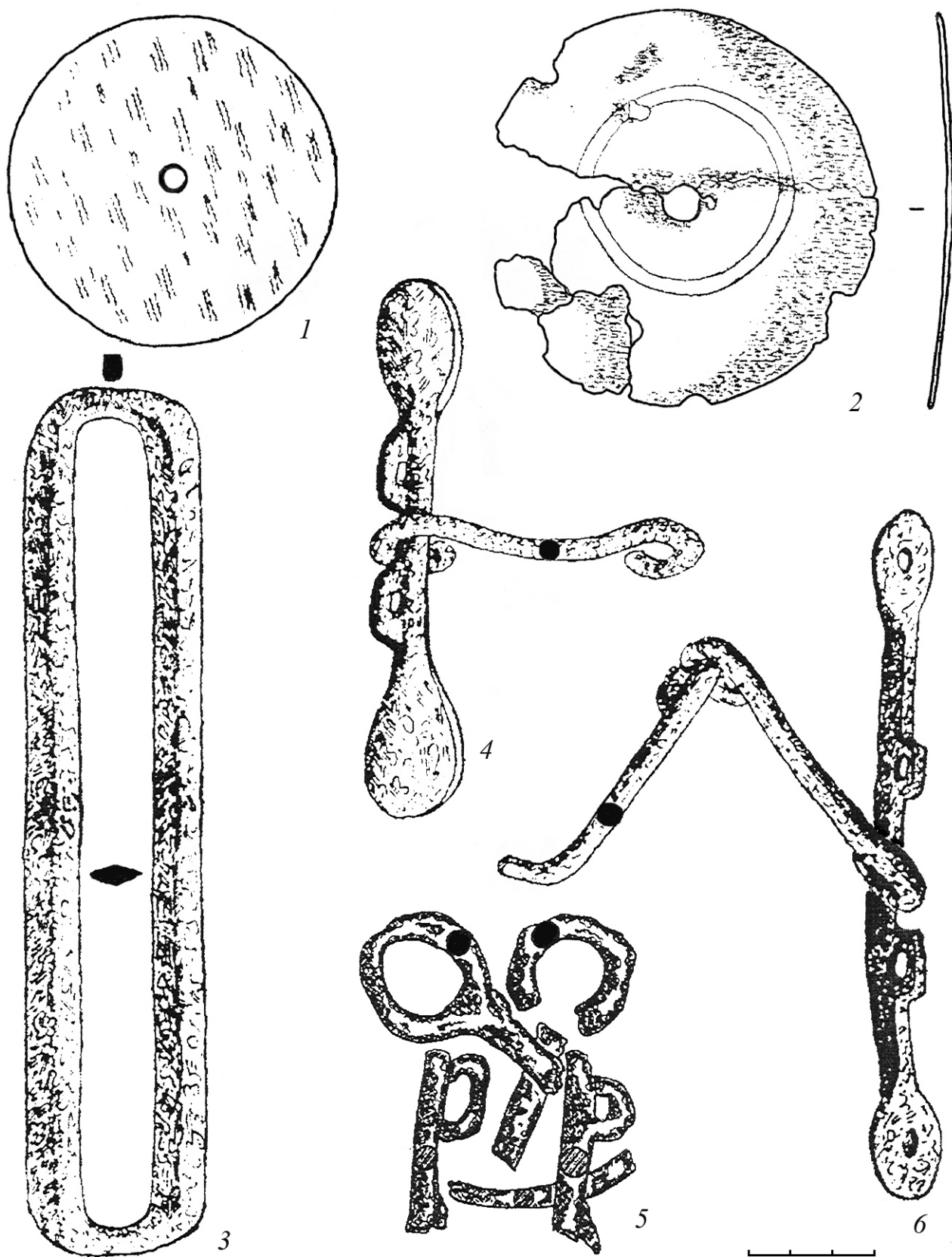

Рис. 55. Писеральский и Климкинский курганные могильники.

Бронзовые крупные бляхи, железные удила, скобель.

1 – Писералы, к. 1, погр. 1; 2 – Климкино, к. 1, погр. 18; 3 – Писералы, к. 8, погр. 2; 4 – Писералы, к. 4, центральное разрушенное погр.;

5 – Климкино, к. 1, погр. 18; 6 – Писералы, к. 1, погр. 3.

(1, 2 – бронза; 3-6 – железо)

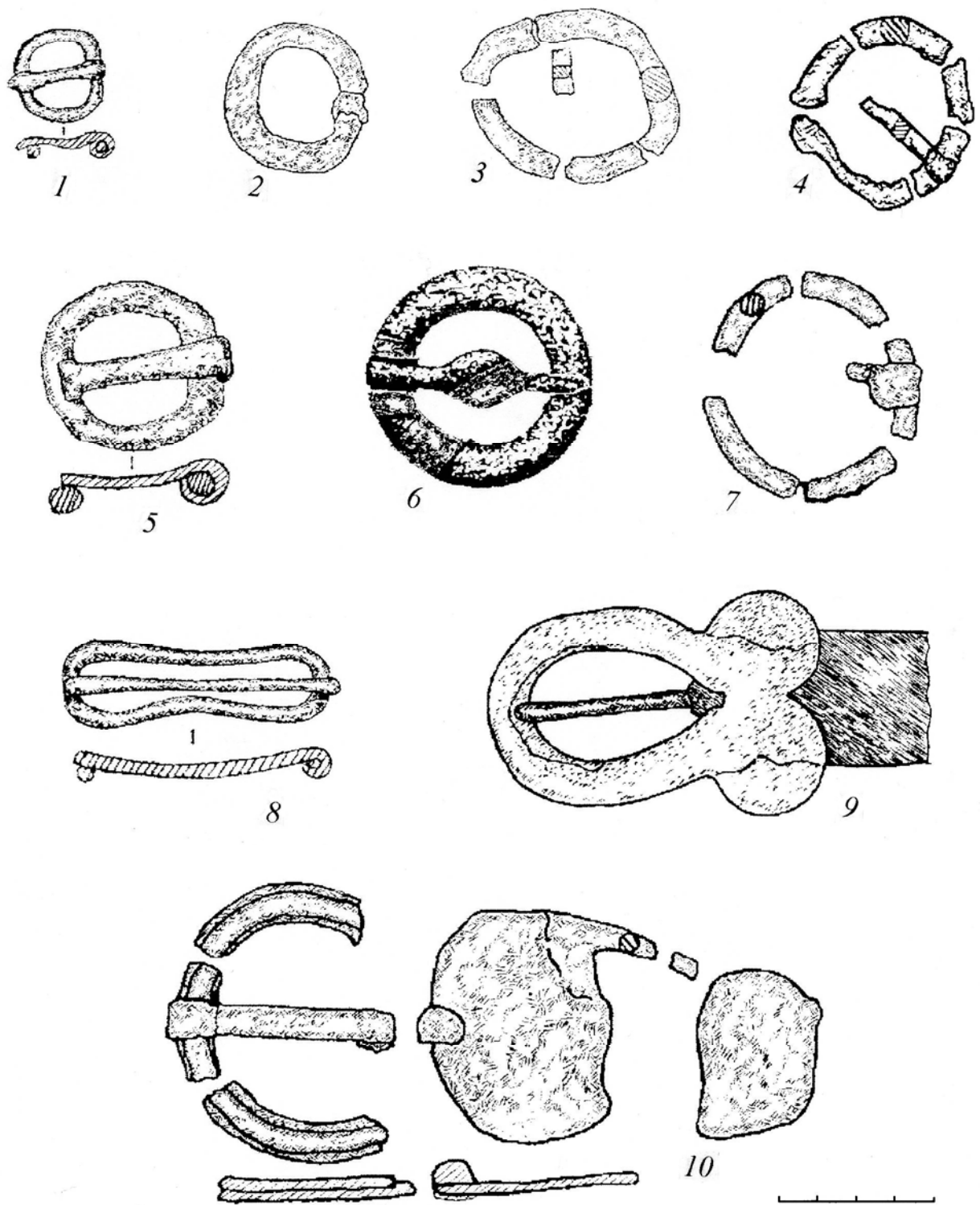

Рис. 56. Писеральский и Климкинский курганные могильники.
Пряжки.

1 – Писералы, к. 4, погр. 3; 2 – Климкино, к. 1, погр. 18; 3 – Климкино, к. 1, погр. 13; 4 – Климкино, к. 1, погр. 3; 5, 8 – Писералы, к.1, погр. 4; 6 – Писералы, к. 1, погр. 1; 7 – Климкино, к. 1, погр. 7; 9 – Климкино, к. 1, погр. 15; 10 – Климкино, к. 1, погр. 6

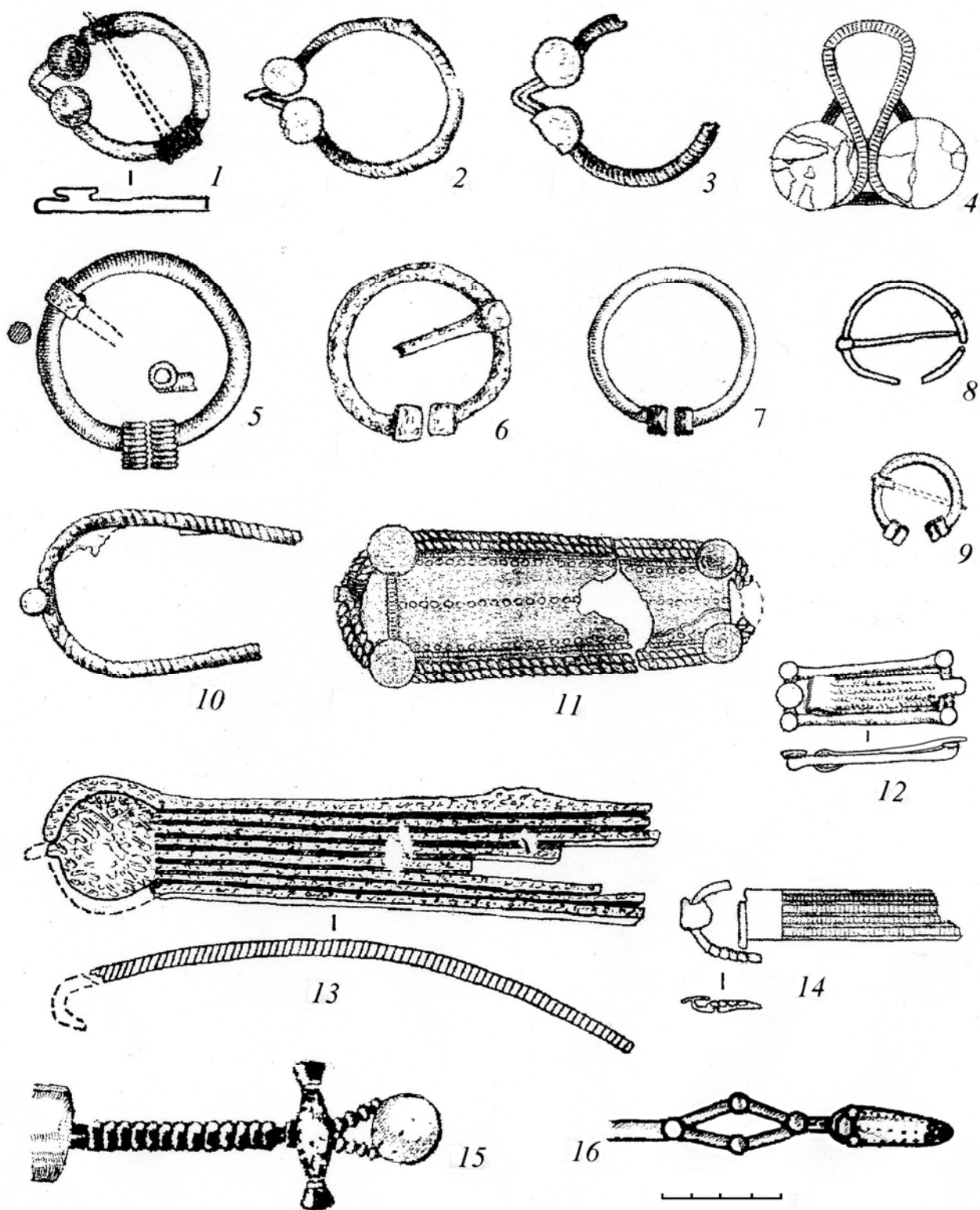

Рис. 57. Писеральский и Климкинский курганные могильники.

Сюльгамы, застежки.

- 1 – Климкино, к. 2, насыпь; 2, 12 – Писералы, к. 8, погр. 2; 3 – Писералы, к. 2, погр. 3; 4 – Климкино, к. 1, погр. 12; 5 – Писералы, к. 1, погр. 1; 6 – Писералы, к. 2, погр. 9; 7 – Писералы, к. 4, погр. 3; 8 – Климкино, к. 1, погр. 17; 9 – Писералы, к. 1, погр. 2; 10 – Писералы, к. 1, погр. 3; 11, 16 – Климкино, к. 1, погр. 5; 13 – Писералы, к. 2, погр. 10; 14 – Климкино, к. 1, погр. 13; 15 – Писералы, к. 2, погр. 1
(6, 13 – железо; 15, 16 – бронза, кожа; остальное – бронза)

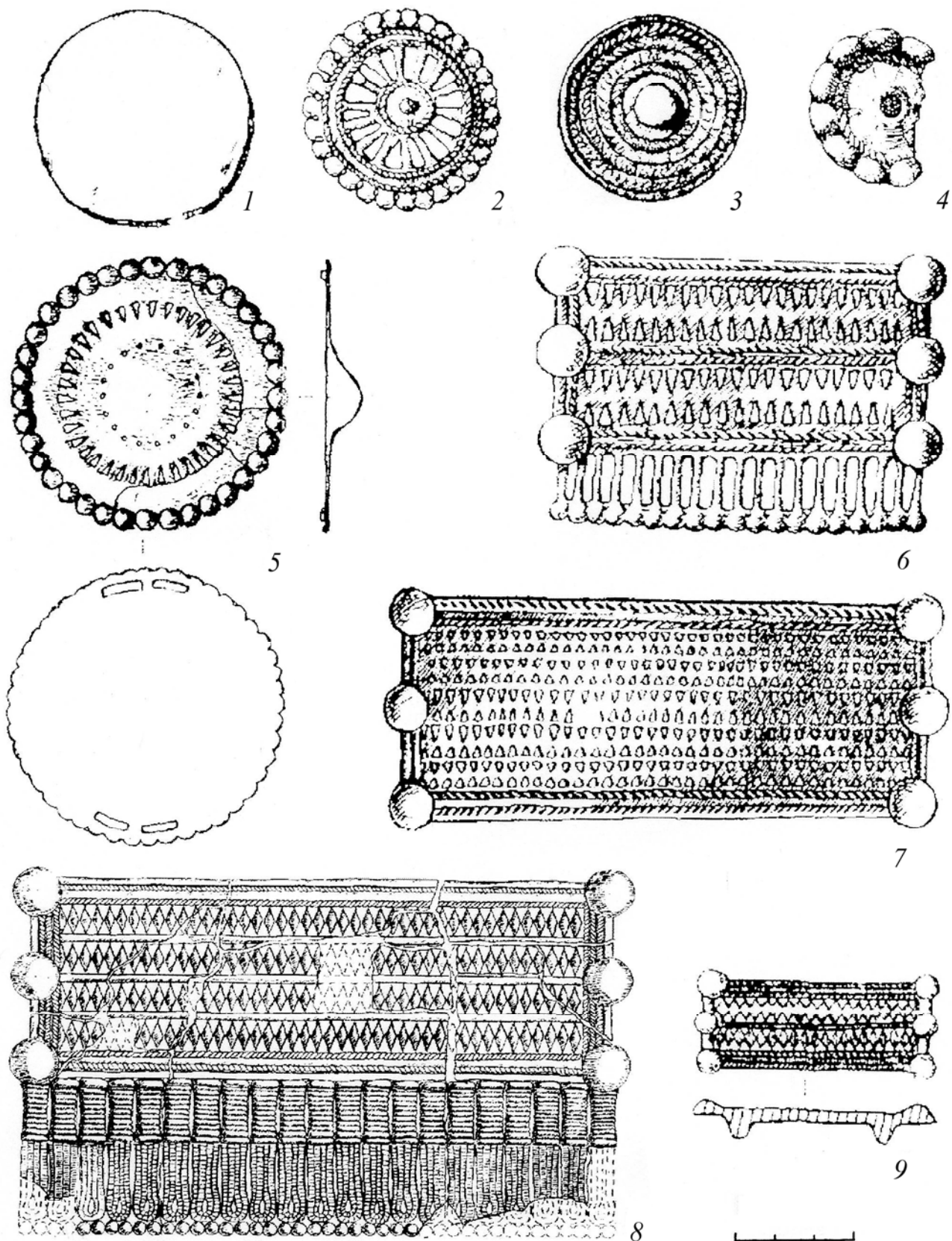

Рис. 58. Писеральский и Климкинский курганные могильники.
Нагрудные бляхи, броши.

1 – Писералы, к. 2, погр. 6; 2 – Писералы, к. 4, погр. 2; 3 – Писералы, к. 1, погр. 2; 4 – Писералы, к. 8, погр. 2; погр. 4; 5 – Климкино, к. 2, погр. 1; 6 – Писералы, к. 8, погр. 1; 7 – Писералы, к. 1, погр. 3; 8 – Климкино, к. 1, погр. 5; 9 – Писералы, к. 1, погр. 4

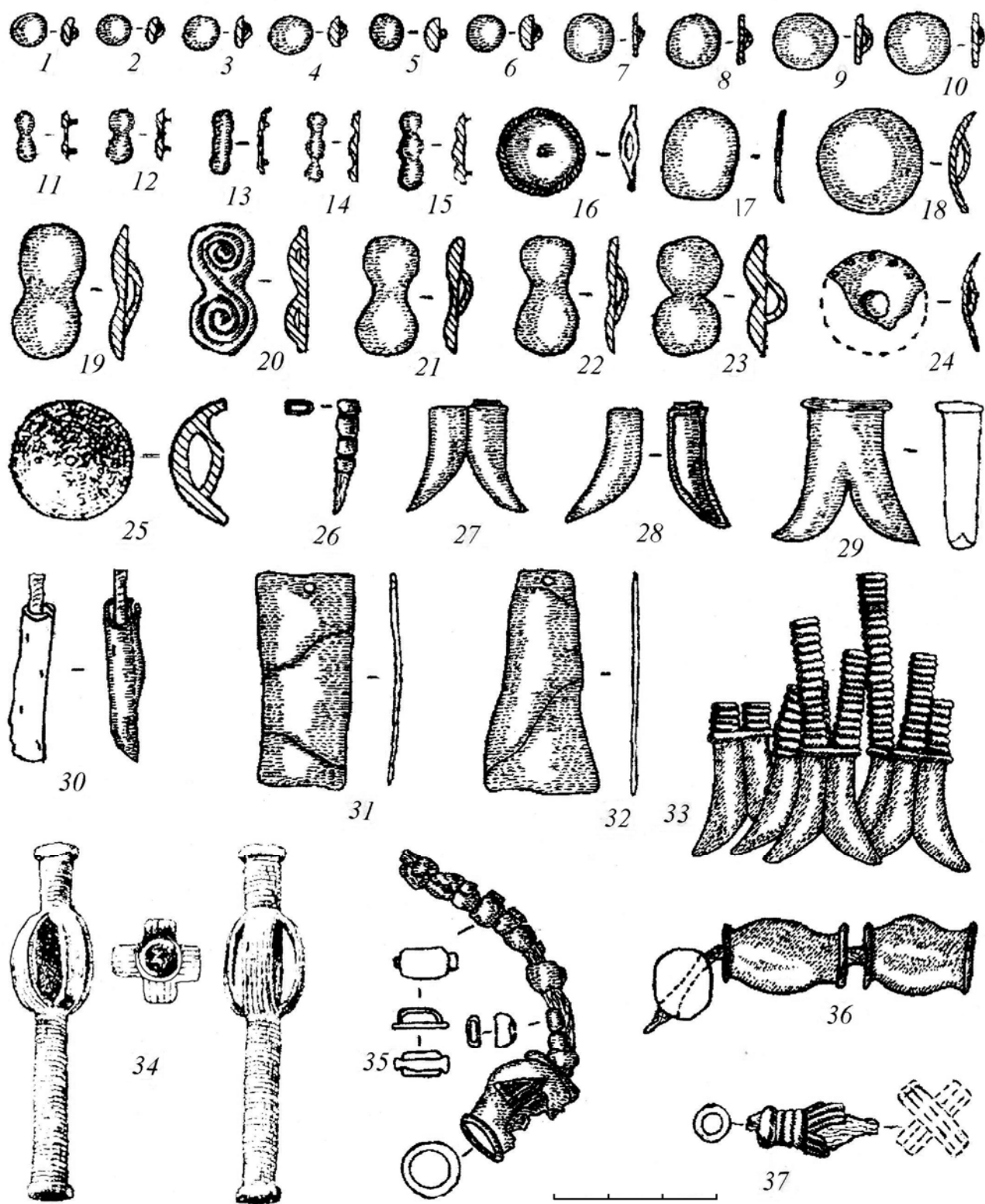

Рис. 59. Писеральский и Климкинский курганные могильники.
Накладки, подвески, пронизи.

- 1, 2, 18, 24, 26-28 – Климкино, к. 1, погр. 5; 3, 4, 30 – Климкино, к. 1, погр. 14;
 5, 7, 10, 31, 32 – Климкино, к. 1, погр. 15; 6, 16 – Климкино, к. 2, погр. 1;
 11, 12, 14, 15 – Климкино, к. 1, погр. 8; 13, 17, 19, 22, 35-37 – Климкино, к. 1,
 погр. 12; 20, 25 – Писералы, к. 4, погр. 2; 23 – Климкино, к. 2, насыпь;
 29 – Климкино, к. 1, погр. 16; 33 – Климкино, к. 1, погр. 18;
 34 – Писералы, к. 8, погр. 1

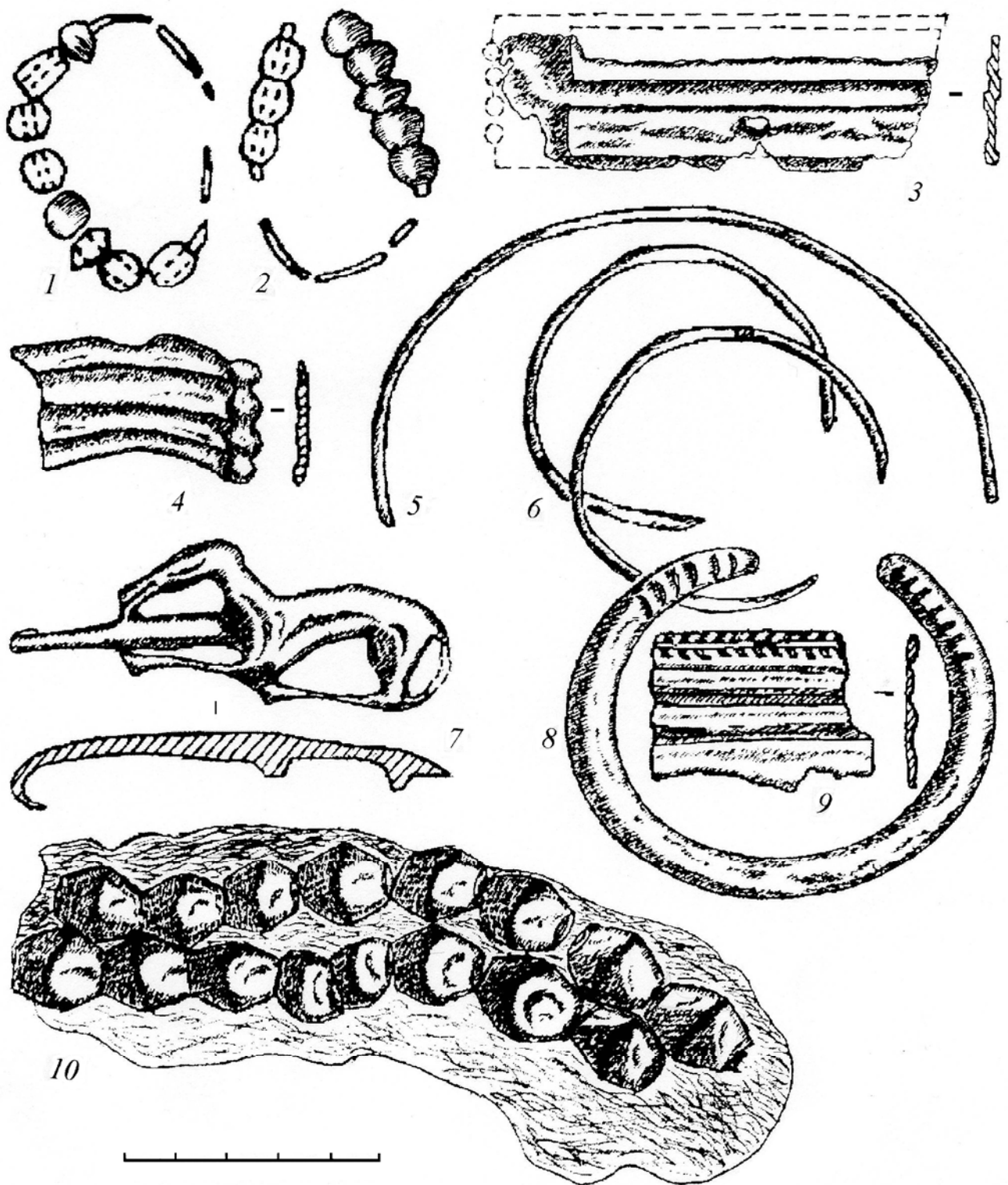

Рис. 60. Писеральский и Климкинский курганные могильники.

Личные украшения.

1, 2 – Климкино, к. 1, погр. 6; 3, 4, 9 – Климкино, к. 1, погр. 12; 5,

7 – Климкино, к. 1, насыпь; 6 – Климкино, к. 1, погр. 15;

8 – Писералы к. 2, погр. 5; 10 – Климкино, к. 1, погр. 8.

(1, 2 – височные украшения (бронза, стекло); 3, 4, 6, 8, 9 – браслеты (бронза); 5 – гривна (бронза); 7 – поясной крючок (бронза); 10 – бусы (бронза, кожа)

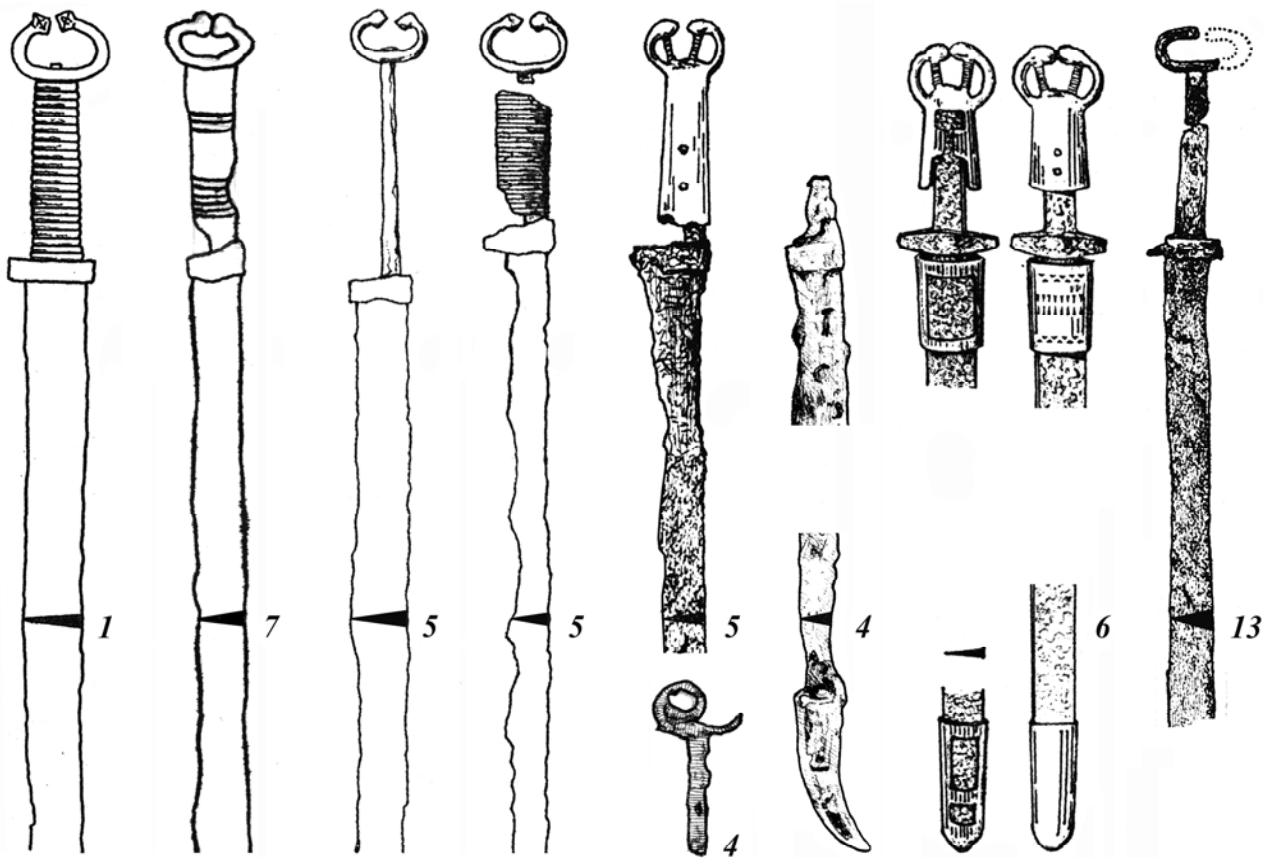
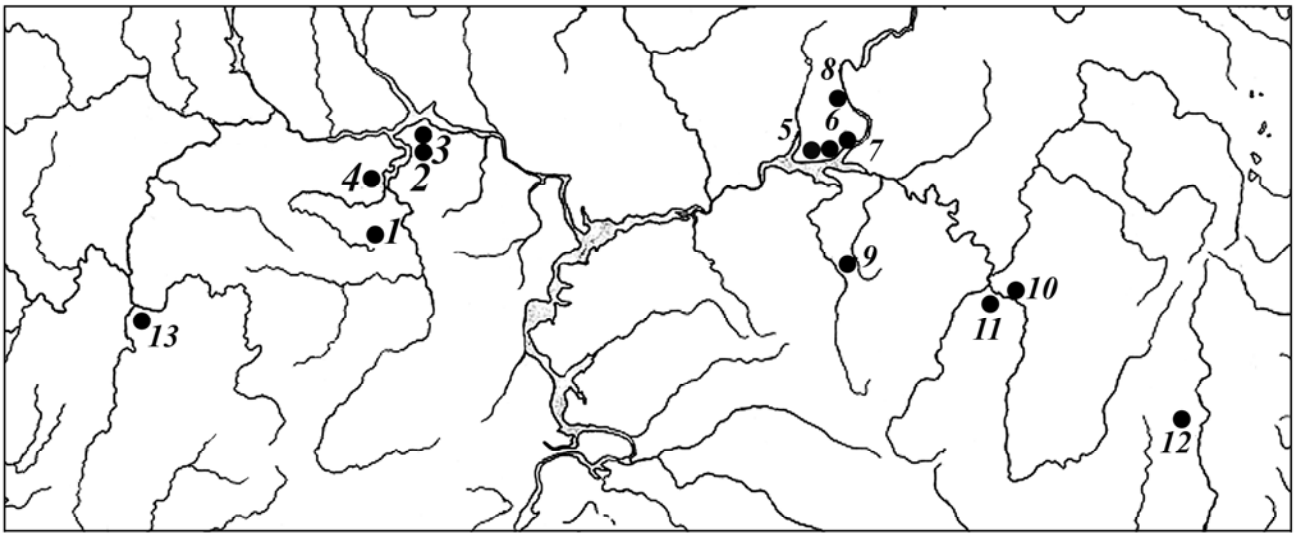

Рис. 61. Схема распространения палашей Волго-Уралья в памятниках раннего железного века.

- 1 – Андреевский курган; 2 – Клишкинский курганный могильник;
 3 – Писеральский курганный могильник; 4 – Пильнинский I могильник;
 5 – могильник Нырғында II; 6 – могильник Чеганда II; 7 – Афонинский могильник;
 8 – Тарасовский могильник; 9 – Камышлы-Тамакский могильник;
 4 – Кошибеевский мог.; 10 – Охлебининский могильник; 11 – курганный могильник Старые Кишки;
 12 – Альмухаметовский курганный могильник;
 13 – Кошибеевский могильник (номера на карте-схеме соответствуют нумерации рисунков, масштаб не соблюден)

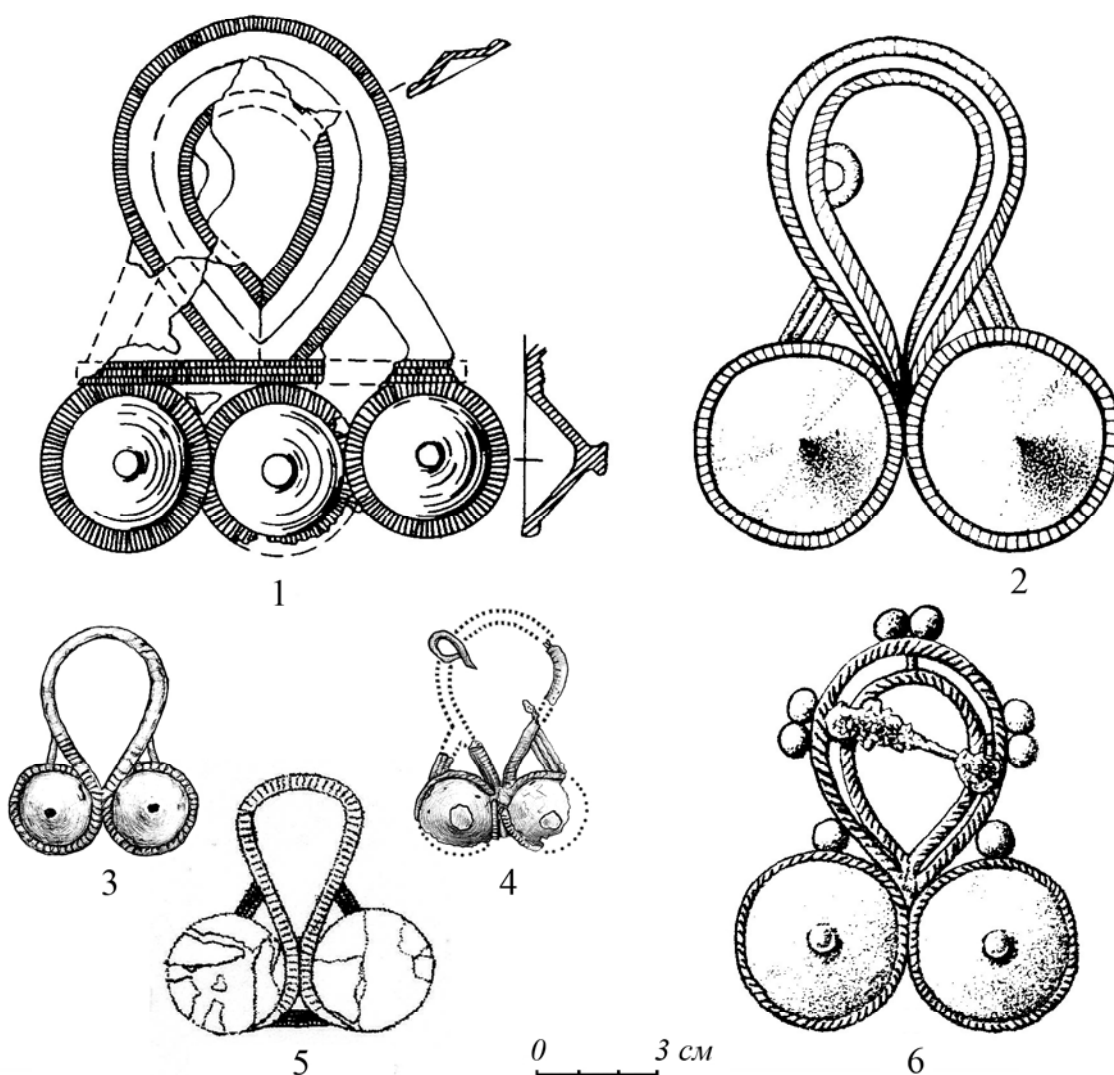
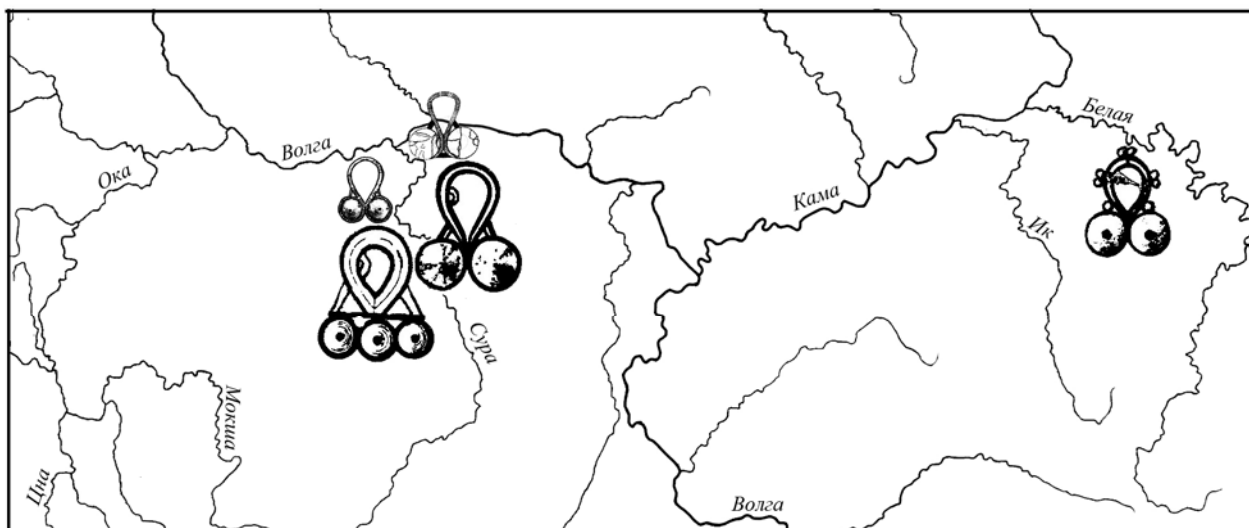

Рис. 62. Схема распространения ажурных литых застёжек-сюльгам с миндалевидной рамкой.
 1 – Андреевский курган (погр. 39); 2 – сл. нах., Красноармейский район Республики Чувашия; 3, 4 – Пильнинский I могильник (из разруш. погр.); 5 – Климкинский могильник (к. 1, погр. 12); 6 – III Кушулевский могильник (погр. 66, Агеев, Мажитов 1986, рис. 9-20)

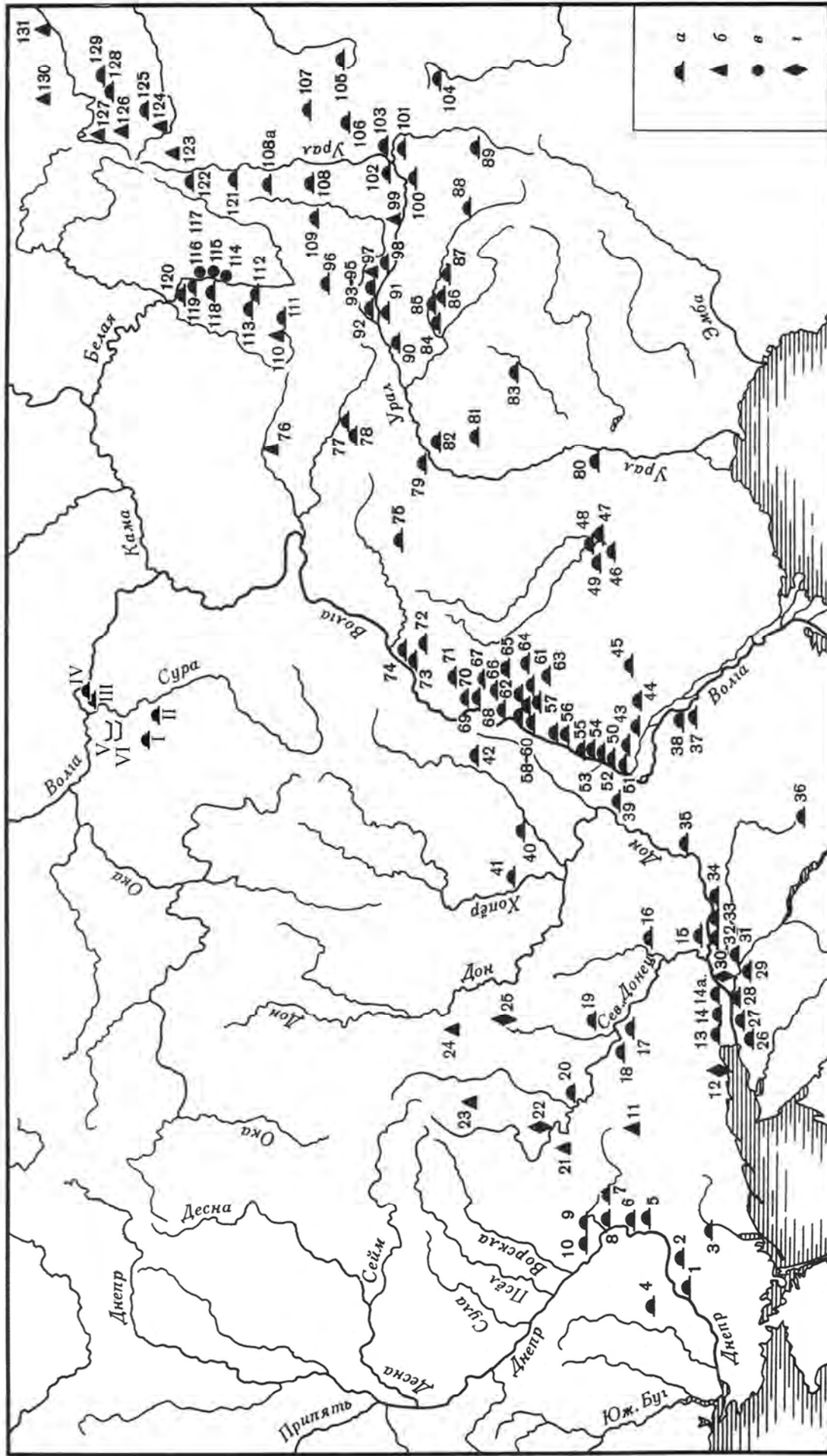

Рис. 63. Раннесарматские памятники Восточной Европы (по Смирнову 1989, с. 170, карта 13)

и локализация памятников писеральско-андреевского типа

I – Андреевский курган; II – Староардатовский курган; III – Писеральский курганный могильник; IV – Климинский курганный могильник; V – Пильнинский I курганный могильник; VI – Пильнинский II курганный могильник

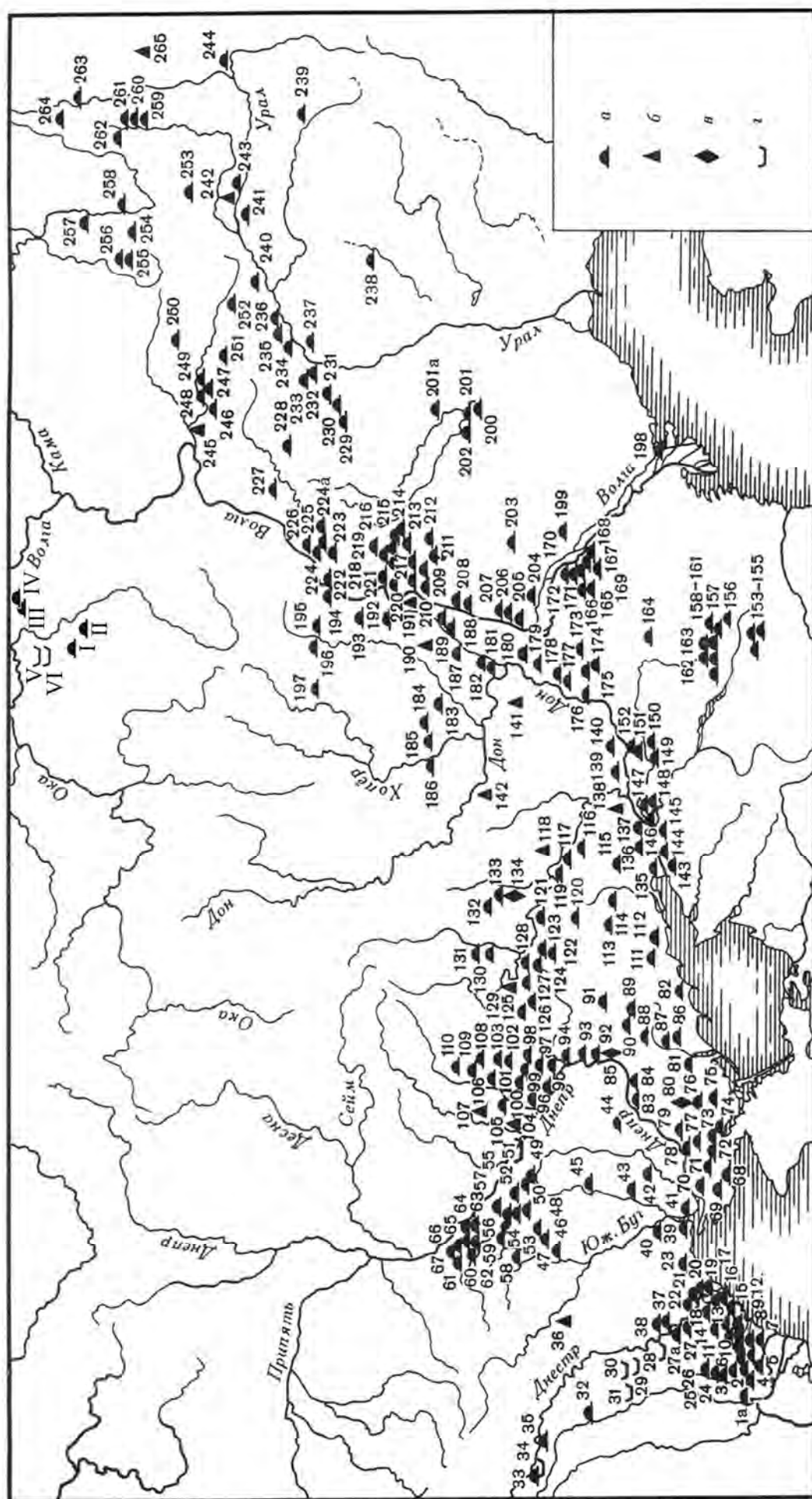
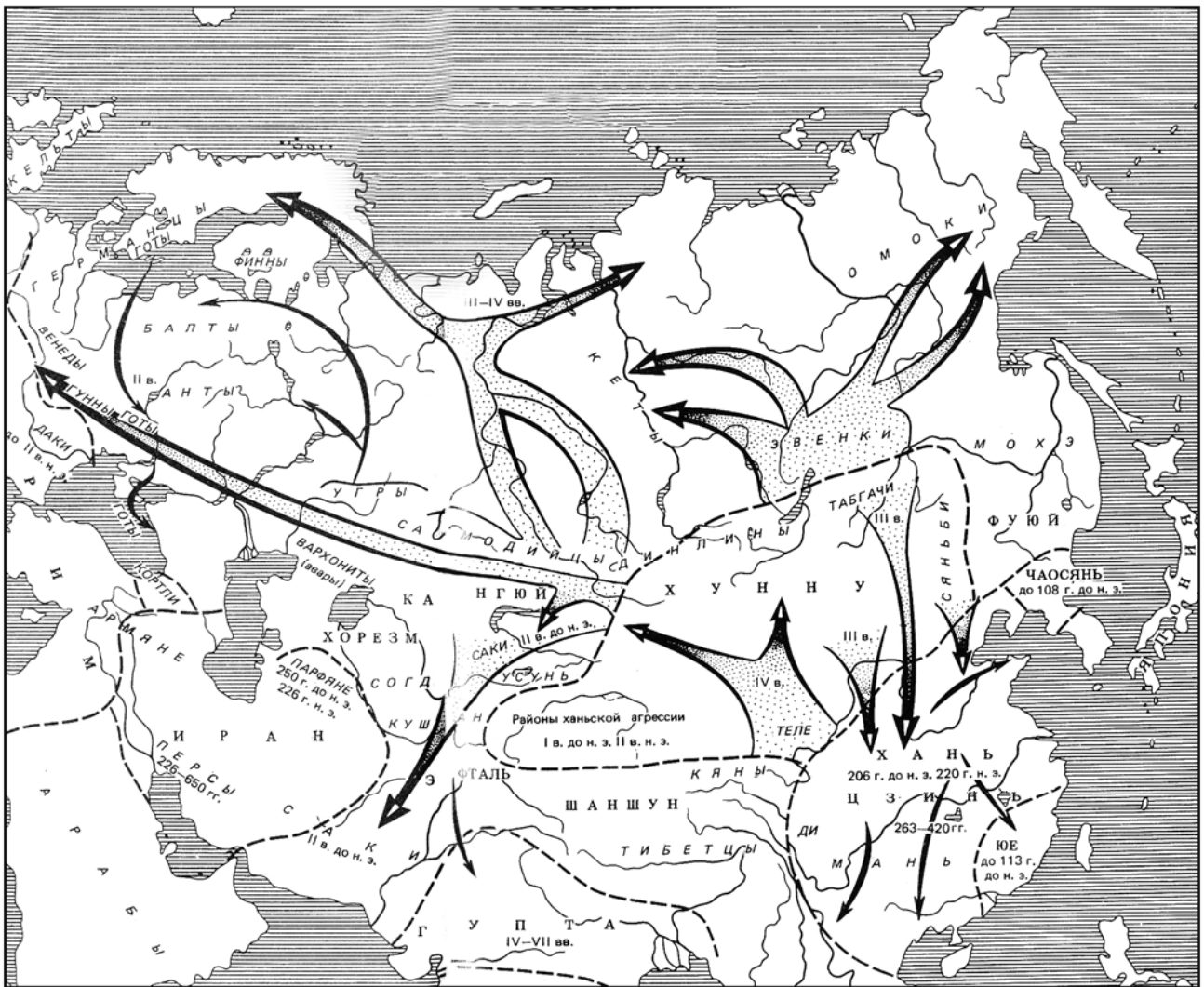

Рис. 64. Памятники средне- и позднесарматской культур (по Мошковой 1989, с. 176, карта 14) и локализация памятников писеральско-андреевского типа

I – Андреевский курган; II – Староардатовский курган; III – Писеральский курганный могильник; IV – Климинский курганный могильник; V – Пильнинский I курганный могильник; VI – Пильнинский II курганный могильник

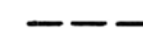
- — миграции кочевых народов
- — миграции оседлых народов
- — границы государств.

Рис. 65. Миграции народов во II-V вв. н.э. (по Гумилеву 1993, с. 308-309)

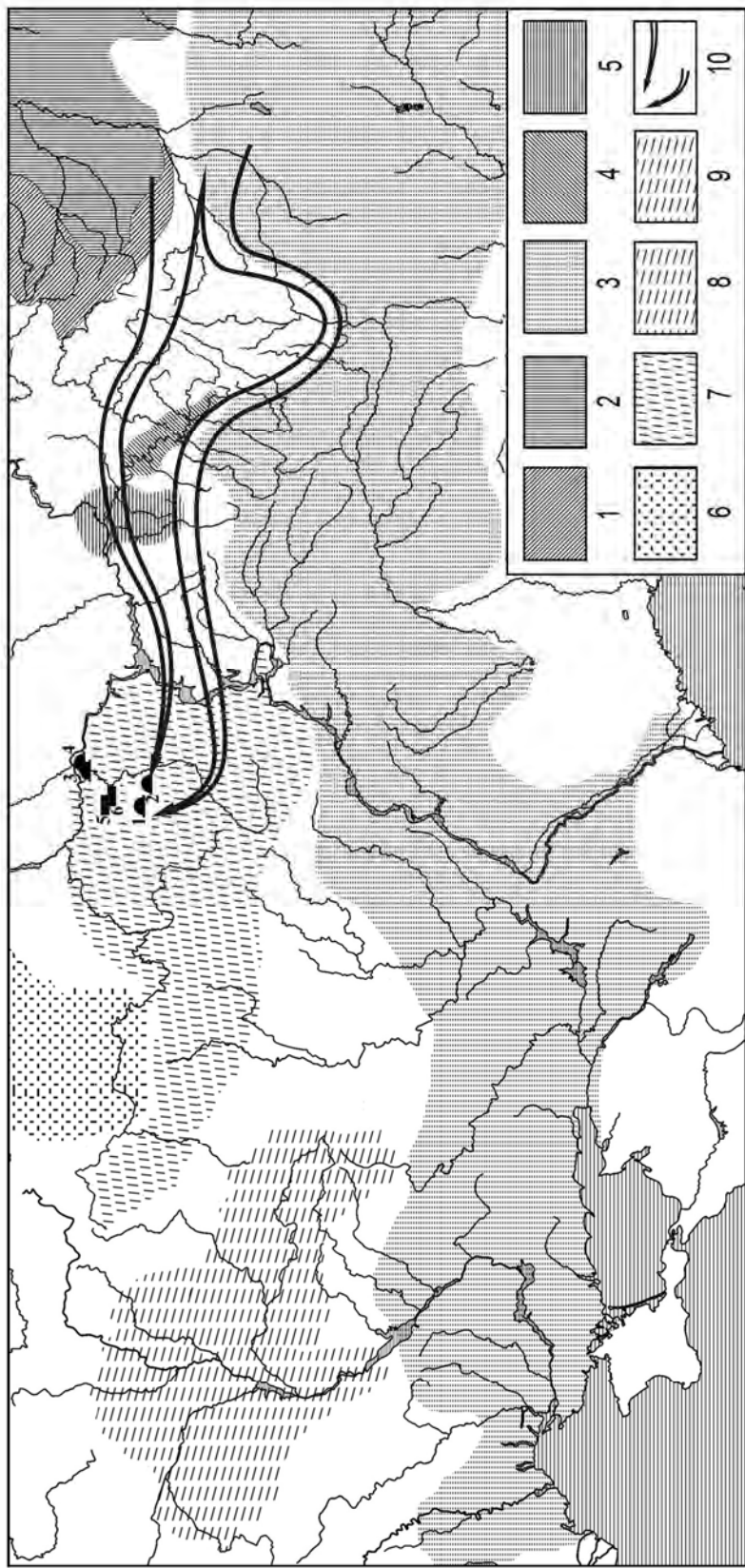

Рис. 66. Карта-схема археологической ситуации в Восточной Европе I-II вв. н.э.

и локализация памятников писеральско-андреевского типа

- 1 – зона распространения памятников гороховской культуры (по Матвеевой Н.П.); 2 – зона распространения памятников саргатской культуры Тоболо-Ишимья (по Коряковой Л.Н., Матвеевой Н.П.); 3 – зона распространения саргатских памятников (по Мошковой М.Г.); 4 – зона распространения памятников кара-абызской культуры (по Пшеничнюку А.Х.); 5 – зона распространения памятников пьяноборской культуры (по Агееву Б.Б., Генингу В.Ф.); 6 – зона распространения памятников дьяковской культуры (по Смирнову К.А.); 7 – зона распространения памятников городецкой культуры; 8 – зона распространения памятников зарубинецкой культуры (по Обломскому А.М.); 9 – локализация писеральско-андреевского типа (1 – Андреевский курган; 2 – Староардатовский курган; 3 – Писеральский курганный могильник; 4 – Климкинский курганный могильник; 5 – Пильнинский I грунтовый могильник; 6 – Пильнинский II грунтовый могильник); 10 – возможные пути воинских миграций зауральских угорских племен в I-II вв. н.э.

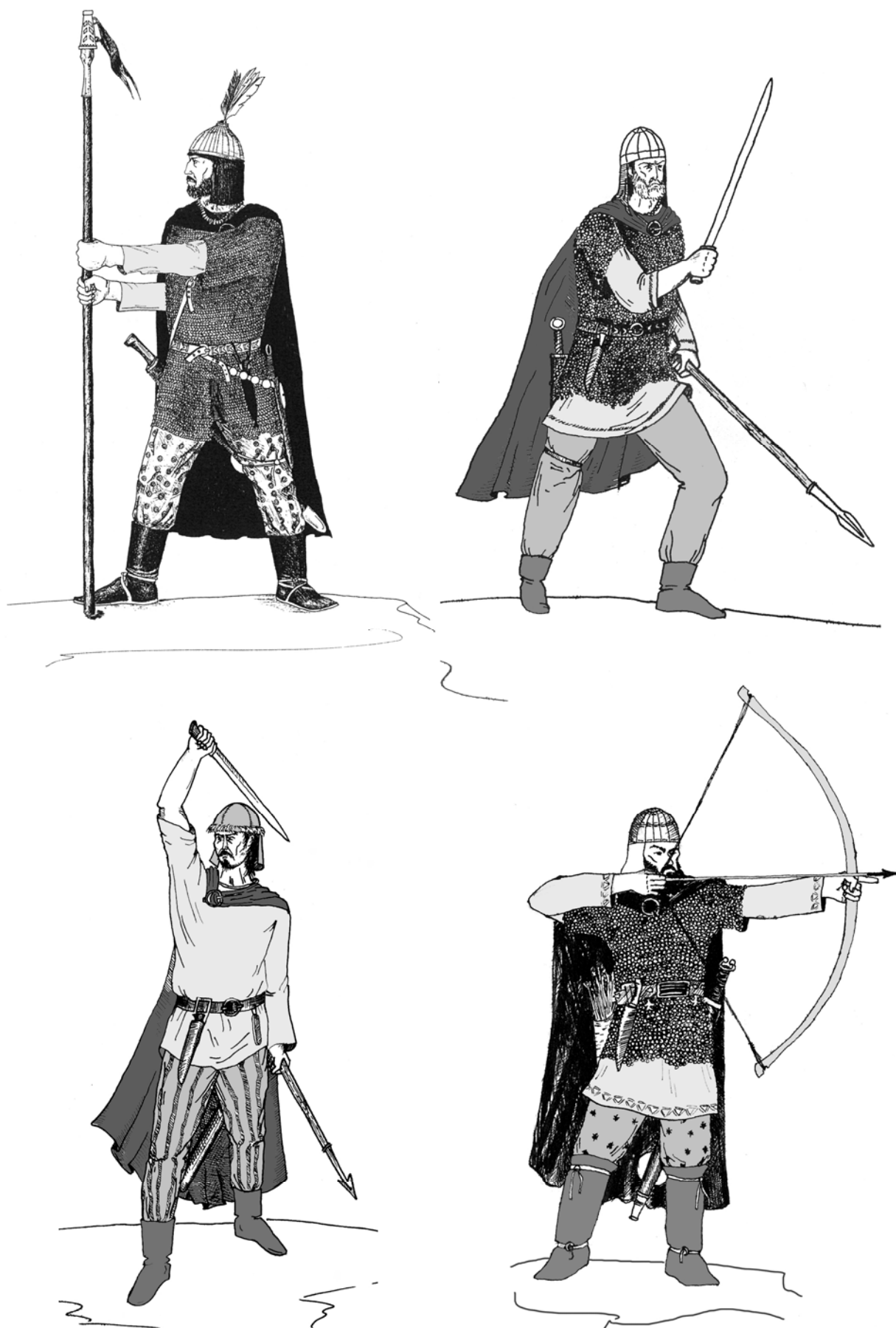

Рис. 67. Реконструкция облика воинов по материалам Андреевского кургана (рисунки С.Э. Зубова)

MoreBooks!
publishing

yes

i want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! Бесплатная доставка и бережное отношение к окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.more-books.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Free-of-charge shipping and environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.get-morebooks.com

VDM Verlagsservicegesellschaft mbH

Dudweiler Landstr. 99
D - 66123 Saarbrücken

Telefon: +49 681 3720 174
Telefax: +49 681 3720 1749

info@vdm-vsg.de
www.vdm-vsg.de

this paperback is printed by

reha gmbh

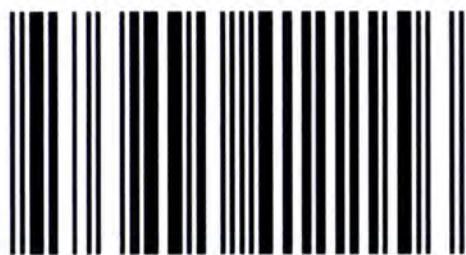
Dudweilerstraße 72
66111 Saarbrücken
www.rehagmbh.de

Монография посвящена сложной проблеме исследования миграционных процессов и формированию новой этнокультурной среды на основе археологических памятников Среднего Поволжья в первых веках нашей эры. В работе представлена новая интерпретация погребального обряда и вещевого инвентаря памятников писеральско-андреевского типа, рассмотрены их этнокультурные особенности и определено историческое место населения, оставившее столь яркие археологические памятники. В книге впервые собраны воедино материалы памятников писеральско-андреевского типа и неопубликованные данные. Специальное внимание уделено проблеме воинских миграций, способствующих социальной дифференциации общества и выделения в нем касты военных вождей и их окружения. Книга предназначена для археологов, историков и этнологов.

Сергей Зубов

Зубов Сергей Эдгардович, археолог, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой САГМУ, г. Самара. Автор более 50 научных статей, ряда учебных пособий по истории и археологии, двух монографий. Научные интересы связаны с изучением этнокультурных процессов на территории Среднего Поволжья и Приуралья в раннем железном веке и раннем средневековье.

978-3-8454-1115-6